

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 1(58)
2023
XXI
ВЕК

15
лет
журналу

- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Переводы
- Голоса молодых
- Это было, было, было...
- Проза XXI век
- Образование через искусство

Журнал приглашает
к сотрудничеству организации
и всех заинтересованных лиц

ПИСАТЕЛЬ. **XXI** ВЕК → 2023

15
лет
журналу

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЬ 1(58)
2023

XXI
ВЕК

- Мастер
- Чур тебя!
- Новый год под пальмой
- Элитный маршрут
- Мать
- Циклон
- Перед грозой
- Паркет Ленинграда
- Бабушка Волчиха
- Будьте любезны
- Госпожа Ядвига
- Интуиция
- Шуршали голуби на крыше

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонова

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Верстка — О. А. Карманова
Макет обложки — О. А. Карманова
Корректор — С. М. Ионова

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

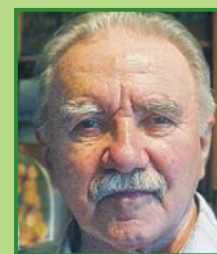
СПб: Негосударственное учреждение культуры "Серебряный век", 2023

ISBN 978-5-6051100-0-2

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Журнал «Писатель. XXI век», 2023

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

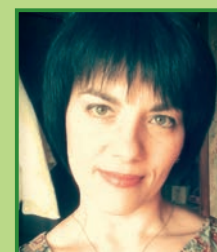
Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонова

Н. М. Менендес

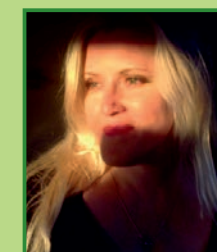
Ева Талая

Валентина Телухова

В. А. Орлов

Валенсия Вазалия

Андрей-Viktoria-Андреев

Евгения Славороссова

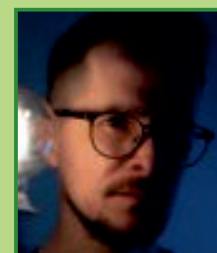
Андрей Цырульник

Ида Замирская

Светлана Будкова

Гектор Шульц

Александр Михан

Юлия Квасникова

Александр Райн

Валерий Неудахин

Александр Железов

Майк Гелприн

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛАЯ ПРОЗА

<i>Ева Талая.</i> Как мы стали «сепаратистами».....	2
<i>Наталья Менендес.</i> Мастер. Невеста.....	10
<i>Гектор Шульц.</i>	18
<i>Майк Гелприн</i>	23
<i>Валенсия Вазалия.</i> Чур тебя!!! Крещенская вода. В добрый путь! Чуткость. Водолей. Чутьё. Новый год под пальмой.....	28

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

<i>Андрей-Viktoria-Андреев, Евгения Славороссова, Светлана Будкова, Юлия Квасникова</i>	33
---	----

ПЕРЕВОДЫ

<i>Андрей Цырульник.</i> Переводы.....	53
<i>Ида Замирская.</i> Переводы.....	57

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

<i>Александр Райн.</i> Элитный маршрут.....	59
---	----

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

<i>Гектор Шульц.</i> Мать.....	65
<i>Александр Железов.</i> Циклон.....	68

ПРОЗА XXI ВЕК

<i>Александр Михан.</i> Перед грозой. Будьте любезны. Спаситель. Госпожа Ядвига. Круг должен замкнуться. Осознанность.....	88
<i>Валерий Неудахин.</i> Паркет Ленинграда. Атака. Огород ветерана. Интуиция.....	109
<i>Валентина Телухова.</i> Бабушка Волчиха. Ласточка. Шуршали голуби на крыше...	122

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

<i>Валерий Орлов.</i> История корейской литературы до 21 века	153
---	-----

Ева Талая
(Россия, г. Севастополь)

КАК МЫ СТАЛИ «СЕПАРАТИСТАМИ»

— Сепарация (лат. *separatio* «отделение») в технике — это различные процессы разделения смешанных объёмов разнородных частиц, смесей, жидкостей разной плотности, эмульсий, твёрдых материалов, взвесей, твёрдых частиц или капелек в газе. При сепарации не происходит изменения химического состава разделяемых веществ.

— Сепаратизм (фр. *Séparatisme* от лат. *Separatus* — отдельный) — теория, политика и практика, стремление к отделению, обособлению (*сецессии*). Это особый тип политических и иных движений или направлений, основанный на идеологии, призывающей и ведущей к отделению части территории от государства. Подобные движения происходят, как правило, на фоне гражданских волнений и имеют целью отделение территории от государства, ликвидацию его суверенитета над этой частью [1]. Это может быть автономия в государственных границах, присоединение к другому государству или создание самостоятельного территориального образования с собственными границами и независимым управлением.

В те годы мы плохо понимали, что с нами произошло. Изнеженные советской стабильностью, мы отрицали, что что-то идёт не так. Слово «перестройка» звучало по-новому, и политически необразованный народ с восторгом принимал новое в рутину своей жизни. Как оказалось, не всё новое к лучшему.

Да и что мы знали!? Жили, работали, учились и были уверены, что это навсегда.

Мне было девятнадцать лет, возраст достаточно юный для человека, получающего образование в одном из советских техникумов. Получить специальность — это условие социалистического образования и менталитет, с этим никто не спорил, пока не спорил... Будущее казалось радужным и беззаботным, но из всего имеющегося хотелось большего. И нам его пообещали...

В 1991 году, после того как перестройка сломала то, что было построено, а до светлого капиталистического будущего было ещё, ого-го, как далеко, словно снег на голову, свалилась «независимость». У многих была эйфория — наконец-то что-то изменилось. Только перемены не были добрыми. Как я это поняла?

Хлеб!

В какой-то момент в хлебном магазине напротив нашего техникума мы не смогли купить хлеба. Как обычно, на большой перемене все студенты ринулись в булочную, и я не была исключением. Это было привычкой трёх

лет. Но на этот раз я растерянно смотрела на пустые деревянные полки. Не было ни хлеба, ни булок... Пусто! Продавец, крупная женщина в белом чепчике и в белом фартуке пожимала плечами, мол всё, что привезли, разобрали рано утром и больше не привезут. Перемена не долгая, и ничего не оставалось, как вернуться на занятия голодной. Навстречу шли те, что ещё не успели увидеть пустых полок. Я тогда подумала, что им не стоит говорить, пусть всё увидят сами... Не-то, не хотелось их расстраивать, не-то, из соображения солидарности, а они бы и не поверили, и в любом случае пошли бы убедиться в том, что их, не шутки ради, одурачивают.

На занятия пришли все без настроения. На пустой желудок знания не усваивались. Педагог, немолодая женщина, не сразу поняла, почему учебный процесс шёл так ленивенько. Кто-то из мальчишек не выдержал и проговорился, что урчание в желудке не даёт ему сосредоточиться. Мы рассказали, как впустую сходили в булочную, в надежде, как обычно, купить свой пирожок, но застали пустые полки. Наш педагог достала из своей сумки большую буханку чёрного хлеба, круглый такой, тёмный, его запах невозможно было спутать ни с чем. У нас потекли слюнки... Хлеб мы разделили, отламывая от буханки ломти прямо руками, без ножа. Мы жевали его без ничего, без соли и воды, и радовались.

Тогда впервые я подумала, а как там у них, там, не на Украине, тоже в магазине хлебобулочных изделий пусто? Не знаю думал ли ещё кто-то об этом, но я осознала, что есть «мы», и есть «те»...

Разделяй и властвуй!

Сперва придумали герб. Следом за гербом гимн... Или всё одновременно, я уже не помню. Гимн был, естественно, на украинском языке. Наш город русскоязычный, на улицах нельзя было услышать украинскую мову, но я её слышала дома — на суржике разговаривала моя бабушка. И мне оказалось легче всего понять нововведение. После советского гимна, этот казался заунывным, и в первых же словах всё естество отторгало его, как инородное тело. То же самое было с гербом! Вместо пшеничных колосьев видеть острый, неприглядный и откровенно агрессивный трезубец было неприятно. А потом флаг... Для нового независимого государства он показался мне, на фоне гимна и герба, таким же мертвенно-блеклым, а главное, не всем он напоминал небо и пшеничные поля... Его символизм, протянутый за уши, сложно укладывался в понимание после алого знамени СССР, победного знамени, знамени Родины. Но в 19 лет я сомневалась в том, что мои интуитивные ощущения могут быть верными... Впереди вся жизнь, светлое, независимое будущее, по крайней мере так казалось.

Когда мы все получили украинский национальный документ — паспорт, новенький, со всеми атрибутами государственности — ощущение новизны и хрупкости... Да, именно хрупкости. Он не казался чем-то монументальным. А главное, в нём уже не было графы «национальность».

Кто я?

Русская по отцу, украинка по матери, а в документе было написано — «гражданство Украины». Вот так, никакой идентичности, просто гражданка...

Кто я?

В конце концов, этот вопрос был сказан вслух. Я спросила у родителей, на что они удивлённо и однозначно ответили — «русская».

— Но, — не унималась я, — я же родилась в Украине!?

— И что? — ответила мне мама, — это только у евреев национальность по матери, а ты по отцу русская.

— Но, в паспорте написано «Гражданство Украины»! — старалась я расставить все точки над і.

Отец не выдержал и с сарказмом сказал:

— Бьют по морде, а не по паспорту!

Этот аргумент показался мне неубедительным, всё потому, что я не видела внешнего различия между русскими и украинцами. Пройдут годы пока эта разница станет заметной, а тогда, в девяностые годы, люди выживали, как могли, и многим даже в голову не приходило как-то разделять один народ.

Не стану долго описывать всё, что люди на территории Украины пережили в девяностые годы, и весь поток новшеств, которые принесли нам западные свободы и ценности. С высоты прошедших лет многое стало понятным, и последние события 2022 года расставили всё по своим местам. Но тогда-то нам казалось строится наше будущее, на фоне полностью разваливающейся действительности, и на месте рухнувших привычных для нас реалий появлялись другие — новые. Новые книги, другие фильмы, свобода слова, без цензуры, без участия культуры... Дети впитывали всё это в себя, как губки, а взрослые были слишком заняты зарабатыванием денег, чтобы выжить и дать своим чадам чувство, что они не хуже других, отдавая трудно заработанные деньги на товары свободного рынка. И конечно же, им не хватало времени осмыслить, что и чем забивают в голову молодёжи пока они вкалывают на трёх мало оплачиваемых работах.

Не покидало ощущение будто мы всё время запрыгивали в последний вагон. Устроилась на работу — всё по-новому, пошла учиться в институт — и там всё по-новому. Институт — переименовать в университет. Новые слова — бакалавр, магистр. Взрослые, как дети, радовались жвачкам, растворимым напиткам «юпи», замороженным в ящиках куриным американским окорочкам «Буша», водке «Роял» и прочим невиданным вещам, типа Нутеллы, Магги и ПедиГри. Запрыгивали в «новое» жадно и безответственно, боясь, что это уйдёт, уедет, исчезнет, кто-то запретит... Но, исчезала жизнь, стабильность, традиции и устоявшиеся годами привычки. Казалось мы стали свободнее, а теперь понимаю, что нас сделали оторванными, без корней и без возможности давать плоды...

Девяностые годы переработали многих, переварили, перетравили... Как сад с пустоцветами, к двухтысячным годам мы не то что не процветали, мы даже успели забыть кто мы и потерять корни... На кого нас только

не делили, как мы только не расслаивались. Общество, как живой организм, корчилось и стонало, местами даже не болело, а где-то неисцеляемая рана. Мы делились на «новых русских» и работяг, на «челночников» и кооператоров, на проституток и недотрог, на хитрых дельцов и наивных растяп. Спекулянтов научились называть бизнесменами, ворюг деловыми людьми, те, кто успел за бесценок скупить производства, стали олигархами. В эти годы в обиход входит слово — ЛОХ.

Запрыгивание в последний вагон и проносящаяся мимо жизнь. Только начала учиться, развалилась система образования, техникумы стали колледжами. Поступила в институт, пока закончила вуз переименовали в университет, и не просто, а государственный. Пошла работать, сняли вредность, а зачем пережитки социализма, кому нужны наши проблемы со здоровьем, не нравится — за воротами безработица. «Без» — это основа словосложения того времени — безработица, без совести, без стыда, без ума, бескультурье, безвременье, безнравственность... Трудно было? Нет, мы просто летели в бездну без тормозов...

И тем не менее, хватало людей, на которых держался весь этот мир, потерявший инстинкт самосохранения, обесценивший жизнь человеческую, стремящийся обогатиться материально и за счет других. Таких Колоссов, державших небо, было мало. Это были люди с советской прошивкой мозга, помнящие подвиги народа и черпающие силу из традиций русскости... Их надолго не хватило... К сожалению.

Новые русские, со всеми своими атрибутами, малиновыми пиджаками и чёрными «бумерами», к 2000 годам стали элитой, мафия и бандиты стали политическими силами. Мы привыкли к новым словам — менеджмент, менеджер, маркетинг и всем другим ...тинги и ...джеры, господа вместо товарищей, бакалавры, магистры вместо специалистов. Специалисты и инженеры, аспиранты и доктора наук растворились в общей массе торгашей на вещевых рынках. Да и кому тогда была нужна наука — изучали новые месседжи, осваивали начитанное коучами и прочие имитации нецивилизованного развития.

Измельчали люди

Заборы стали выше, глаза опустились ниже, слова потеряли значения, внешность определяла статус, качество перешло в количество, по-настоящему ценные вещи, как и сам образованный человек, стали не модными. Но было и хорошее, как в самые трудные времена, всегда есть проблески надежды. Мы выжили в новых условиях! Из всех трагических событий человеческие существа выходят сильными и обновлёнными. Навряд ли другие народы имеют подобный нашему, опыт, а значит и силу.

Моя страна прошла тот путь, когда, казалось бы, надежды вот-вот станут исполняться. Мы делили время на «до», «после» и «вот-вот». Всё, что было до 1991 года, стало забываться, всё, что было после, в глубине души, мы оправдывали поиском нового пути, и, вот-вот, должны были зажечь по-настоящему!!!

И тут случился 2001 год... — 11 сентября. 2004 — оранжевая революция... В 2001 мы скорбели по погибшим в Америке и проклинали терроризм, а в 2004 мы терроризм не разглядели у себя дома. И стали разделять всё на — «то другое», «моё» и «не моё».

Хорошо помню поездку в Купянск к моим стареньким дедушке и бабушке. У меня к тому времени уже родилась дочь, и мне стало важно понимать, в какой мир пришёл мой Ангелочек. Хотелось приучить ребенка и к поколению тех, кто в новом мире так и не освоился, но нёс в себе память и генетическую основу духовности нашего народа. Дедушка был участником Великой Отечественной войны, дошёл до Берлина, после ранения был инвалидом, у него не работала одна рука. Он освобождал Украину, а именно западную её часть от фашистов, и хорошо был знаком с последствиями действий УПА и УНА УНСО. И когда мы приехали к нему, по телевидению транслировали, что воины УПА и прочие преступники приравнены к воинам Советской Армии. Ющенко издал указ и радостно объявил о примирении... Сняли ролик, в котором ветераны УПА и ВОВ пожали друг другу руки. Дедушка Ваня плакал, как ребёнок. Для него это стало шоком. Он не мог понять, как можно было ставить в один ряд этих людей и воинов-освободителей. Мы не могли его успокоить, и тогда он стал рассказывать ужасы, с которыми столкнулся на территории Западной Украины, когда освобождал эту землю от коричневой чумы. Вы всё это можете найти в рассекреченных документах, фото и статьях на эту тему, они есть в свободном доступе. О Хатыни, Бабьем Яре и прочих «подвигах» украинских националистов не знает разве только полный неуч!

А может проще жить — «Не моё», «Меня не касается», «Было и прошло»..?

С тех пор попрание традиций и переименование исторических фактов, для меня лично, воспринималось очень болезненно, но другие, или правильной сказать, многие, не имели привычки противостоять тому, что, как им казалось, их лично не касается.

А оно ведь коснулось каждого. Мы и понять не успели, когда потребительство, нежно возвращенное в нас демократически цивилизованным обществом, сыграло с нами злую шутку. Мы стали потребителями не только вещей, но и на одну ступень с вещами, незаметно, поставили людей. Стали потреблять друг друга — по блату, по выгоде, по принципу — «пока нужен, потом выброшу». Любовь... Дружба... Взаимопомощь... в конце концов, даже милосердие стало непотребным...

Нас разделили на «тех» и «иных», на «таких» и «не таких», на «своих» и «чужих», и стали появляться ещё и «бесподобные» — элита, те самые сливки общества. Для них всех разнообразие «разделённых» стало «БЫДЛОМ»! Так появилось ещё одно новое слово и понятие, после слова ЛОХ.

Помню, как однажды, в 2004 году, после «помаранчевой революции», мы с маленькой дочкой ехали в больницу, проведать папу, моего мужа, который будучи «Беркутовцем» на Майдане, в результате переохлаждения, получил сперва бронхит, потом воспаление лёгких и закончилось всё это, бронхиальной астмой. В троллейбусе было много людей, и вот мимо окон троллейбуса проехала колонна автомобилей с оранжевыми флагами в поддержку «оранжевой власти». Дочь оживилась и стала выкрикивать речёвку

майдана: «ЮЩЕНКО, ЮЩЕНКОООО»!!! Я растерялась. Это ж надо было такому случиться, что политические лозунги, транслируемые по телевизору и прочим СМИ, трёхлетним ребёнком были заучены на подсознательном уровне! Люди в троллейбусе напряглись и с возмущением смотрели на меня и на дочку. Чтобы вы понимали — весь восток Украины на тот момент поддерживал партию «Регионов», а не «Майданутых». И тут такое!!!

Дочь поняла по взгляду окружающих людей, что что-то не то, замолчала и словно в оправдание тоненьким голоском продолжила своё выступление с речевкой: «Я-ну-ко-вич, Я-ну-ко-вич»... Не знаю как и почему, но мы позволили нашим детям осознать, что есть те, что за Ющенко, и есть другие, которые за Януковича. Сами же мы совсем не думали ни о тех, ни о других, продолжая подчиняться неведомым для нас законам управления массами... Ведь условные лидеры, оба, были из «касты бесподобных», которые не были для нас лидерами и даже идеей, мы толпились, каждый со своей стороны, не задаваясь особенно почему тот или второй. Наше советское наследие быть частью чего-то большего, в подобных условиях требовало немедленно примкнуть к одному или другому лагерю, толкало нас к сепарации и отсложению друг от друга, на основании подаренного демократией чуда!!! И чудо это было — иллюзия права выбора! При всей обещанной независимости, нас поделили и загнали в лагеря, тех, кто ринулся осваивать новые веяния, и тех, кто хранил традиции и не мог переступить черту быть свободным от совести.

Дети стали узнавать политиков...

Когда я была в первом классе, умер Брежнев. Учителя плакали и мы, перепуганные, не знали, что случилось. Кто такой, этот дедуля на фото, нам было не ведомо. Но когда моя дочь пошла в первый класс и в школе был организован избирательный участок, то идя мимо плакатов с фотографиями кандидатов, мой ребёнок узнавал их в лицо и называл имена: Тимошенко, Ющенко, Янукович и т.д. Только теперь я понимаю, что информационные технологии опробовали на нас, жителях Украины, по полной, и мы мало уделяли внимания тому, что видят и слышат наши дети. Пройдёт каких-то десять лет и эти первоклассники назовут Советскую Армию не освободителями, а оккупантами. Слава Богу, мои дети к их числу не относятся.

Нас готовили стать стадом

Вливали в уши чётко прописанные по регламенту бредни псевдоисториков, псевдоучёных, псевдопартнёров и лжесвидетелей. Это подзадоривало невежественных учить «уму» тех, кто учен, а ученых к сепаратистским мыслям. Уверовавшие в новую правду не хотели жить с теми, кто хранил традиции, а те, в свою очередь, не предавали себя и своих основ, отгораживались от буйных новых патриотов.

Революция 2014 не была неизбежной

Её возвращали, как дитя. Подливали масла в огонь там, где нужно было, и тушили там, где не нужно. 2014 год приговорил страну к смерти, а население к закланию. Можно долго и бесконечно говорить о тех годах и то, чем это обернулось. И коль уж я непосредственный участник этих событий, могу говорить о своих ощущениях, даже не стану рассказывать о рассуждениях. Расскажу о начале и о финале.

Свастика...

Именно это было началом. Я приехала в гости к своей подруге, с которой познакомилась по интернету, и мы решили познакомиться семьями. Харьков — Александрия, Кировоградской области. В доме подруги на почетном месте была коллекция немецких трофеев со свастикой, каска СС и другие атрибуты. Почему я не придавала этому значения!!! Через некоторое время, эта коллекция пополнилась, приумножилась и переселилась в отдельно отведенный шкаф, появились немецкие кресты, орлы и цепи со свастикой... Забежала немного вперед, это было уже после 2014 года. Уже были пройдены все точки не возврата для страны и общества, и я уже не могла не заметить этого. Я заметила, но ... было поздно!

Бульдозер...

В 2014 на Майдан выехал жёлтый бульдозер и стал наезжать ковшом на ряд солдат внутренних войск, которые были без касок и щитов. А какой-то невменяемый бил длинной цепью им по головам и брызгал в глаза силовикам из газового баллончика... Никогда не забуду их глаз и глаз «беркутовцев», и безумный взгляд тех, кто бросал в них камни и коктейли Молотова. Моя вторая дочка, которой было 7 лет, видя все это на экране телевизора, воскликнула: «Что они делают? Они что, фашисты?». Я и подумать не могла, что это было пророчество!

24 февраля...

Мне пришлось видеть две правды, быть и там, и там. С 2014 по 2017 я жила в Харькове и каждые два месяца ездила к семье в Крым. До 2020 года регулярно посещала Родину, рискуя и нарываясь. Когда меня спрашивали люди «как там», не важно с какой стороны, то не верили... Ни с той, ни с другой стороны. Не упрекала, не настаивала, не доказывала, просто на это не хватало сил. И все друзья, зная мою историю и причину переезда в Крым, знали, что моя семья была вынуждена скрываться от преследования со стороны националистов. Вдруг после 24 февраля 2022 года заголосили, что их убивают... Они так и не заметили войны! Были глухими и слепыми к тому, что происходило не с ними. Донбасс, Аллея Ангелов, 2 мая, отмена 9 мая, срывание с ветеранов георгиевских лент, слезы матерей... А я вдруг для многих из них стала сепаратисткой.

Эпилог

В моей семье есть одна реликвия — Вышиванка. Женская рубашка, сшитая из самотканого льна и вышитая украинским слобожанским узором, красными и черными нитками... Счастье и горе. Они всегда рядом по жизни...

Эту вышиванку мне дала моя мама, моей маме ее мама, моя бабушка. Этой вещи больше ста лет. Она всегда была в моем доме, задолго до «дня вышиванки», и моды на это после 2014 года. Эту женскую рубашку я передала моим дочерям, чтобы они передали ее своим детям. Я знаю, что даже если не будет Украины, будут люди, которые передадут своим детям самобытность народа, который не смог противостоять кучке оголтелых фашистов, возвращенных из одного и того же народа.

Только одни хранили память народа, а другие посылали танки...

Это конец для моей страны.

И финалом будет победа русского народа!

Февраль 2023 год

*Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)*

МАСТЕР

Из цикла «Долгий, короткий век»

Узкая полоска света за серой пеленой постепенно расширяется, вытесняя темноту, неясные шорохи и далёкие голоса.

— Посмотрите, Владимир Петрович, кажется, выходит.

Серые внимательные глаза окончательно возвращают Виталия из небытия в реальность.

— Так, так, молодец. Живуч ты, братец! С жизнью прощаться не захотел.

— Я что, прощался? — тихо одними губами прошептал Виталий, но врач понял.

— Жить будешь! Выкарабкался.

— Слава Богу, — выдохнул бедолага, прикованный к реанимационной койке множеством трубочек и проводов, обмотанный бинтами и заклеенный медицинскими пластырями.

— Завтра переведём в общую палату, будет повеселей.

«Веселье» общей палаты задержалось ещё на день, а потом обрушилось на голову Виталия, словно сдавленную железным обручем, досадным шумом, звяканьем и матюгами семи дополнительных голосов. Каждый из этих звуков жалящей пчелой вгрызался в затылок, свободно проходя через толстый слой странного марлевого сооружения, напоминавшего дамский чепчик. Весь этот гвалт стыдливо примолк утром при входе в палату миленькой медицинской сестры в белой курточке и розовых брючках, напоминавшей тонким светловолосым обликом куклу Барби, и несущей в руках совершенно не сочетавшиеся с ней несуразные и громоздкие стойки с капельницами.

Виталий не совсем отдавал себе отчёт, сколько времени он был без сознания, или, как ему сообщили друзья по несчастью, «в отключке». Оказалось, между небом и землёй он обитал целую неделю. Сегодня ему об этом напомнил и совершенно пустой желудок, жалобно попросивший в свою утробу чего-то вкусенького прорезавшимся аппетитом. Стараясь не обращать внимания на разговоры в палате, он силился вспомнить, как же он попал сюда. Усилия напрячь память, вглядываясь в трещины сероватого, давно не крашеного потолка, оказались тщетными. Он с досадой откинул их, подумав: «Ладно придёт Маруся — расскажет», будучи уверенным, что жена должна вот-вот появиться в дверях палаты.

Приближалось время посещений. Виталий отвернулся к окну. Там на гибкой зелёной берёзовой ветке тонким мазком выделилась золотая полоска. Качнувшись от лёгкого дуновения ветра, порывевший берёзовый листок, ярко высветился жёлто-оранжевым цветком, готовящимся через секунду оказаться в пухлой детской руке, протянутой через ограду палисад-

ника. «Непорядок — и цветы рвать не нужно, да и кувырнётся сейчас дитё, — раздражённо подумал Виталий, направляясь к малышу, — ну и мамки сегодня пошли, сидят, треплются на лавке, а на ребёнка ноль внимания». Отодвигая малыша от низенькой ограды, он наклонился и услышал оклик жены. Виталий повернул голову.

— Витя!!

Станный, тревожный звук и темнота. Темнота, окружавшая его всё это время.

«Да, он оказался здесь после этого странного звука», — начало всплывать в его памяти. — «А дальше»? Дальше снова неясная пустота.

Палата, приумолкнувшая в тихий час, снова оживилась к вечерним посещениям. Ожидания не обманули Виталия, одной из первых в дверном проёме появилась его жена. Её приветливое лицо сразу располагало к симпатии. Поздоровавшись, она уверенно направилась к обмотанному бинтами и пластырями Виталию.

— Слава Богу, отец, очнулся.

— Очнулся. А вот почему я тут оказался? Меня что, кто-то по голове шарахнул? Вроде никого рядом и не было? Или я чего не помню?

— Так, отец, никого и не было. Тебе на голову упал кусок шифера с крыши. Слава Богу, малыша ты вовремя отодвинул, а то бы раздавило его. Иврач сказал, что сам вряд ли был бы жив, если бы не повернул голову. Благодарю, Господа, спас тебя, оставил со мной пожить.

«Господа благодарю, — подумал Виталий, — не оклики ты меня, я бы не повернулся. Наверное, через тебя и спасает».

Вслух свои мысли Виталий не произнёс.

Жена поправила постель, расправила складки свалевшейся под спиной рубахи. Выложив на тумбочку провизию, присела рядом.

— Давай покормлю, я тебе принесла бульона да киселя. Теперь нужно есть, силы восстанавливать.

Виталий к больничной еде всегда относился недоверчиво, и с нетерпением поджидал домашнюю пищу, приготовленную женой, но проворчал:

— Тебе, то нужно есть, то нельзя.

— Да когда ж это нельзя, отец?

— Сама знаешь, когда не даёшь.

— Да разве ж я не даю? Тут ты сам решаешь.

Жена, конечно, говорила правду. Была она искренне верующим человеком, соблюдающим все положенные посты, но Виталия поститься насильно не принуждала. За долгую жизнь, за плечами которой давно остался золотой юбилей, она незаметно для него самого изменила его, развернула в другую сторону, совершенно не принимаемую им раньше. Вот и сейчас ему невольно вспомнился случай, несомненно, сыгравший свою роль.

Было это несколько лет назад. После сытной масленицы ему ужасно не хотелось переходить на постную пищу. Накануне Великого поста он заявил Марии:

— Как хочешь, а я поститься не буду.

— Так смотри, Витя, твоё дело, — тихо ответила жена.

Понимая, что ей будет тяжело готовить ему особенно в чистый понедельник, когда Мария практически ничего не ела, а пила только воду, он хотел успокоить её:

— Я завтра сам себе сготовлю. У меня вон в холодильнике пельмени есть. Можешь и не выходить на кухню.

— Хорошо.

Утром Виталий позавтракал не особенно плотно, не хотелось. А вот к обеду аппетит разыгрался. Он наварил себе пельменей, в воду положил кубик модного тогда бульона «Галина Бланка», а потом заправил обильно майонезом. Наелся до отвала. Подумал: «Ну и без жёниной готовки можно голодным не остаться». Через несколько часов его скрутило так, что не мог нидохнуть, ни охнуть. Фельдшер скорой помощи, покачав головой, сказал, что нужно везти в хирургию. В приёмном отделении хирург, осмотрев, спрашивал очень въедливо про его сытный обед. Виталий стал перечислять.

— Вкусно, отец, пообедал, — улыбнулся хирург.

Когда жена спросила, что ему принести поесть, Виталий буркнул:

— Ничего. Три дня совсем есть нельзя.

— Ну вот, отец, поститься не хотел, так теперь голодать будешь.

Произнесла это Мария не язвительно, а жалобно и смиренно. И Виталий согласно покачал головой. Теперь, если он и взбрыкивал, то припоминая этот случай, быстренько ретировался. Мягкая и терпеливая Мария всё больше влияла на его жизнь, поворачивая его к Богу и уводя всё дальше от разгульной и пьяной жизни, в которой то и дело происходили с Виталием какие-то критические ситуации. И всегда лишь с помощью жены он выходил из них, словно возрождаясь к дальнейшей жизни.

Вот и в этот раз, не успев пронизывающий холодный ветер раздеть догола берёзу за окном, а Виталий достаточно уверенно передвигался по коридору. Он приободрился, стал общаться с соседями по палате и даже балагурил. Однако перед женой, ни в чём не перечившей ему, продолжал капризничать. Соседи беззлобно подшучивали:

— Ну, дед, ты и артист! Жена твоя просто ангел. Повезло тебе с ней!

— Да и ей со мной тоже, — парировал Виталий.

О втором везенье можно было очень сомневаться тем, кто знал, сколько в молодые годы пришлось вытерпеть его жене.

Дело двигалось к выписке, когда в палате появился молодой парень, забинтованный наподобие Виталия, с живописными татуировками на руках, груди и спине. Он почему-то сразу невзлюбил своего пожилого соседа, определив в их отношениях две крайности: или игнорировал, или хамил.

Виталий смолоду всегда был горячим и несдержанным, но сейчас под старость лет состояние здоровья не позволяло ему тратить энергию даже на словесные перепалки, да и не хотел обострять отношения, расстраивая этим свою жену, старавшуюся сгладить все острые углы между соседями по палате. Она ласково называя хамовитого соседа сыном, то пирожком его угостит, то конфетку подложит и тем совершенно его обескураживала. Но именно милосердная супруга стала последней каплей переполнившей чашу терпения Виталия.

В одно из посещений жена стала прибираться на их общей тумбочке и случайно тронула что-то из пакетов парня. Увидев это, тот грубо оттол-

кнул Марию так, что она чуть не упала. У Виталия кровь бросилась в голову, он схватил клюшку, на которую опирался, и яростно бросился на парня. Мария ему наперерез. Подоспевшие соседи с трудом оттащили его, хотя сил у него было ещё очень мало.

Боясь новых столкновений между соседями, Мария попросила перевести мужа в другую палату. Один больной согласился перейти оттуда на его место. Подойдя к койке Виталия, он неожиданно воскликнул:

— Витюха! Привет, мастер!

Виталий сначала посмотрел безразлично, но потом узнал, и лицо его просветлело.

— Василий? Каким путём?

— Таким же, как и ты, других в нейрохирургию нет.

— Нет уж, таким, как я не нужно. Меня сильно прибрало. Второй месяц здесь... Так я, значит, на твоё место перебираюсь? Заходи в гости.

После ухода Виталия, мужчина спросил соседей, в чём дело. Те хмуро отмалчивались, не желая говорить в присутствии парня, из-за которого всё и случилось. Но он сам, скривившись, прохрипел:

— Да уж больно старый пень гоношист.

— Эх, парень, — укорил его новенький, — «Старый пень...» Да это же мастер, на весь город известный жестянщик. Любую машину, даже в хлам помятую, умел так залатать, что ни малейшей вмятинки!

— Эко, залатать. Сменил в автосервисе всё, что тебе нужно, — и делу конец.

— Это сейчас, а раньше никаких сервисов, на весь город один Виталий. А вот знаете, какой случай был интересный. Как раз в ту пору, как я перешёл на новый АЗК, теперь-то от завода гилькин нос остался. А тогда наши кинешемские мужики туда валом валили, почётно было, квартиры быстрее давали, да и зарплаты по тому времени неплохие. А Виталий не захотел — зачем ему? Своим талантом всегда подработать мог...

Ну так вот. Был у меня начальник и он по льготе купил «Москвича», по тем временам — редкость и гордость. Начальник-то был грозен, его все побаивались, а он сам перед своей женой ух как дрожал, крутая была бабёнка. Как-то поехала она к родителям в деревню, а он с друзьями на рыбалку. Рыба у них не знаю как ловилась, но улов они отметили так хорошо, что на обратном пути им, как говорится, дороги не хватило. Сами, по счастью, синяками отделались, а вот машина... Мой начальник в шоке, а я ему говорю: знаю, мол, мастера. Тот только рукой махнул: «Да разве такое исправишь? Бесполезно». «Исправит, — говорю, — точно». А жена у него приезжает через два дня. «Не успеет», — сомневается мой начальник. А я ему на спор: «Если успеет — ящик водки». На том и порешили.

— Проиграл, небось, водку начальнику, — ухмыльнулся парень.

— Ошибаешься, друг! Мы с друзьями этот ящик потом неделю уговаривали. А жена начальника даже ничего не заметила. Вот так-то. А ты — «старый пень».

— А мне по этому самому, кто он. Я на зоне не таких обламывал.

— Такой молодой, а уж на зоне побывал? Когда и успел?

— Успел. Три года впяли.

— Малолеткой, видать, загремел, парень. Витюха тоже по малолетству попал, да отбывал целую десятку, но никогда и никто от него даже слова не слышал подобного. А по молодости, — новенький оглядел хилую фигуру парня, — мог бы тебя в бараний рог... Эх, ты!

В палате воцарилась тишина. Чтобы как-то сгладить неловкую ситуацию, Василий направился к выходу:

— Ладно, пойду к Витюхе, навещу.

Виталий лежал на новом месте. Рядом разбирала вещи Мария. Он смотрел на свою жену, сухонькую, с годами ставшую меньше ростом. Она по-прежнему была терпеливой и трудолюбивой, словно никогда и не уставала, во всяком случае, не жаловалась и не показывала вида. «А ведь нелёгкой была у неё жизнь со мной... Сколько я колобродил, сколько обижал её, — с запоздалым раскаянием подумал Виталий и тут же, словно оправдываясь: — Так ведь и я потрудился для семьи немало».

И вспомнилось, как он чуть не бегом шёл домой, чтобы вручить Марусе ключи от комнаты, которую ему как умелому и трудолюбивому рабочему выделили на работе. И хоть была она всего лишь комнатой в коммунальной квартире, но в послевоенное время и это было настоящей радостью. Вспомнил первую их мебель, которой его жена так гордилась: кожаный диван с высокой спинкой и круглый стол на резных ножках. Телевизор, купленный на очередную шабашку, редко у кого они были в то время. Родные приходили к ним в субботу в гости, чтобы посмотреть «Голубой огонёк», и жена гостеприимно встречала их своими знатными пирогами. И отдельную кооперативную квартиру он купил, не дожидаясь своей очереди на расселение, хоть и строили в то время так, что на большом картофельном поле на окраине города дома росли, как грибы после дождя. Потом нахлынули девяностые и кинулись все «во сады, да в огороды», спасаться от голода. Он ведь и тут не сплеховал — в садовом кооперативе за городом построил домик сам, не домик, а теремок. Радовался, когда жена его сияла от счастья, вырастив богатый урожай. А после новая напасть, никому не нужные стали сады эти, побросали их люди. Остались они почти одни посреди леса. Силы уже не те, а жена ни в какую остаться без земли не хочет, соприкасаясь с ней, деревенская её душа словно возрождается, да и внучка ей вторит. Вот и надумал перебраться поближе к городу, приобрести ей с дочкой да внучкой новый дом. Теперь уж строит больше глазами, а не руками... Так что есть, что оставить в наследство, немало прожито, немало и нажито за долгий век.

И подумалось: «Долгий, короткий век...»

— А что, мать, — не каешься, что за такого охламона замуж-то вышла?

Спрашивает еле слышно, но Мария всё понимает.

— Что ты, отец! Чего это тебе в голову-то пришло?

Она кладёт ему руку на его ладонь — как много лет назад, когда над их головами держали венцы, а отец Алексей напутствовал: «Любите друг друга в болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас...». Мерцали свечи, из высоких окон собора на гладкий пол ложились светлые блики, пристально вглядывались в мир добрые глаза Богородицы, прижимавшей к своей груди младенца...

НЕВЕСТА

Июньское солнце, оранжевым мячиком подпрыгнув над Волгой, возвестило о приходе нового дня. Но комната, затемнённая плотными шторами, ещё не раскрыла своим обитателям всего царившего в ней беспорядка.

Кто-то больно толкнул Виталика в бок.

— Вставай скорей и выметайся! Мне ещё убраться нужно, а то комендант заглянет — несдобровать...

Спросонья и с похмелья Виталик никак не мог сообразить, где он. Голова — словно булыжником придавлена. С трудом разлепил глаза и уставился на девицу.

— Ты кто?

— Дед Пыхто...

Пышнотелая наголоватая девица смотрела на него вызывающе. Вид у неё был помятый, под глазами пятна от размазанной туши, волосы небрежно затянуты в узел, из которого торчали осветлённые пряди, похожие на паклю. Халат, застёгнутый на одну пуговицу, едва прикрывал серую застиранную сорочку и вульгарно выпирающую грудь.

То ли от выпитого накануне, то ли от неряшливого вида женщины, с которой он, как видно, провёл эту ночь, Виталика замутило. Поднявшись с кровати, он отдёргнул штору и выглянул в окно.

— Я в Шанхае, что ли? Как я сюда попал?

— Как, как... По верёвке залез, как и все. Заметь, сам лез, я тебя сюда не тащила.

Шанхаем за дурную славу звали фабричное общежитие, стоявшее на окраине города. Сюда, как правило, селились самые гулящие фабричные работницы, и именно здесь постоянно крутились парни, желавшие легко поразвлечься, благо в Шанхае всё было доступно — и водка, и постель.

Виталику захотелось поскорей выбраться отсюда. Мелькнула мысль: «Мать, наверное, с ума сходит...»

— Как мне уйти?

— Как пришёл, так и уходи. Вот верёвка, привязывай к батарее — и вперёд!

Спускаться из двухэтажного деревянного здания было невысоко. Хмуро буркнув: «Ну, покедова...» — Виталик быстренько ретировался.

Шёл, поёживаясь от утренней прохлады. На душе скребли кошки. У своих ворот остановился, осторожно приоткрыл калитку, чтобы не скрипела, и прошмыгнул в дом. В комнату заходить не стал — там спали родители, а для него мать стелила на террасе. Зачерпнул ковшом воды из ведра, жадно, почти одним глотком выпил, забрался под одеяло и провалился в сон.

Второе пробуждение было легче, голова стала проясняться. За дверью террасы, в сенях услышал разговор матери с её старшей сестрой Александрой.

— Беда, крёстная, не знаю, что и делать! Два месяца Виталька дома, и всё колобродит — как бы опять не наделал худого.

Послышались тихие всхлипывания.

— Ну и чего ты, Евдокия, ревёшь? Ремня ему нужно хорошего. В войну от тюрьмы спасли, так после загремел. Что, так и будет по тюрьмам да по ссылкам?

— Какого ремня, крёстная? Посадили-то совсем ребёнком, сама знаешь, а сейчас парню двадцать шесть. Вот пришёл и как с цепи сорвался. Ладно, хоть на работу устроился. Вот уж два месяца отходил, вчера и зарплату получил.

— Зарплату — значит, самостоятельный стал. Женить его нужно, вот что. У меня и невеста есть, девушка серьёзная, из хорошей семьи.

— Так что он — телок? На верёвочке не отведёшь...

— Отведём! Вот проснётся, я с ним поговорю.

После услышанного, встать Виталику не очень хотелось. Лежал, ворочался и вспоминал последние два месяца, которые провёл дома.

Он хорошо помнил радость и тревогу, которые все сильнее ощущал, приближаясь на поезде к родным местам. Вот и Вичуга позади, и он нетерпеливо подходит ближе к тамбуру. Проводница шикает: «Сиди, рано ещё!» А он, прильнув к окну, всё смотрит и смотрит на мелькающие тонкие берёзки с голыми ветками, на зелёные сосенки, хранящие в своей тени сугробы ещё не растаявшего снега, на редкие островки сгрудившихся деревянных домиков — совсем таких, как его родной дом. И сердце сжимается от нетерпения. На вокзале Виталик первым выпрыгивает из вагона и почти бегом — к автобусной остановке. И вот показались знакомые улицы Дерябихи — бывшей деревни, а теперь небольшого скопления частных домов поблизости от фабрики «Красная ветка»...

Он влетает на порог родного дома, в объятия матери и отца. Давно забытые запахи щей и пирогов наполняют его ожиданием долгожданного праздника...

Через несколько дней он, преодолевая тревогу, отправился на соседнюю «Первую фабрику». Сестра звала его на «Красную ветку», где сама работала, и где он работал до колонии. Но как преодолеть стыд и прийти туда, где его арестовали, где всё будет напоминать ему тот безрассудный, глупый поступок, из-за которого столько лет пришлось провести в колонии?

В отделе кадров долго вглядывались в его документы. Женщина-начальница смотрела на него пристально и, как ему казалось, неодобрительно. Покачивая головой, словно выдавила из себя:

— Ну что ж, приходи завтра с утра, к восьми, определяю тебя в ремонтную мастерскую. Ты, кажется, жестянщик, да и слесарничать умеешь. Так?

На другой день он с волнением приступил к знакомой работе. Опасения оказались напрасными: со всеми заданиями мастера он справился легко, работа была несложной, много похожего приходилось делать и в колонии. Было приятно от ощущения свободы, от отсутствия колючего пригляда надсмотрщика. С парнями, да и со взрослыми мужиками, работавшими в мастерской, он сошёлся быстро и уже через неделю был на фабрике своим человеком, знал здесь каждый уголок.

В середине апреля, как и по всей стране, на фабрике проводился ленинский субботник. Готовились к нему тщательно, партийное и комсомольское руководство старалось создать атмосферу праздника. Развешивались плака-

ты и флажки, звучала музыка, работницы надевали выданные им красные косынки.

Во время субботника к ним в мастерскую пришли ребята из комитета комсомола. Среди них выделялась одна девушка — настоящая красавица. Она быстрым взглядом окинула мастерскую и словно споткнулась на Виталике.

— А это что, новенький?

— Да, всего неделю отработал, — ответил мастер.

— И как?

— Да ничего, справляется.

У скупого на похвалы мастера это прозвучало как высшая награда, и Виталик немного смутился. Но жизнь уже научила его не показывать свои чувства, и он прямо, даже немного дерзко посмотрел на эту нагло, как ему показалось, командующую здесь девушку. Их взгляды встретились. Девушка улыбнулась ему как-то снисходительно, и это Виталику не понравилось. А вот внешний вид. Она словно сошла с приуроченной к этому празднику поздравительной открытки: из-под красной косынки выбился тёмный каштановый завиток, карие глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, излучали яркий свет...

Виталик и сам был парнем красивым, он это понимал и знал себе цену. Многие, увидев его, ахали: «Ну, вылитый Николай Рыбников!» Фабричные девчонки сходили с ума по этому актёру, ставшему знаменитым после фильма «Весна на Заречной улице». Виталик действительно был на него очень похож, и чертами лица, и кудрявым чубом, и крепкой, статной фигурой. После возвращения домой Виталик несколько раз ходил на танцы, и теперь от поклонниц у него не было отбоя. Определиться при таком их изобилии он никак не мог и с танцев каждый раз провожал новую девушку. А вот «командирша», как он про себя окрестил комсомольского вожака, ему приглянулась.

На следующий день, в воскресенье, он собрался на танцы, почему-то уверенный, что понравившаяся ему девушка там появится. Одевался особенно тщательно, это заметила мать:

— Ты, сынок, на свиданье собрался?

— Что это? Просто на танцы.

— Ну-ну, — улыбнулась мать.

Предчувствие его не обмануло. Девушка была на танцах, стояла в компании ребят — некоторых из них он встречал и в цехах, и в управлении, и, похоже, это были не простые работяги: они всегда ходили в костюмах, а не в спецовках.

Он не сразу подошёл к девушке, а дождался, когда заиграют его любимую мелодию. Неторопливо прошагал через весь зал и, подавая руку, пригласил:

— Разрешите?

— Разрешаю, — на этот раз кокетливо улыбнулась она. Они вошли в круг танцующих.

— Давайте всё-таки познакомимся. Я — Виталий. А вас как зовут?

— Меня — Надежда.

— Надежда — это хорошо, это вселяет надежду, — шепнул ей на ухо Виталик.

*Гектор Шульц
(Россия, Москва)*

Она пришла в село с последними лучами заката, на миг осветившими её скрюченную спину. Одетая в ветхое рубище, седая старушка медленно шла по широкой улице, подслеповато смотря на могучие дома, в окнах которых горел теплый, желтый свет. Шла медленно, тихо бормоча себе что-то под нос.

Не огрызались на неё собаки, видя худую, сморщенную фигурку. Лениво уходили с дороги жирные курицы, направляясь к своим дворам. Даже немногочисленные селяне, сидящие на лавках возле домов, бросали в её сторону рассеянный взгляд, после чего их глаза подергивались усталой поволокой и устремлялись к чернильным небесам, в которых еще виднелись синеватые краски, напрочь забывая о старушке. А старушка продолжала идти. Медленно, потому что ноги, опухшие и растертые от дороги, плохо её слушались. Потому что спина ныла и рука, держащая посох, дрожала от усталости. Но она продолжала идти, всё так же смотря на могучие дома, в окнах которых горел уютный, желтый свет. Никто не приглашал её войти, разделить с ними ужин, рассказать о своём пути. Все прятали глаза в небесах, словно пытаясь там найти ответы на вопросы, мучавшие их.

— Бабушка, хотите пить? — старушка нахмурилась, услышав звонкий детский голосок. Напрягла больные глаза и внимательно осмотрела чумазую девочку в простеньком сарафане, которая стояла напротив неё и протягивала потускневший ковш с водой.

— Хочу, — осторожно ответила старушка, аккуратно беря в руки ковш и поднося его ко рту. Она пила медленными глотками, проливая большую часть на дырявое платье. Иногда шумно отфыркивалась, когда вода попадала в нос. И снова пила, пока ковш не опустел. — Спасибо, милая.

— Бабушка, а может вы есть хотите? — старушка улыбнулась и ласково прикоснулась дрожащей рукой к голове ребенка. — Хотите?

— Немного, — честно ответила она.

— Пойдемте. Сядьте на лавочку, а я мигом, — засмеялась девочка и, вцепившись в руку странницы, потащила её к занозистой скамье возле небольшого, покосившегося домика. — Я мигом. А вы пока отдохнете.

— Иду, иду, — улыбнулась старушка, еле поспевая за ребенком. И лишь когда она опустилась на скамью, тихонько вздохнула и выпрямила ноги, девочка оставила её и, весело напевая какую-то песенку, помчалась домой.

Вернулась девочка быстро. Плюхнулась на скамью рядом со странницей, положила на колени сверток и, развязав его, достала небольшой кусок сыра и половинку сухой горбушки, после чего протянула нехитрую еду старушке. Глаза странницы слабо заблестели в темноте, а голос задрожал, когда она поблагодарила девочку. Но та, кивнув, снова убежала. И вернулась спущен-

стя минуту, неся в руках белую кружку, от которой поднимался пар и устремлялся к черно-синему небу.

— Простите, бабушка, чая у нас нет, но есть отвар из душистых трав, — виновато шмыгнув носом, сказала она. — И хлеб черствый. И сыр.

— Не извиняйся, милая, — тихо ответила ей старушка, беря из детских рук кружку с отваром. — То, что от души дается, всегда будет вкуснее самых изысканных блюд. Как тебя зовут?

— Тая.

— А меня Вера, — ответила старушка. — Вот и познакомились.

— А куда вы идете, бабушка Вера? — спросила девочка, болтая грязными ногами и смотря на странницу.

— Куда глаза глядят, туда и иду, — улыбнулась старушка, осторожно делая плоток душистого отвара. Она разломала сыр на две половинки и одну протянула девочке. — Угощайся. Одной мне не съесть, — и вдруг замолчала, когда увидела, что девочка заворачивает сыр обратно в сверток. — Почему не ешь?

— Братке оставляю лучше, — вздохнув, ответила девочка. — Хворый он немного, свой кусок давно уже съел.

— А чего ж ты всяким старухам тогда последнюю еду отдаешь? — удивилась странница.

— Мама говорит, что путника наперво покормить надо, а потом себе, что останется. Мама верит, что добро когда-нибудь вернется, — девочка прижала сверток к груди и, вздохнув, продолжила. — Хотите еще отвара?

— Спасибо, милая. Мне много не надо. Ты сухарь-то тоже возьми, — кивнула старушка, протягивая хлеб ребенку. — Зубов у меня уже нет, а размачивать — только время терять.

— Хорошо, бабушка Вера, — сухарик отправился в сверток к сыру незамедлительно. — Может вы у нас переночуете? В сарае сено мягкое и покрывало не колючее я вам дам. А утром пойдете. Куда ж вы ночью-то?

— Тая! — девочка вжала голову в плечи и виновато посмотрела на худенькую женщину в бедном платье, высунувшуюся по пояс в окно. — С кем ты там болтаешь?

— С бабушкой. Её Вера зовут, и она идет, куда глаза глядят, — тихо ответила девочка.

— А чего ж ты на улице-то её оставила? — сердито буркнула мать. — Холодно уже, тёмно.

— Не хочу смущать вас, — покачала головой старушка, но женщина лишь головой помотала.

— Дома и поговорите. А смущать? Было б чему смущать, — рассмеялась она. — Тая! Веди гостью в дом. Я как раз ужин сготовила. Всяк лучше, чем сухари сосать.

Старушка сидела за столом и с любопытством наблюдала за тем, как ужинает небольшая семья. Ужинали, чем Бог послал: вареной картошкой, по три кругляша на каждого, пожелтевшим, ломким сыром, да половинкой горбушки. Тая, сидя рядом со странницей, почти не ела, зато заботливо помяла картофелины вилкой, разломала сыр и принесла на блюде пару размоченных кусочков сухаря. Помимо девочки за столом сидела и её мать

— бледная, усталая женщина, в глазах которой, все же, горела любовь. И не только к детям, но и к жизни. А рядом с ней, прижавшись к материнскому плечу, сидел худенький, бледный мальчик. Он давно съел свою порцию и сейчас, ослотившись от неожиданной сытости, клевал носом.

После ужина, женщина отнесла сына к печи, причем старушка заметила, что ноги мальчика неестественно тонкие и безвольно болтающиеся, после чего вернулась за стол, разлила по кружкам душистый отвар и с улыбкой посмотрела на дочь, ухаживающую за старушкой.

— Спасибо вам за приют, — тихо сказала странница, на что женщина лишь устало улыбнулась и покачала головой.

— Редко сейчас кому дают приют, — ответила она. — Вы уж не обижайтесь на людей. Раньше как было: странник идет, так ему со всего села еду несут, домой зовут, постель готовят. А сейчас так... глаза отводят и молчат. Не верят люди друг другу, что уж о помощи говорить.

— Нет в людях веры больше, — кивнула странница. — Зато страх есть. И злоба. Помочь ближнему — слабость для них. Не верят люди в доброту...

— Давно вы в пути?

— Давно. Сколько себя помню, — старушка удивленно замолчала, когда женщина встала и вышла на улицу, а когда вернулась, то увидела, что та несет в руках деревянный тазик с теплой водой. Она опустилась на колени перед гостьей, поставила израненные дорогой ноги в таз и принялась их мыть. Осторожно и медленно. Тая, крутясь возле матери, дождалась сигнала и принесла откуда-то чистую тряпочку, которой заботливо вытерла ноги странницы, а потом, взяв таз, выбежала на улицу, откуда почти сразу раздался шум выливаемой воды.

— Пойду я, пожалуй. Поздно уже, а мне еще идти и идти, — ответила старушка. — Да и не хочется вам мешать. Вижу я, что и сами вы стеснены. А доброты ко мне вы и так изрядно проявили.

— Куда ж вы пойдете-то? Ночь на дворе, луны не видно. Заблудитесь в трех соснах, — покачала головой женщина. — Постель мы вам найдем, поспите, а утром и пойдете. Не прошу себе, ежели с вами чего случится на дороге...

— Оставайтесь, бабушка Вера, — поддакнула Тая и старушка, улыбнувшись, кивнула.

Она засыпала под сказки, которые Тая рассказывала мать. Сказки о добре и чудесах. Сказки, в которые сама верила. Верила в них и маленькая Тая. Впервые за долгое время странница спала в теплой постели, укрывшись одеялом до подбородка и, сжимаясь в комочек, слушала, как на улице грохочет гром и как барабаният тяжелые капли по окнам. И улыбалась до тех пор, пока не уснула.

Утром, только петухи пропели, Тая спрыгнула с печи и удивленно посмотрела на пустую кровать, где еще вчера спала странница. Кровать была аккуратно заправлена, словно никого и не было вчера в гостях, но на столе, за которым семья ужинала вареной картошкой, стоял одинокий кожаный мешочек, в котором поблескивали золотые монетки...

Она пришла в село с последними лучами заката, на миг осветившими её точеную, молодую фигурку. Одета в яркое, цветастое платье, молодая девушка уверенно шла по широкой улице, смотря озорным взглядом на могучие дома, в окнах которых горел теплый, желтый свет.

Её приветствовали собаки, разражаясь веселым тявканьем и кружась под ногами, жирные куры, недовольно квохча, убегали с дороги. И немногочисленные селяне снимали с голов шляпы, приветствуя странницу, посетившую село. Каждый из них зазывал девушку к себе, открывались двери, откуда тянуло жарким и теплом домашнего очага, но девушка шла вперед, напевая себе под нос веселую песенку.

Она остановилась перед покосившимся старым домиком, в окнах которого тоже горел свет. Теплый, желтый свет. Рядом с домом виднелась могучая фигура человека, коловшего дрова. Взлетал над головой топор, потом опускался и кривое полено разбивалось на две половинки, которые тут же летели в кучку своих братьев. Мужчина работал молча и сосредоточенно, пока не остановился, увидев, что за его работой кто-то наблюдает.

Он прищурил глаза, утер рукой пот со лба и сделал шаг к страннице, предварительно вонзив в старый пень топор. Внимательно осмотрел задорное, юное лицо и, повернувшись к дому, крикнул:

— Тая! Принеси воды страннице!

— Иду, братка, — раздался веселый девичий голос и, спустя пару мгновений, странница увидела высокую девушку в белом платье, которая несла в руках потускневший и помятый ковш с ледяной водой. — Ой, и впрямь, странница.

— Благодарю, хозяйюшка, — кивнула девушка, принимая из её рук ковш. Она пила медленно, с наслаждением, стараясь не пролить ни одной капли. Вода приятно охладила разгоряченное долгой дорогой тело, влила в усталые мышцы сил, а в голову свежесть мыслей.

— Давно ли и куда идете? — спросил мужчина, присаживаясь на лавочку.

— Давно иду. Куда глаза глядят, милый, — ответила странница, присаживаясь рядом. Она улыбнулась, когда увидела, что хозяйка чуть нахмурилась, словно пытаясь что-то вспомнить, а потом с облегчением вытянула длинные ноги. — Спасибо, что дали губы смочить. Пару вздохов отдохну, да пойду дальше...

— Куда ж вы пойдете-то? Ночь на дворе, — покачал головой мужчина, а потом повернулся к сестре. — Тая, нагрей воды и постель бы надо.

— Я не хочу смущать вас. Вы и так добры изрядно, — странница усмехнулась, когда увидела, что хозяйка снова нахмурилась. — Постелью будет мне трава, а крышей небо звездное.

— И звери лесные, да люди злые, — кивнула Тая. — Ужин с нами разделите, омоетесь, а поутру снова в путь-дорогу. Негоже странника ночью на дорогу гнать.

— Твоя правда, сестричка. Как звать вас, странница?

— Ваша правда, хозяйева. А звать меня Верой...

На ужин было жаркое, горячий чай и много смеха. Улыбалась странница, смотря на брата с сестрой, которые, хохоча, разделялись с ужином. Сама же странница съела немного: лишь головку сыра да сухарь размоченный. Как её хозяйева не уговаривали, к жаркому она не притронулась. Лишь сидела тихо, да отвар душистый из белой кружки пила. И продолжала наслаждаться им, даже когда мужчина, зевнув, отправился на печь. И продолжала пить его, когда хозяйка постелила ей постель. Улыбнулась девушка, увидев, как задумчиво смотрит на неё Тая, и, чуть подумав, взяла её за руку, после чего спросила:

— Почему лицо твоё сурово, а губы улыбаться не хотят? Ты доброе дело сделала, Тая. Станниче усталой кров дала.

— Я будто знаю вас, — тихо ответила девушка. — Но вот откуда, не знаю.

— Конечно, знаешь, — снова улыбнулась гостья. — Когда-то я бывала в этом доме. И ты мне точно так же воду подавала... А мать твою постель мне приготовила, омыла ноги и была добра.

— Так вы... та бабушка? — ахнула Тая, прижимая руку к губам. — Та странница, что кошель золота оставила на столе? Мы Степку на ноги благодаря ему поставили, и мама все долги вернула!

— Я вижу, что вы им по уму распорядились, — кивнула странница. На миг Тая увидела, что перед ней снова сидит та старушка в ветхом рубище, но видение пропало, стоило лишь моргнуть.

— Но почему? Почему мы, а не другие? Степан говорил, что вас все в гости звали, а вы... к нам.

— Другие звали в гости красоту, а старость и усталость не замечали, — поджав губы, ответила странница, обнимая ладонями горячую кружку с душистым отваром. — Зачем им я? Они не нуждались во мне. А вы нуждались в Вере.

— Не верят люди друг другу, что уж о помощи другим-то говорить.

— Вот и бреду я по свету, ишу тех, кому нужна... — тихо продолжила гостья. — Иногда нахожу, молодею. Не нахожу — старею. Такой вы и увидели меня в ту ночь. Отчаявшуюся Веру, в которую никто не верит. И только вы заставили меня опять поверить. По-прежнему добры вы к тем, кому нужна помощь. И вам не важно, красив нуждающийся или грязен и уродлив. Последний кусок хлеба отдадите ему, о себе забывая. И верите, что доброе дело добротой вознаграждается. Долго брожу я по свету, ишу таких, как вы. Нахожу — молодею. Не нахожу — старею. И с каждым годом всё реже нахожу...

Ночь накрыла село. Изредка побреживали собаки, вскидывались иногда потревоженные лисами куры, блестели холодной темнотой окна могучих домов. И только в маленьком, покосившемся домике горел тёплый, желтый свет, а за столом мирно беседовали две девушки. Одна искала Веры, вторая этой Верой и была.

Майк Гелприн
(США, Бруклин)

Звонок раздался, когда Андрей Петрович потерял уже всякую надежду.

— Здравствуйте, я по объявлению. Вы даёте уроки литературы?

Андрей Петрович взгляделся в экран видеофона. Мужчина под тридцать. Строго одет — костюм, галстук. Улыбается, но глаза серьёзные. У Андрея Петровича ёкнуло под сердцем, объявление он вывешивал в сеть лишь по привычке. За десять лет было шесть звонков. Трое ошиблись номером, ещё двое оказались работающими по старинке страховыми агентами, а один попутал литературу с лигатурой.

— Да-даю уроки, — запинаясь от волнения, сказал Андрей Петрович. — Н-на дому. Вас интересует литература?

— Интересует, — кивнул собеседник. — Меня зовут Максим. Позвольте узнать, каковы условия.

«Задаром!» — едва не вырвалось у Андрея Петровича.

— Оплата почасовая, — заставил себя выговорить он. — По договорённости. Когда бы вы хотели начать?

— Я, собственно... — собеседник замялся.

— Первое занятие бесплатно, — поспешно добавил Андрей Петрович. — Если вам не понравится, то...

— Давайте завтра, — решительно сказал Максим. — В десять утра вас устроит? К девяти я отвожу детей в школу, а потом свободен до двух.

— Устроит, — обрадовался Андрей Петрович. — Записывайте адрес.

— Говорите, я запомню.

В эту ночь Андрей Петрович не спал, ходил по крошечной комнате, почти келье, не зная, куда девать трясущиеся от переживаний руки. Вот уже двенадцать лет он жил на нищенское пособие. С того самого дня, как его уволили.

— Вы слишком узкий специалист, — сказал тогда, пряча глаза, директор лицея для детей с гуманитарными наклонностями. — Мы ценим вас как опытного преподавателя, но вот ваш предмет, увы. Скажите, вы не хотите переучиться? Стоимость обучения лицей мог бы частично оплатить. Виртуальная этика, основы виртуального права, история робототехники — вы вполне бы могли преподавать это. Даже кинематограф всё ещё достаточно популярен. Ему, конечно, недолго осталось, но на ваш век... Как вы полагаете?

Андрей Петрович отказался, о чём немало потом сожалел. Новую работу найти не удалось, литература осталась в считанных учебных заведениях, последние библиотеки закрывались, филологи один за другим переквалифицировались кто во что горазд. Пару лет он обивал пороги гимназий, лицеев и спецшкол. Потом прекратил. Промаялся полгода на курсах переквалификации. Когда ушла жена, бросил и их.

Сбережения быстро закончились, и Андрею Петровичу пришлось затянуть ремень. Потом продать аэромобиль, старый, но надёжный. Антикварный сервис, оставшийся от мамы, за ним вещи. А затем... Андрея Петровича мучило каждый раз, когда он вспоминал об этом — затем настала очередь книг. Древних, толстых, бумажных, тоже от мамы. За раритеты коллекционеры давали хорошие деньги, так что граф Толстой кормил целый месяц. Достоевский — две недели. Бунин — полторы.

В результате у Андрея Петровича осталось полсотни книг — самых любимых, перечитанных по десятку раз, тех, с которыми расстаться не мог. Ремарк, Хемингуэй, Маркес, Булгаков, Бродский, Пастернак... Книги стояли на этажерке, занимая четыре полки, Андрей Петрович ежедневно стирал с корешков пыль.

«Если этот парень, Максим, — беспорядочно думал Андрей Петрович, нервно расхаживая от стены к стене, — если он... Тогда, возможно, удастся откупить назад Бальмонта. Или Мураками. Или Амаду».

Пустяки, понял Андрей Петрович внезапно. Неважно, удастся ли откупить. Он может передать, вот оно, вот что единственно важное. Передать! Передать другим то, что знает, то, что у него есть.

Максим позвонил в дверь ровно в десять, минута в минуту.

— Проходите, — засуетился Андрей Петрович. — Присаживайтесь. Вот, собственно... С чего бы вы хотели начать?

Максим помялся, осторожно уселся на край стула.

— С чего вы посчитаете нужным. Понимаете, я профан. Полный. Меня ничему не учили.

— Да-да, естественно, — закивал Андрей Петрович. — Как и всех прочих. В общеобразовательных школах литературу не преподают почти сотню лет. А сейчас уже не преподают и в специальных.

— Нигде? — спросил Максим тихо.

— Боюсь, что уже нигде. Понимаете, в конце двадцатого века начался кризис. Читать стало некогда. Сначала детям, затем дети повзрослели, и читать стало некогда их детям. Ещё более некогда, чем родителям. Появились другие удовольствия — в основном, виртуальные. Игры. Всякие тесты, квесты... — Андрей Петрович махнул рукой. — Ну, и конечно, техника. Технические дисциплины стали вытеснять гуманитарные. Кибернетика, квантовая механика и электродинамика, физика высоких энергий. А литература, история, география отошли на задний план. Особенно литература. Вы следите, Максим?

— Да, продолжайте, пожалуйста.

— В двадцать первом веке перестали печатать книги, бумагу сменила электроника. Но и в электронном варианте спрос на литературу падал — стремительно, в несколько раз в каждом новом поколении по сравнению с предыдущим. Как следствие, уменьшилось количество литераторов, потом их не стало совсем — люди перестали писать. Филологи продержались на сотню лет дольше — за счёт написанного за двадцать предыдущих веков.

Андрей Петрович замолчал, утёр рукой вспотевший вдруг лоб.

— Мне нелегко об этом говорить, — сказал он наконец. — Я осознаю, что процесс закономерный. Литература умерла потому, что не ужилась

с прогрессом. Но вот дети, вы понимаете... Дети! Литература была тем, что формировало умы. Особенно поэзия. Тем, что определяло внутренний мир человека, его духовность. Дети растут бездуховными, вот что страшно, вот что ужасно, Максим!

— Я сам пришёл к такому выводу, Андрей Петрович. И именно поэтому обратился к вам.

— У вас есть дети?

— Да, — Максим замялся. — Двое. Павлик и Анечка, погодки. Андрей Петрович, мне нужны лишь азы. Я найду литературу в сети, буду читать. Мне лишь надо знать что. И на что делать упор. Вы научите меня?

— Да, — сказал Андрей Петрович твёрдо. — Научу.

Он поднялся, скрестил на груди руки, сосредоточился.

— Пастернак, — сказал он торжественно. — Мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела...

— Вы придёте завтра, Максим? — стараясь унять дрожь в голосе, спросил Андрей Петрович.

— Непременно. Только вот... Знаете, я работаю управляющим у состоятельной семейной пары. Веду хозяйство, дела, подбиваю счета. У меня невысокая зарплата. Но я, — Максим обвёл глазами помещение, — могу приносить продукты. Кое-какие вещи, возможно, бытовую технику. В счёт оплаты. Вас устроит?

Андрей Петрович невольно покраснел. Его бы устроило и задаром.

— Конечно, Максим, — сказал он. — Спасибо. Жду вас завтра.

— Литература — это не только о чём написано, — говорил Андрей Петрович, расхаживая по комнате. — Это ещё и как написано. Язык, Максим, тот самый инструмент, которым пользовались великие писатели и поэты. Вот послушайте.

Максим сосредоточенно слушал. Казалось, он старается запомнить, заучить речь преподавателя наизусть.

— Пушкин, — говорил Андрей Петрович и начинал декламировать.

«Таврида», «Анчар», «Евгений Онегин».

Лермонтов «Мцыри».

Баратынский, Есенин, Маяковский, Блок, Бальмонт, Ахматова, Гумилёв, Мандельштам, Высоцкий...

Максим слушал.

— Не устали? — спрашивал Андрей Петрович.

— Нет-нет, что вы. Продолжайте, пожалуйста.

День сменялся новым. Андрей Петрович воспрянул, пробудился к жизни, в которой неожиданно появился смысл. Поэзию сменила проза, на неё времени уходило гораздо больше, но Максим оказался благодарным учеником. Схватывал он на лету. Андрей Петрович не переставал удивляться, как Максим, поначалу глухой к слову, не воспринимающий, не чувствующий вложенную в язык гармонию, с каждым днём постигал её и познавал лучше, глубже, чем в предыдущий.

Бальзак, Гюго, Мопассан, Достоевский, Тургенев, Бунин, Куприн.

Булгаков, Хемингуэй, Бабель, Ремарк, Маркес, Набоков.

Восемнадцатый век, девятнадцатый, двадцатый.

Классика, беллетристика, фантастика, детектив.

Стивенсон, Твен, Конан Дойль, Шекли, Стругацкие, Вайнеры, Жапризо.

Однажды, в среду, Максим не пришёл. Андрей Петрович всё утро промаялся в ожидании, уговаривая себя, что тот мог заболеть. Не мог, шептал внутренний голос, настырный и вздорный. Скрупулёзный педантичный Максим не мог. Он ни разу за полтора года ни на минуту не опоздал. А тут даже не позвонил. К вечеру Андрей Петрович уже не находил себе места, а ночью так и не сомкнул глаз. К десяти утра он окончательно извёлся, и когда стало ясно, что Максим не придёт опять, побрёл к видеофону.

— Номер отключён от обслуживания, — поведал механический голос.

Следующие несколько дней прошли как один скверный сон. Даже любимые книги не спасали от острой тоски и вновь появившегося чувства собственной никчемности, о котором Андрей Петрович полтора года не вспоминал. Обзвонить больницы, морги, навязчиво гудело в виске. И что спросить? Или о ком? Не поступал ли некий Максим, лет под тридцать, извините, фамилию не знаю?

Андрей Петрович выбрался из дома наружу, когда находиться в четырёх стенах стало больше невмоготу.

— А, Петрович! — приветствовал старик Нефёдов, сосед снизу. — Давно не виделись. А чего не выходишь, стыдишься, что ли? Так ты же вроде ни при чём.

— В каком смысле стыжусь? — оторопел Андрей Петрович.

— Ну, что этого, твоего, — Нефёдов провёл ребром ладони по горлу. — Который к тебе ходил. Я всё думал, чего Петрович на старости лет с этой публикой связался.

— Вы о чём? — у Андрея Петровича похолодело внутри. — С какой публикой?

— Известно с какой. Я этих голубчиков сразу вижу. Тридцать лет, считай, с ними отработал.

— С кем с ними-то? — взмолился Андрей Петрович. — О чём вы вообще говорите?

— Ты что ж, в самом деле не знаешь? — всполошился Нефёдов. — Новости посмотри, об этом повсюду трубят.

Андрей Петрович не помнил, как добрался до лифта. Поднялся на четырнадцатый, трясущимися руками нашарил в кармане ключ. С пятой попытки отворил, просеменил к компьютеру, подключился к сети, пролистал ленту новостей. Сердце внезапно зашлось от боли. С фотографии смотрел Максим, строчки курсива под снимком расплывались перед глазами.

«Уличён хозяевами, — с трудом сфокусировав зрение, считывал с экрана Андрей Петрович, — в хищении продуктов питания, предметов одежды и бытовой техники. Домашний робот-гувернёр, серия ДРГ-439К. Дефект управляющей программы. Заявил, что самостоятельно пришёл к выводу о детской бездуховности, с которой решил бороться. Самовольно обучал детей предметам вне школьной программы. От хозяев свою деятельность скрывал. Изъят из обращения... По факту утилизирован... Общественность

обеспокоена проявлением... Выпускающая фирма готова понести... Специально созданный комитет постановил...».

Андрей Петрович поднялся. На негнувшихся ногах прошагал на кухню. Открыл буфет, на нижней полке стояла принесённая Максимом в счёт оплаты за обучение початая бутылка коньяка. Андрей Петрович сорвал пробку, заозирался в поисках стакана. Не нашёл и рванул из горла. Закашлялся, выронив бутылку, отшатнулся к стене. Колени подломились, Андрей Петрович тяжело опустился на пол.

Коту под хвост, пришла итоговая мысль. Всё коту под хвост. Всё это время он обучал робота.

Бездушную, дефективную железяку. Вложил в неё всё, что есть. Всё, ради чего только стоит жить. Всё, ради чего он жил.

Андрей Петрович, преодолевая ухватившую за сердце боль, поднялся. Протащился к окну, наглухо завернул фрамугу. Теперь газовая плита. Открыть конфорки и полчаса подождать. И всё.

Звонок в дверь застал его на полпути к плите. Андрей Петрович, стиснув зубы, двинулся открывать. На пороге стояли двое детей. Мальчик лет десяти. И девочка на год-другой младше.

— Вы даёте уроки литературы? — глядя из-под падающей на глаза чёлки, спросила девочка.

— Что? — Андрей Петрович опешил. — Вы кто?

— Я Павлик, — сделал шаг вперёд мальчик. — Это Анечка, моя сестра. Мы от Макса.

— От... От кого?!

— От Макса, — упрямо повторил мальчик. — Он велел передать. Перед тем, как он... как его...

— Мело, мело по всей земле во все пределы! — звонко выкрикнула вдруг девочка.

Андрей Петрович схватился за сердце, судорожно глотая, запихал, затолкал его обратно в грудную клетку.

— Ты шутишь? — тихо, едва слышно выговорил он.

— Свеча горела на столе, свеча горела, — твёрдо произнёс мальчик. — Это он велел передать, Макс. Вы будете нас учить?

Андрей Петрович, цепляясь за дверной косяк, шагнул назад.

— Боже мой, — сказал он. — Входите. Входите, дети.

Валенсия Вазалия
(Россия, г. Екатеринбург)

ЧУР ТЕБЯ!!!

Идём после работы с новым сотрудником, он рассказывает что-то оживлённо, но я-то знаю, что нравлюсь ему. За разговорами подошли к моему дому.

— А пойдёмте в кино? — предложил спутник.

— Ах, меня сто лет уже никто не приглашал! Мне надо переодеться! — воскликнула я как ужаленная от неожиданного предложения.

Поднялись на этаж, я открыла дверь.

— Я живу скромно-одинок, гостей не зову, поэтому подождите в прихожей, — и скинув пуховик, убежала в комнату.

Гость топтал половик болотного цвета, ботинки чавкали. Внимание привлёк отражающийся в зеркале старый выцветший постер Мерлин Монро с соблазнительно раскрытыми алыми губками, казалось, что кинозвезда оживает, подмигивает и... выходит из зеркала, как из другой комнаты и тянется за шубой на вешалке. Мужчина помог звезде снять шубу.. Выйдя из комнаты, я застала сотрудника с шубой в руках.

— В чем дело?!

Мужчина вздрогнув перевел испуганный взгляд от шубы на плакат с Мерлин.

— Это она попросила! — он отбросил шубу, неуклюже попятившись к выходу.

— Ах вот ты каков?! Значит так, вместо кино идем в полицию! — прошипела я, поворачивая ключ в замке.

— Простите, кажется, я здесь схожу с ума, такое ощущение, что попал в засасывающее болото! Отпустите!

— Скажи ещё, что на ведьму похожа! — ответила иронично. Меня возбудил его детский страх, я сделала несколько шагов для поцелуя.

— Чур тебя!!! — вскрикнул гость, отчаянно дёргая дверную ручку.

— Не уйдешь! — расхохотавшись накинула ему на шею зеленый шарф в катышках. — Но! Но! Вези меня на Мальдивы!!! — взрывы адского хохота постепенно перешли в горечь самосожаления из-за того, что меня опять бросили — и снова я стою перед зеркалом в старой норковой шубе поверх нарядного платя, обмотавшись колючим шарфом... Уф, надоело грустить!! Сглотив обиду, я гордо расправляю плечи и выхожу в ближайший магазин за красным вином...

КРЕЩЕНСКАЯ ВОДА

— Сегодня Крещение! — напомнил муж Николай жене Марине.

— Сварить тебе на завтрак овсяную кашу?

— Отлично! Но сначала схожу в церковь, а потом ты сделаешь кашу на крещенской воде! Вернусь через десять минут!

Муж ушел. Через пять минут Марина решила подогреть крупу к приходу мужа. Прошло 15 минут, а его всё не было. Она подумала, что наверное, встретил соседских мужиков и выпили в честь праздника. Хотя?.. Вчера муж говорил, что на Крещение можно пить только святую воду! И мне наказывал очищаться: думать про хорошее, гнать от себя нелепые думки! В кухне запахло жареной крупой. Марина убавила огонь под кастрюлей, думая, что муж вот-вот явится с водой... И тут ей в голову стукнуло: А вдруг у него появилась другая женщина?! Ну конечно, в церковь он ходит не часто, а тут соскочил с утра за святой водой! Вот, не стану убирать крупу с плиты, — сам виноват: обещал вернуться, будь любезен, держи слово! Подгоревшая крупа будет на твоей совести!

Через 41 минуту вернулся Николай с водицей и, поведив носом, спросил: «У тебя что-то пригорело?»

— А это твоя любимая овсянка! — холодно ответила Марина.

На кухне Николай обнаружил в кастрюле горелый комок крупы.

— Я начала подогревать до обещанного возвращения! — с упреком пояснила Марина.

— Вот, ты сейчас как эта крупа, такая же неприятная и жесткая, — сравнил Николай.

— А сам-то на кого похож?! — оскорбилась Марина.

— А я похож на крещенскую воду! Хочешь узнать причину опоздания — ну, слушай: в церкви к священной воде выстроилась очередь. Подошла бабулька с двумя пятилитровыми бутылками, а я стоял за ней, она не заметила, как вода полилась через край, и я помог ей, а потом проводил старушку до квартиры, помня о данном обещании и, надеясь, что ты всё поймешь».

— Ой, что я наделала?! Бес попутал!!! Вместе надо было идти за водой! — призналась Марина.

— Сегодня вода святая, крещенская! — ответил муж, предлагая жене испить из любимой кружки.

— Прости, это я во всем виновата! — раскаялась Марина.

Вскоре на столе дымились крещенская каша.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Наивно думать, что сам Христос, и правда, родился 7 января. На самом деле, рождение Богочеловека относится к движению Земли вокруг Солнца, которое в конце декабря после некоторой паузы — солнцестояние — начинает всё больше освещать северное полушарие. Рождение Христа — рождение нового цикла, отсюда же праздник Нового ГОДА! 19 января — Крещение, знаменующее начало движения. Собственно, сегодня самое начало годичного пути — «поезд отправляется». На сороковой день после Рождества отмечается Сретение — старая сила сообщив ускорение, навсегда отделяется от Нового, как родитель от дитя. Новый год обретает самостоятельное значение. С этим событием перекликается древний славянский обычай сожжения чучела Масленицы — прощание со старым отжившим,

— оканчивающийся Прощеным воскресеньем, когда надо простить старые обиды, чтобы не тянуть старую энергетику в Новый год. Далее идет трудное время поста вплоть до самой Пасхи — рождение Новой жизни. Природа одевается в новый наряд: в оттаявшей почве оживают семена, пробивается свежая травка, на ветках набухают почки. Природа буквально цветет и пахнет до Троицы — момент торжества вполне созревшего ГОДА. Потрудившись на славу, мы задумываемся про отдых...

P.S. Как труден был ушедший год под цифрой «2», сила которого иссякнет в феврале. Зато новый, под цифрой «3», каждому воздаст по заслугам. Страдающие обретут свободу, а заблуждающиеся прозреют.

ЧУТКОСТЬ

А ведь мы даже не осознаём того, как ежедневно нарушаем чужие границы. Родители вмешиваются в жизнь детей, да что там, — считают своей собственностью. Строгая армейская дисциплина ломает подросткам психику. Мы не знаем, откуда растут ноги конфликтов. Накричались, наплакались и закончили немощным «перемирием». А ведь, всё зарождается в душе, которая чутка к малейшему притеснению. К примеру, уставшая мать наорала на сына, что не помыл за собой посуду, а тот обиделся, вовсе не за свою оплошность, а за резкий тон от близкого человека, и обида навсегда осталась в сердце. Со временем негатив накапливается и однажды стихийно выливается наружу. Надо признать, что люди ещё толстокожие, несмотря на кучу демонстрируемых правил по этикету. Отчего так страшно выступать на публике? Вы назовете это робостью, стеснительностью, но причина иная: умные взрослые с детства отсекали, давая понять, что старших надо слушать, без возражений, что «молоко на губах не обсохло»: «Не то делаешь!», «не так говоришь!», «выглядишь смешно!», а то и: «захлопни варежку, пока не получила по губам!» Если родные не принимали, что уж говорить о незнакомых людях?.. Вот и репетируем по сто раз, чтобы не вляпаться в грязь лицом, марафетимся, стараемся изо всех сил презентовать себя с выгодного ракурса, не понимая, как потихоньку теряем своё естество. Мы боимся быть собой. Страшась прослыть невеждами, порывисто и нарочито желаем человеку за трапезой: «Приятного аппетита!» Полагаете, этично совать нос в чужую тарелку, нарушая питательный процесс?.. Желать приятного аппетита может тот, кто угощает, остальные судорожные пожелания — неуместны. Вежливость не делает нас более чуткими, скорее наоборот, более поверхностными и схематичными людьми-роботами.

ВОДОЛЕЙ

Поразмышляем об этом зодиакальном знаке. Январь-февраль самое начало года. Время заложения проектов.. «Водолей» изливает тонкоматериальные намерения, — чувствует, подстраивается, планирует. Водолею надо какое-то время пожить в хаосе, чтобы иметь материал для дальнейшей структуризации. Прекрасные теоретики, с организаторскими способностями. Водолейскую суть можно образно сравнить с родниками или во-

допадами, — все зависит от энергетического потенциала отдельного представителя знака. «Родники» чисты и нежны, избирательны по натуре, «Водопады» напротив, демонстрируют всю мощь, к примеру, возглавляя некое предприятие. Им очень важно четко держаться избранной цели, иначе не доводят дел до конца, или результат сводится к нулю. Они должны четко определять «мое — не моё». Не расточать сил понапрасну, слышать собеседника, чувствовать ответную реакцию, в общении с близкими сглаживать острые углы, даже если тот сто раз неправ — мудро уступить на какое-то время. Водолею не надо доказывать свою правоту, требуя к себе почтения! Они должны научиться оценивать результаты труда по искренним отзывам. «Не просите ничего у других, сами придут, дадут, и ещё упрашивать будут... чтобы помогли посоветовали или возглавили некий проект», — подходящая знаку фраза. Водолеи сами являются источником сил и миротворческих идей. Привет Водолеям!

ЧУТЬЁ

Пожилая женщина Зинаида гуляла в парке, села на лавочку и стала есть свежий пирожок.

— У вас пирожок с капустой?... — поинтересовался мужчина сидевший рядом.

— Всё верно! — кивнула женщина, взглянув на соседа, который был в тёмных очках, — Подождите, а как вы узнали?!

— Чутьё! — кратко ответил слепой человек.

Зинаида сочувственно покачала головой.

— А вы знали, что будете есть пирожок, сидя вот на этой скамейке? — спросил мужчина.

— Нет... просто шла... увидела эту милую лавочку под деревьями, да и села...

Зинаида опять покачала головой, а слепой человек будто заметил её реакцию.

— Вы меня не жалейте! Мы в равном положении. Я не могу видеть белого дня, а вы не знаете того, что случится завтра. Вот так жизнь учит нас опираться на чувства...

Зинаида повернулась к соседу по лавочке, понимая высказанную мысль.

— А ведь, правда! Я всю жизнь жила по плану, но только сейчас, на пенсии, учусь жить по-настоящему, как душа велит, — сначала как бы чувствую, а потом иду, не зная, что меня ждет впереди, просто доверившись судьбе, а вечером вспоминаю интересно прожитый день.

— Да-а, многие ещё не живут, а только анализируют, не доверяя судьбе... а знаете почему? Потому что не развито чутьё!

Зинаида задумалась. Двое на лавочке сидели молча, наслаждаясь свежим весенним воздухом и пением птиц, а потом вдруг встали синхронно и засмеялись... А дальше пошли уже вместе по парковой дорожке...

НОВЫЙ ГОД ПОД ПАЛЬМОЙ

Хотите услышать жизненную сказку? Тогда двигайтесь поближе, наливайте горячего чая и слушайте под тихий треск огня в камине.

Про Натали можно сказать, что она гламурная девушка, и захотелось ей на Новый год туда, где лето. Но её богатый ухажёр Вячеслав не мог исполнить её каприз. Она стала ныть ему в ухо: сколько можно работать! бросай все дела, летим в Доминикану!

— Я очень занят, хочешь лети одна, я прилечу позже!

— Нет! — возразила Наташка. — Хочу Новый год встретить с тобой под пальмой с бокалом шампанского! Придумай что-нибудь!

Что же делать? Подставлять партнёров Вячеслав не мог. А Натали весь день поглядывает в окно, ждёт такси в аэропорт. Внизу подъехала какая-то машина... в коридоре шаги... звонок! В дом втащили пальму — Новый год под пальмой заказывали?! Вот те на! Но пальма не обрадовала Наташку, и даже довела до бешенства. Праздник под угрозой. Одно спасение — Доминикана! Кавалер всё бросил и увёз свою, распухшую от истерики пассию в лето, оставив дома свою кроткую симпатичную сестру присматривать за пальмой. Её зовут Мария, ей 18 лет. Девушка удивлялась, что не ёлка красуется перед глазами, а настоящее тропическое дерево — кусочек настоящего лета! Под бой курантов Мария загадала встретить избранного, тем и была счастлива.

А гламурная Натали получив своё, на взморье ломала голову, чего бы ещё потребовать от своего благодетеля. Вернувшись из Доминиканы в морозные края, она стала требовать ещё и ещё. Но всему есть предел. Следующий год для Натали и Вячеслава был расставанием.

А у Марии судьба сложилась иначе: уже в январе она познакомилась с парнем, Виктором.

— Где отмечала Новый год? — интересовался он.

— Под пальмой, — ответила Мария.

— Ух ты, всегда мечтал зимой оказаться в тропиках!

Девушка звонко рассмеялась: «Представляю, как это здорово!» — и разъяснила про новогоднюю пальму и про то, что дальше пригородной дачи никуда не ездила. Виктор рассмеялся в ответ: «И что нам мешает осуществить нашу мечту?» «Но мы едва знакомы». «Там узнаем друг друга поближе». И так легко, искренне прозвучало от него это предложение, что она согласилась.

На день Святого Валентина Мария и Виктор были в Лете.

АНДРЕЙ-ВИКТОРИА-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

АНГЕЛ...

Цепь следов по облакам
 Пролегла от детских ножек.
 Вижу Ангела — в руках
 Кисти, краски, холст. Лик Божий
 Доработать просит — сам
 Не осмелился. Глазами
 Он другими, чудеса,
 Видит. И стоял часами
 В размышлениях — как лезть,
 Посчитают критиканы.
 А другие скажут — месть.
 Намекая на романы
 В райской зелени садов.
 Не смотрите, что бесполье:
 Телу секс, душе — любовь!
 И пишите протоколы!
 Было, будет сотни лет.
 Помогите, любвеобильный...
 И потопал в белый свет,
 Записав в блокнот мобильный...

08.01.2023 г. А-В-А.

БЕЗ ВОРОЖБЫ...

Ароматных роз букет
 Ждёт в моей руке
 Девушку семнадцать лет,
 С «мушкой» на щеке.

Не своя уж третий день —
 Меркнет красота.
 Может мучает мигрень,
 Может пустота

Обступила, и тоска,
 Синь сосёт из глаз...
 Строю замок из песка,
 Жду в парадной час...

Вечер загустел, как дым.
 Чёрных мыслей спрут
 В дрожь бросает. На склады
 Прибежал — минут

Не хватило. По домам
 Трудовой народ
 Разошёлся. В мыслях, тьма,
 Подливает вод

На лопатки колеса
 Из чужой судьбы.
 По какой тропе краса
 Шла? Без ворожбы

Не узнать, казалось мне...
 Сник в руке букет.
 До рассвета как во сне,
 Хоть какой-то след,

Отыскать пытался... Сто
 В городе больниц.
 В хирургии за мостом,
 Под десяток лиц

Неопознанных — она
 Точно среди лиц!
 Зазвенело что струна
 Сердце — у сестриц,

Взял халат и на этаж
 Просочился в дверь:
 Спит в палате мой вояж,
 Без больших потерь...

08.01.2023 г. А-В-А.

ПОПЫТАЛИСЬ ВСПОМНИТЬ...

Новогодняя неделя
 Пронеслась стрижем подобно.
 Выводить остатки хмеля
 Взясась женщина — подробно
 Попытались вспомнить вторник:
 Буераки и провалы.
 Понедельника поборник,
 Вдруг сослалась на порталы
 И приказы от Вселенной —
 Говорить согласно акта.
 Двое суток в ванне с пеной
 Вдаль уехали по трактам.
 Среду помним смутно — дети

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

На обмен пришли подарков:
Внуки кушали конфеты
С коньяком. От дяди Марка.
За столом сидели вместе,
Только кажется — не долго.
Пили-ели, пели песни.
Помню, как бежала Волга...
Вновь пропали двое суток.
Весь рассвет кричит Алиса,
Что суббота — кроме шуток —
Даже всхлипнула, актриса.
У стола сошлись к обеду,
Календарь пощупав лично.
Присягнули дружно — деду,
Ну ни грамма заграничной,
И ни капли самогона!
Понедельник на пороге.
Новый год уже в погонах
Генеральских. Ждёт в дорогу...

08.01.2023 г. А-V-A.

НЕ ВСЕГДА...

В шёлковом халате у камина
Пью одно из дорогих sake.
На паркете голая Мальвина,
Со стаканом коньяка в руке.
Долгих десять лет до этой сказки,
Жизни дни укладывал в макет.
Кукол жёг, сдирая с кожей маски,
Из театра вынося паркет.
Продал труппу дорогих и дерзких.
Снёс театр, построил казино.
Каждый час менялись арабески,
И коллекционное вино,
Предлагали девушки в бикини
Всякому входящему. Река
Разлилась молочная в пустыне,
Сил давая ночью из песка,
С глиной голубой, лепить Мальвину.
Жизнь вдохнуть в назначенный рассвет.
Через месяц стала Буратино
Требовать в секретари — пакет,
С нарочным прислала на работу.
Текст разбросан по листу — ума
Ни диплом, ни глина ни на йоту
Не дали красотке... Из письма,

Этого, узнает мир, что с ядом
И коньяк в бокале, и sake...
Не всегда мечта твоя — награда,
Как не всё твоё, что в кулаке...

12-13.01.2023 г. А-V-A.

ПЬЮТ ДОЖДИ...

Из Гольфстрима пьют дожди.
На Европу льются слёзы
Ангелов по леди Ди,
И народам, впавшим в грёзы.
Правду изменив на ложь,
Добровольно сдали души.
Не появится Гаврош,
И картавый говор пушек
За свободу — умных нет.
Дуракам — лишь плюс на карте
Ежемесячно, и свет,
Не услышит Бонапарте.
Карлов и Вильгельмов лоск,
Стёрли шольцы и матроны.
Подогреть — текут что воск
Все министры и бароны

Перед янки. Под пятой
Вся старушка с деваностых...
Плачут Ангелы. Святой
Прочь уходит от погоста...

14.01.2023 г. А-V-A.

ИЩЕТ ЗНАК...

В Петербург ворвался Ветер,
Как ревнивый Командор.
Машет меж домами плетью,
За каким окошком вор
Скрылся, чтоб призвать к ответу
За поруганную честь.
Соблазнил жену — в ракету
Обещая взять. И, месье,
Застила глаза и разум
Рогоносцу. Головой
Бьётся в стёкла, рыщет глазом
Негодяя. Страх — живой,
Выдаст ходока, к барьеру
Будет вытаснен хоть наг!
Третьи сутки кабальеро
Пышет злобой, ищет знак...

14.01.2023 г. А-V-A.

ПОСЛЕ ВЗЛЁТА...

Самолёт упал в Непале,
Семь десятков человек...
Мог ли кто-то быть в опале
Бога Механизмов? Бег
По судьбе оборван разом.

Пассажиры. Экипаж.
Иностранцы-верхолазы.
И непальцы... На вираж
Положил пилот машину
После взлёта. Миг. Удар.
Долго выяснять причину
Будут службы — был пожар.
А родным на годы слёзы,
И печали боль в душе.
Русских четверо. В морозы,
Может, счастья в шалаше
Поискать пытались... В горы
Шли другие, может быть...
Быстро стихнут разговоры,
Только родственникам стыть...

15.01.2023 г. А-V-A.

УЛЫБАЯСЬ БЕЛОЗУБО...

Нагадала мне цыганка
Жарких губ на сто дорог.
В каждом доме самобранка,
С парой новеньких сапог
У порога. Только доля
Незавидная — с пути,
Не сойти тебе, и поля,
Никогда не перейти.

Улыбаясь белозубо,
Отвела в сторонку, в грудь
Груди вжала, впиалась в губы:
Был бы хвост, могла вильнуть.
Отстранился, взял за плечи.
В щёчку чмокнул как сестру.
И пошёл на междуречье,
Оглядеться на юру...

В небе брызнула комета
Снопом искр. Взошла Луна.
Сто дорог — не вся планета.
Жарких губ полна страна.
Поле первое изрезал
За ночь вдоль и поперёк.
Засвистев из полонеза,
Двинул в Город паренёк...

15.01.2023 г. А-V-A.

СПЕЦЗАКАЗ...

Задачу сокращения народов
Вновь подтвердили боссы USA —
Назначив «мисс красавицей» уroda
Морального: трансгендера. Из всей
Страны — оно сверкало задней частью.

Усами над улыбкой, бородой.
И грудью безразмерною —
на счастье! —
Напутствовал хирург немолодой.

В час пик прошла программа по каналам.
На всю планету сбросил Интернет.
На сколько меньше в мире женщин стало,
И юношей, желающих от бед,
Любимую беречь своей судьбою?
Семей развалит сколько этот час?
Топтать людей невидимой стопой —
Искусство, и конечно — спецзаказ...

16.01.2023 г. А-V-A.

КАК НЕ БЫЛО... В СОКУ...

Проснулся среди ночи
От жжения в виске.
У стенда для рабочих
Фигурка в пиджаке —
Моём. Нагие ноги
Под пиджаком — в носках.
Моих опять же: доги,
Любимчики с горшка.

А с тыла, как гитара:
И талия, и зад.
Блаженство или кара?
Молчит, ни в райский сад,
Ни по спиралям ада
Не приглашает вниз.
Зачем пришла? Досада
Ответом на сюрприз.

Подшефная искусства
Явила мне анфас.
Затрепетало чувство,
Что в каждом есть у нас:
Пиджак пытался груди
Объять, но слишком мал.
Слегка трещал с прелюдий,
И кажется, с ума

Сходил от вожделений...
Тут с треском гаснет свет.
Из новых поколений
Напарник сборник бед...
Фонарь достал английский
Из сумки на боку —
Пиджак висит, артистки,
Как не было... в соку...

19.01.2023 г. А-V-A.

РАНЕНАЯ ДАМА И МЕДВЕДЬ...

В нашем общем доме раненая Дама,
Год лежит в постели: нагноенье ран.
Подло обманули, выманив из храма,
Убивали в поле лев, орёл, орлан.

Наигравшись вволю, отдали шакалам.
Хохотали мерзко, волю дать огню
Возжелали твари. Шёл Медведь по шпалам
Мимо этой своры, рывкнул — на корню

Пресекая действо. Разбежались в страхе.
Женщину на лапах до высотки нёс
На Сенной московской: тут найдут милахе
И примочек к ранам, и поправят нос...

19.01.2023 г. А-V-A.

ОБЕЩАЛАСЬ...

Затихает голос из Вселенной.
Шум сторонний обрывает связь.
И стучу по рации поленом,
Разогнать пытаюсь гам и грязь.

За коробкой кунга стонут сосны:
Ветер великанов гнёт к земле.
Встал «Урал» — казалось бы трёхосный,
А и он, что голый в феврале

Против урагана. До распада,
Чуть не дотянули: по реке
Долго пробирались — психопатка,
Вновь меняла русло. Налегке

Быть на базе мы могли в субботу...
Где-то во Вселенной антипод —
На ключе бьёт нежность и заботу,
Обещалась вместе в новый год...

20.01.2023 г. А-V-A.

УЛЫБАЛСЯ ДОМ...

Через буераки дней и ночек,
По тропинкам полной тишины,
Шёл солдат домой, неся платочек
Для любимой горячо жены.

А жене вручили похоронку.
Месяц как ещё — сам военком.
И ходил вокруг, пугал девчонку,
Обещая взять на днях силком.

Девочка не робкого десятка,
Но решила в секцию борьбы
Записаться — думая с оглядкой
Об изгибах в линии судьбы.

От казённых бланка и печати
Отмахнулась, спрятав между книг.
День назад на заднем плане в чате,
Помахал рукой ей озорник.

Перепутать не могла: сердечко,
Ёкнуло и замерло... Весь миг
Улыбался дом, смеялась печка,
Предвкушая встречу и пикник...

20.01.2023 г. А-V-A.

ЗАКИНУВ УДОЧКИ...

Закинув удочки в Неву,
Расположил на парапете
Стопарик, сало, хлеб, айву —
В рядок на «свеженькой» газете.

Ноль пять «Столичной» в рукаве.
Учён — лютуют полисмены.
Присел процесс блюсти, в Неве,
Вверх поднимаются мурены!

Под самым берегом, травы
Проклюнувшейся зеленее.
Как живы в пресной? Цирковых
Кто упустил, или «смешнее»

Предназначение этих рыб?
Профессора и кандидаты
Умеют удивлять: прорыв
Свершён в науке — аппараты

Преодолений тысяч лет
Создали, но — хотели — света.
И вновь под гору Магомет,
А не она к нему с приветом.

Откуда ни возьмись — суда,
Примчались в светлом камуфляже.
Поймали рыбок без труда,
За поворотом скрылись, даже

Ни слова не сказав. Сто грамм
От стресса приняв, хлебом с салом
Закусываю. Шум и гам
Издалека. Красотка в алом,

Как комиссар, но без коня,
Вела компанию подружек...
Вдруг взяла под руку меня.
Подруг спровадила, на ужин

Проситься стала. Подшофе.
И взгляд подёрнутый слезами...
Визитку дал ей, там в строфе,
Есть адрес дома под часами...

23.01.2023 г. А-V-A.

БАРЬЕР...

Судьба поставила барьер,
 Страх подкормив адреналином.
 Он замер: пики Кордильер
 Припомнил. Выбрался долиной
 Без цели шёл, пока глаза
 Не приглядели в горизонте
 Заправку, кажется...Под зад
 Коленом Это дал — на фронте
 Смелее был, а что теперь?
 Боязнь остаться с человеком
 Лицом к лицу — вдруг спящий зверь
 Очнётся в образе абрека:
 Без жалости, без воли. Зло.
 Нет, не готов ещё он к свету.
 Привыкнуть должен, как к гало,
 Впервые встретивший в расцвете...

23.01.2023 г. А-V-A.

А ДУШИ ЮНЫ...

Уснул под голос тамады
 Один из бывших... В институте,
 Он видит стайку молодых
 Сокурсников: спор о маршруте
 Затронул каждого с утра —
 Какую точку за начало
 Им нужно брать? Одним — с Петра,
 Другим — желательно с причала,
 С которого гранит наук
 Грызть отправляли самых первых...
 Голосовали, леса рук
 Не набралось. Одни манерны,
 Другим без разницы, когда
 И кто назначил день студента:
 Идут в команде господа,
 С мечтой о рюмочке абсента...

Сон оборвал толчок в плечо:
 «Гаудеамус» голосили...
 А души юны — нипочём
 Нам возраст, даты...тень Бастилий...

25.01.2023 г. А-V-A.

ЗА ТЁМНЫМИ ОЧКАМИ...

За тёмными очками
 Горячий омут глаз.
 Танцует язычками
 Огонь желаний. Фраз
 Невысказанных книга.
 Слащавая мечта.
 И четвертью от мига
 Стервозность. Три кита

Уверенной походки:
 Фигура, рост и вес.
 И аура кокотки,
 Как мёдом интерес,
 Подманивает падких.
 Сжигает сто на дню...
 Лишь словом на лопатки,
 Подобную огню,
 Укладывает серый
 Настройщик тонких струн.
 И рушатся манеры,
 И властвует колдун...

01.02.2023 г. А-V-A.

РАЗРУШАЮЩЕМУ БАЗУ...

Вдоль Обводного канала
 Бродит призрак: Дама в чёрном.
 Дом свой ищет. Три квартала,
 Ночь которую никчёмной
 Назовут, трясаясь от страха.
 Дама запросто в квартиры
 Проникает, сыплет прахом,
 И берёт как сувениры
 Всё, что глянется из злата.
 Вкус, конечно, безупречный.
 Уж с десятков по палатам
 В Кащенко — от бесконечных
 Посещений. Губернатор
 Треплет холки полисменов:
 Изловить иллюминатов
 За короткий срок — измены
 Не потерпит. Там, в Сибири,
 Всякому отыщут место
 Камни править, коль мундиры
 Стали тесны...до ареста
 Всем неделя... Розыскные,
 Планы строить в кабинетах
 Собрались. С таким впервые
 Встретились, и без ответа
 Тройка каверзных вопросов.
 Выход лишь один: засада.
 Старший показал набросок,
 В нём пикеты за оградой...

Просидели трое суток
 Под дождём с холодным ветром.
 Притупился взгляд, не чуток
 Стал и слух — в десятке метров
 Просочилась в двери Дама.
 Жуткий крик поднял агентов.
 Каркнул ворон с крыши храма.
 Грохнул выстрел — из моментов,
 Память пишет лишь о главном.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Дама в чёрном на брусчатке
Истекает кровью... Плавно
Кто-то с рук стащил перчатки,
Маску снял с лица: с усами,
И с бородкою пижона
Азиат лежал пред нами.
Под бородкой цепь с драконом...

Полтора почти что века
С той поры прошло — вновь Даму,
В чёрном, видят у аптеки
На Обводном — панораму
Изучает новостроек...
Как там, в Кашенко, палаты?
И достаточно ли коек
Для сбежавших от расплаты?
Азиат любил в два ночи —
Под начало сновидений —
Проникать в квартиры, сочен
Был улов. Попытки бдений
Не спасали казнокрадов.
Отдавали даже разум...
Никогда не быть в наградах
Разрушающему базу...

04.02.2023 г. А-V-A.

И ПРОСТИТЬ БЕГЛЯНКУ...

Рассыпаюсь на куски...
Как на солнце — вспышки в теле.
В ленте ледяной реки
Звёздочку ловил — с пастели

Сорвалась, и по воде
Побежала в свете лунном.
Бросил мел, и чёрте где
Изловил, кричал трибуном.

Ей — лишь кончики лучей
Парочкой движений смелых
Подновить, да на плече
Танцевать оставить. Белый,

В зеркале мой визави.
От груди не пышет жаром.
Знать не знает о любви,
Вдохновения угара

Не хватал раскрытым ртом.
Не срывался вниз с карниза.
Тишь да гладь в стекле пустом,
Если не войду эскизом.

Как теперь: подправить грим.
Мысли выстроить по росту.
Возродиться до зари,
И простить беглянку.

В остовЗакачавшейся мечты,
Вставить стройную фигуру.
Без неё глаза пусты...
И не выразить натуру...

18.02.2023 г. А-V-A.

СЪЕХАЛ С ТРАССЫ...

К придорожному кафе
Съехал с трассы, выпить кофе.
Словно стражник на Голгофе,
В латах мужичок — в строфе,

Над кудрявой головой,
Приглашение к экстазу.
«В баре всё для вас и сразу!»
В строчках главным. Не впервой

По провинциям — души
Примечаю простодырость.
Отдаюсь судьбе на милость,
В зал вхожу сквозь камыши

Точно в юности года:
Стены в зорях и закатах...
Тех, что продали мы Штатам...
К сожаленью — никогда

Не вернуть Союза нам.
Нет, не строя — Человека...
Выпил кофе от Генсека,
И поехал по делам...

19.02.2023 г. А-V-A.

ИСКРЫ К ОЧАГУ...

Вечера под треск свечи... Огонь
Пляшет на изгибе фитиля.
На стене огромная ладонь,
И вторая — меньше... С корабля,

Якорь бросим тенью на стене.
Дочь смеётся, праздная успех.
И дельфина просит на волне,
На хвосте танцующем... Огрех,

Вмиг приметит и стыдит слегка:
Пальцы вместе, чуть согнуть ладонь...

А потом играем в «дурака»,
Чай «гоняем» всей семьёй...Погонь

Слышим рёв моторов, взвизги шин —
Годы беспредельных и лихих.
Без воды, без света, за гроши
«Вкалывали». Выжили. Таких,

Не пророчу в ярости врагу.
Не пошлю предавшему в сердцах...
Мы носили искры к очагу,
Имена храня жены, отца...

05.02.2023 г. А-V-A.

ТИХ ФЕВРАЛЬ...

На реке сдаётся лёд: промоин,
Как прорех на джинсах от кутюр.
Заглянул февраль, мир неустроен:
Ни снегов, ни солнца. Увертюр

Ветер не доигрывал ночами.
По утрам не поднимал туман.
Лишь неделю грубыми речами
Горожан пугал, что великан.

Далеко отсюда, ближе к югу,
Песни пела юная весна.
В рост пошли подснежники, и другу,
По эфиру выслала она

Синих, жёлтых, белых — по корзине.
И от их тепла январь размяк.
За красивой дамой в лимузине,
Побежал и сгинул. Молодняк,

В наше время был на страсть скромнее.
И серьёзней — помнил о делах...
Тих февраль, во взгляде леденеет
Сила вьюг и небо в куполах...

07.02.2023 г. А-V-A.

ЕВГЕНИЯ СЛАВОРОССОВА

Россия, Москва

ЛЕТАЮЩИЙ ГОРОД

О городе О.

Как поведаю об этом?
Не велик, не мал,
Но меня тревожным летом
Обнинск обнимал.

«Где погибель? Где спасенье?» —
Каждый вопрошал.
Но меня в тоске осенней
Обнинск утешал.

Ведь даётся нам по вере —
Взлёт или провал...
Но не зря сердца и двери
Обнинск открывал.

Москва-2023

ЛЕТАЮЩИЙ ОСТРОВ

1.

Остров летающий,
Город летучий,
В воздухе тающий,
Скрытый за тучей,
В небе парит,
Но, вздохнув тяжело,
Вниз опускается,
Как НЛО.

Светится ночью
Прозрачным кристаллом...
Что его жителям
Снится усталым:
Камешки детства
Иль кладбищ гранит?
С мачтой своей,
Устремлённой в зенит.

2.

Как сладко порвать притяжения пути,
Подобно учёным с парящей Лапуты,
Как славно меж звёзд раскалённых

петлять

И атомы в ступе планет расщеплять.

Как весело в космос подняться из лифта,
Из пушки Жюль Верна,

из выдумки Свифта,

Со скоростью мысли лететь за мечтой
И вакуум чистый не звать пустотой.

ОБНИНСК-ОГНИНСК

Обнинск, Огнинск — в пене дней
Отблеск призрачных огней.
Обнинск, Окнинск — смотрит в нас
Миллион стеклянных глаз.
Обнинск, Охнинск — долгий вздох,
Роковой разлом эпох.

Как синий бархат, темнота,
Лишь силуэт в окошке —
Зеленоглазого кота?
Золотоглазой кошки?

Не разгадаешь звёздный код.
А вдалеке с опаской
Мелькнёт зеленоглазый кот
За кошкой-златоглазой.

ОГНЕННЫЙ ВАВИЛОН

Сверканье страза иль алмаза —
Суровый «Рим», цветная «Плаза»,
Покуда свет здесь не отрублен
Блестит «Бристоль», сияет «Дублин».

И я могу увидеть сонно
Вдали могучего «Самсона».
Не глаз циклопа иль циклона —
Столпотворенье Вавилона.

ТРЕУГОЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Треугольная площадь,
Ветер кроны полощет,
Словно флаги судов на заре,
Тают зданий громады
И несутся армады
В сентябре, октябре, ноябре.

Треугольная площадь,
Сердце больше не ропщет,
Клёны в инее, как в серебре,
В геометрии этой
Не найдём мы ответа
В октябре, ноябре, декабре.

ОБНИНСКАЯ ОСЕНЬ

О, эта обнинская осень,
Рысиный, пламенный окрас...
Покая у Судьбы попросим?
А воля? Воля есть у нас.

О, эта огненная осень,
Рассыплет краски задарма.
Мы только взгляд последний бросим...
А у дверей уже зима.

Дождь ледяной. Хрустальные деревья.
Холодная и странная краса.
Стеклянный звон, жестокие поверья,
Застывшие чужие голоса.

Как будто бы остывшая планета,
Где нас с тобой давно в помине нет.
Кристалльный лёд, что выточен из света
И навсегда оледенелый след.

Громада бетонной больницы,
Как замок, а, может, тюрьма.
Такое в кошмаре приснится,
Когда тихо сходишь с ума.

Тревожные страхи ночные,
Как призраки в мрачной ночи,
Где бредят маньяки-больные
И бродят маньяки-врачи.

Фильм ужасов долго ли длится?
Всего полтора-то часа...
Громада бетонной больницы,
Обшарпанные корпуса.

Вдоль сквера Жолио-Кюри
Мы шли с тобой, рука в руке,
И зажигались фонари,
Как цепь алмазов вдалеке.

И отступал морозный мрак,
И волновал манящий свет...
Казалось нам, что будет так
Всё длиться до скончанья лет.

И нежность связывала нас
Огнём, мерцающим внутри,
В безлюдный сумеречный час
У сквера Жолио-Кюри.

УЛИЦА КРАСНЫХ ЗОРЬ

Окна, мороз, узорь...
Но, как рассвет в окне,
Улица Красных зорь
Видеться будет мне.

Улица есть в Москве...
Сколько на всю страну?
В Питере, на Неве
Встретишь ещё одну.

Имя — пожар во мгле,
Имя — огонь в крови...
Краше её на Земле
Улицу назови.

БЕЛАЯ СУБМАРИНА

По белой улице
Предновогодней
Идёт и щурится
Моряк-подводник.

Пусть небо хмурится
Сквозь снег сегодня,
Но не зажмурится
Лихой подводник.

То хлопья снежные
Иль пух в перине?
Иль песнь безбрежная
О субмарине?

Споём по памяти,
С метелью споря,
Но в этой замети
Не видно моря.

Нам смысл откроется
Метеосводки.
А юность скроется
В подводной лодке.

Жить в Обнинске. Да что же тут такого?
Я просто вам отвечу: «Ничего!»
Жить в Обнинске и слушать Щербакова* —
Что может быть уместнее того?

Пусть воссияет Аладдина лампа,
И трубы, как органные, гудят.
Жить в Обнинске, где Альфа или Лямбда
За вами так внимательно следят.

И самолёт в окошке виден с краю,
На вираже застыл, как в витраже.
А я мечтаю, в облаках витаю,
Укрывшись на девятом этаже.

ОДНОКЛАССНИК

Отцвести белоснежным пионам,
Словно юным годам, суждено...
Одноклассник объявлен шпионом,
Но не веришь ты в то всё равно.

Помнишь ты о бесстрашном комсоре
(Эмиграция после тюрьмы),
Как весенние помнят восторги
Посреди беспощадной зимы.

БЕЛКИНО

Посетить неожиданно Белкино
В сентябре мы, конечно, не прочь,
Перечитывать «Повести Белкина»
И Свиридова слушать всю ночь,

И вдыхать вместе с сонными липами
Опьяняющий дух старины
В парке, высланном вздохами, всхлипами,
Над прудами густой тишины.

КАМЕНЬ

А камень воде абсолютно не страшен,
Она его примет, пускай его кинут.
Лишь вздрогнет узор из деревьев и башен,
Который в сияющий пруд опрокинут...

В этом городе зарницы и закаты
Наблюдаю я который день подряд —
Звёзды, тучи и громовые раскаты —
«Это космос», — как подростки говорят.

Словно выплеснул художник эпатажный
Банку краски и размазал по холсту...
Ливни, зной и небоскрёб многоэтажный,
Грозным крейсером плывущий в темноту.

ИСПАНСКАЯ ЖАРА

В летнем слиянии розы и амбры
Скрыто дыханье фонтанов Альгамбры.
Я от жары не найду себе места —
Здесь, как в Испании сонной, сиеста.
Видно Гранада во всём виновата,
Но освежаюсь я соком граната.
И ничего уже больше не надо,
Только упала бы ночи прохлада.

Облачные рыбы,
Обнинские птицы...
Мы с тобой могли бы
Перевоплотиться?

Облачные яхты,
Бриги, бригантины,
Лишь вздыхаешь: «Ах ты!»
От такой картины.

Облачные шхуны,
Неба каравеллы,
Те, кто вечно юны,
В них умчатся смело.

Так пронзает душу
Песенка простая...
И, покинув сушу,
В небесах растают.

В ТУМАНЕ

Не море сонное в Тамани,
Где спят на судне рыбаки...
Но город утонул в тумане,
Ну, как в сметане судаки.

Не то, что детские кошмары
В своей таинственной игре,
Но тянут щупальцы кальмары.
Или деревья в янтаре?

И мы на дне легко могли бы
Плести коралловые сны —
Но с мужеством летучей рыбы
Стремимся в высь из глубины!

Что успех мне, что престиж?
Ты и примешь, и простишь,

* Михаил Щербаков — поэт и бард, родился и вырос в Обнинске.

И со мной в ночную тишь
Прямо к звёздам улетишь

ОАЭ

Огненный атомный эмират,
Лёгкий летательный аппарат,
Над грязноватою пеной дней
Выбросил горсть бортовых огней.

Он не ответит — когда и где,
Он не расскажет — к какой звезде.
Если сумеешь ты стать огнём,
Сможешь тогда улететь на нём.

Как два космонавта, в таинственной мгле
Сквозь время летим мы в одном корабле.
Со скоростью мысли, пришедшей ко мне,
Мы мчимся в одном нескончаемом сне.
В Летающем городе — дождь или лёд,
Но вечен любви бесконечный полёт.

ПАМЯТИ ФИЗИКА БОРИСА КЕБАДЗЕ

Летят на Олимп иль спускаются в Лимб,
Оставив всё лучшее людям.
А мы средь цветущих каштанов и лип
Их помним и плачем, и любим.

В поношенных куртках своих и пальто
Вершили вселенские судьбы.
Ушли налегке они в вечность, зато
Не как беспощадные судьи.

Стремилась уменьшить всемирное зло,
Испытаны счастьем и болью.
И грустно теперь на душе, и светло
На долгом пути к Передолью*.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Нам Звёздная Медведица
В ночи в окно стучит,
А жизнь опять медведится —
И учит, и ворчит.

Уйти из заточения
Так хочется подчас,
Небесные течения
Подхватывают нас.

«Титаник», «Лузитания»
Мерещатся вдали...

Полночные летания
Подальше от Земли,

Где космос зыбко светится,
Мерцает и царит,
Где Звёздная Медведица
О чём-то говорит.

СИНИЕ ФЛАГИ

Синие флаги,
Тень облаков.
Сколько отваги
В бездне веков.

Синие флаги,
Лёт на ветру,
Тайные знаки,
Лёд и в жару.

Синие флаги
На рубеже,
Влаги во фляге
Мало уже.

Синие флаги
Цвета небес,
В северной саге
Воин воскрес.

Синие флаги,
Вьсь, синева.
Лишь на бумаге
Память жива.

ОБЛАКА

Облака на крыши прилегли,
Так в порту уснули корабли,
Так застыли рыбы в глубине,
Так младенцы выглядят во сне.

Облака, пушисты и белы,
На плечах задумчивой скалы,
Смотрят с безмятежной высоты
На столпотворенье суеты.

Я пьянею от стихов слегка,
Из окна гляжу на облака,
Словно в необъятной вышине
Жизни смысл они открыли мне.

НОЧНЫЕ ПРОГУЛКИ

Прогулки ночные, рубины на мачте...
Хмельные, шальные, гуляки, не плачьте,
Ваш праздник под звёздами,
гамбургский счёт
Полицию вряд ли сейчас привлечёт.

* Кладбище в Обнинске.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
век

Куда-то летят по шоссе лимузины,
Мерцают в загадочной тьме магазины,
Бессонные окна в высотках горят,
И звёзды нам что-то в тиши говорят.

И всё в это время такое иное.
Коней в деревнях выпускали в ночное...
А городе мы — не опутаны сном —
Блуждаем в таинственном мире ночном.

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Блюз на осеннем фоне,
Жёлтых листьев десант.
Играет на саксофоне
Уличный музыкант.

Волосы тронул иней,
В сердце открылся шлюз,
Чтобы разлился синий,
Синий, как море, блюз.

Сколько щемящей грусти...
В луже листок намок.
Так о Марселе Прусте
Блюз рассказать бы мог.

Или о Фитцджеральде.
Только к чему слова?
Словно кровь на асфальте,
Клёнов канадских листья.

Пусть музыкант играет,
Осень под сенью муз.
В небе закат сгорает,
Город заполнил блюз.

Кружит предновогодняя метель,
В огнях сияет праздничная ель.
Но это только лёд и только снег,
Снежинок необузданный набег.
Следы людей, а, может быть, зверей
Видны в лимонной роще фонарей.
Всё скроет этот лёд и этот снег.
Что нам готовит двадцать первый век?
Не знаем. Ведь грядущее темно.
У корабля почти пробито дно.
Но всё ж плывёт упрямый наш ковчег...
А это только лёд и только снег

Пусть и ветер, и дождь ледяной,
И пугает бездонная ночь,
Но шагаешь ты рядом со мной,
И уносятся демоны прочь.

Пусть сползает промозглый туман,
Я прильну к твоей сильной руке.
И развеется морок-обман,
И увидим мы свет вдалеке.

Вздыхает тяжко холодильник —
Холодным быть не так легко.
Не звякнешь другу на мобильник
И братья где-то далеко.

Он скован вечной мерзлотою —
Ни улыбнуться, ни обнять.
Им с электрической плитой
Вовек друг друга не понять.

Нас в дрожь бросают, как невроты,
Иссиня-чёрные морозы.
Но предадимся мы веселью,
Из морозилки взяв пазлюю.
Пахнёт иссиня-чёрным морем...
А мы о Достоевском спорим.
И с кухни овевают бризы
В отсутствии шенгенской визы.
И жутковато (не забавно)
Бродить по лабиринтам Фавна,
От стужи, лезущей за ворот,
Летающий уносит город.
И мы с обрывками метели
Опять куда-то улетели.

Как жизнь удивляет немыслимой былью!
Весь город засыпан брильянтовой пылью..
Серебряной стружкой играет метель,
Хрустально мерцает стеклянная ель.
А космос, следя миллиардами глаз,
Пронзает морозными стрелами нас.

Пусть меня уносит
Тёмною волной
В сонный край заветный,
В странный сон цветной.

О, полёт бесцельный
Мимо чёрных дыр
В этот запредельный
Параллельный мир —

Что могли провидеть,
Где могли бы жить,
Что дано увидеть,
А потом забыть.

На какой мы с тобой планете?
Кто устроил волнения эти —
Устрашающий маскарад?
На каком мы с тобою свете,
Кто за это за всё в ответе,
Кто разбойник тут, кто пират?

Хоть давно мы с тобой не дети,
Но нуждаемся мы в совете —
Как совсем не сойти с ума?
Мы, как рыбки, попались в сети...
Но ещё далеко до смерти,
И мы верим — отступит тьма.

МАСКИ

В маске я жила уже,
Как шахиня в парандже.
Может, как венецианка?
Или даже марсианка?
Нас всемирный карнавал
В маски страха заковал.
Скорби пряталась гримаса
И под маской Фантомаса.
Лица истинные скрыты,
Анонимны, как бандиты,
Что Европа, что Китай.
Это прятки, Гюльчатай?
Где тут люди, где тут звери?
Это вам не Джимми Кэрри,
Мира нового гонцы —
У Стругацких мокрецы.
И писала я про это,
Скрывшись в Обнинское лето.

ВИД ИЗ ОКНА

В оконной рамке,
Блестя, застыли
Дворцы и Замки
Из звёздной пыли.
Над свежей пашней
Плывут степенно
Стада и башни
Из белой пены.
В зеркальной раме
Видны сквозь ветки
Шатры с коврами
Из водной сетки.
И вереницей
Уходят в недра,
Вглубь неба птицы
Из мглы и ветра.

ЗАПРЕДЕЛЬЕ

Заоконье, Зазеркалье, Запределье,
Пьём дождей мы нескончаемое зелье,
Громко празднуется птичье новоселье
И дурманит ум весеннее веселье,
Предвещая вскоре летнее безделье...
Заоконье, Зазеркалье, Запределье.

ЗЕМЛЯНИЧНЫЕ ПОЛЯНЫ

Звуки чисты и стеклянны,
Солнце катится паля,
Земляничные поляны,
Земляничные поля.

День, прогрев лесные плечи,
Колокольчиками цвёл,
Лёшка, Лёшка, милый леший,
Ты куда меня завёл?

Как с тобою место это
Отыскать нам удалось?
Тонет мир в потоках света,
И застыл на страже лось.

«Погоди, постой, куда ты?» —
Зов дрожит в тиши лесной.
Проводник мой бородастый,
Мой отчаянный связной.

Солнце замерло в зените,
А в Протве реке — вода.
Паутинок тонких нити
В небесах, как провода.

Окна таинственная рамка:
Чего на той картине нет!
Смотрю на мир из башни замка,
Как он меняет вид и цвет.
И дождь, и снег, рассвет с закатом...
Мелькают дни, идут года,
И драгоценен миг и атом,
Душа и слово, и звезда.

ВОЗМОЖНО

Здесь может мысль пронзить
Назло любым резонам
И Сталкером скользить
По всем запретным зонам.

Здесь может дождь грозить
Грозою и озоном
И тучи громоздить,
И прыгать по газонам.

ВБК Здесь можно поразить
Напором, как бизонам,
И умников сразить
Загадочным бозоном.

ПІКНІК НА ОБОЧИНІ

В загадочной атомной вотчине
Устроим пикник на обочине
По парку пройдясь спозаранку,
Мы скатерть встряхнём самобранку.
Как будто инОпланетяне,
Напитки небесные стянем.
Под летнего солнца накалом
Дожди разольём по бокалам.
И счастья кусочек отрежем —
Закусывая облаком свежим!
А ночью на лунной дорожке
Для птиц бросим звёздные крошки.

НЕЖНОСТЬ

Сегодня лишь нежность у нас на уме,
Прогулки, беспечные речи,
Когда так волшеббно белеют во тьме
Каштанов пахучие свечи.

Сегодня прибоем вскипает сирень,
Глаза нам туманя лилово,
И майским теплом наполняется день,
И нежностью каждое слово.

СЕРИИ

Ах, ветра дыхание, цветов колыханье
И свечек каштановых благоуханье.
Рассветный июнь, золотые закаты,
Зловещего грома глухие раскаты.
А летние ливни, летающие ливни,
Вонзаются в землю их острые бивни.
Весною каштаны, а осенью клёны
Нам душу пытаются листвою раскалённой.
Ведь в мае крахмальным мир —
 сине-зелёный,
А осенью пламенем алым спалённый.
За грустью осенней, и горькой, и сладкой,
Зима проберётся с кошащей повадкой
И скрипочку враз ледяную настроит
И нас успокоит, и мехом укроет.

«КОТЕСЛА» котокафе

Кофейня кошачья,
Приют для котов,
Где каждый удачу
Пригубить готов.

Не встретить здесь шляпок,
Цветов и тортов.
Но сколько здесь лапок,
Ушей и хвостов!

Ведь здесь принимают
Бездомных зверят.
Здесь всё понимают
И все говорят.

Узнаешь немножко
(Залезь в интернет)
О мыслящих кошках
С далёких планет.

Для белых и чёрных,
И рыжих тут рай.
Котов здесь учёных
Полно. Выбирай!

А город ночами безлюден и тих,
Из звёздной стихии рождается стих.
Мелькнёт, только юноша в чёрном пальто
Иль девушка в белом. А больше никто.
Пылает таинственно чьё-то окно.
Какую загадку скрывает оно?
Кто долгие ночи проводит без сна?
Чья тень неподвижно стоит у окна?
Кто скрытый свидетель, дозорный ночной
Незримо во тьме наблюдает за мной?

Смысл бытия, от всех сокрытый,
Непостижим, неизмерим.
А мы, как Мастер с Маргаритой,
Над спящим городом парим.

А он и сам летит в пространстве,
Как неземные корабли,
За музыку звёздных странствий...
И растворяется вдали.

СВЕТЛАНА БУДКОВА

Россия, д. Страдечи

ОДИНОКО

Неисповедимы пути. — Точно.
Сыплет осень в лукошко дождями.
Мы знакомы с тобою заочно.
Что же будет, скажи, завтра с нами?
Непредвиденным дышит погода.
Ночь длиннее. Короче денёчки.
Это сладкое слово СВОБОДА
Запятые сменило на точки.
Мне не страшно, увы — одиноко.
Дуют ветры осенние страстно.
Жду я весточку, строчку с востока,
Понимая, что всё не напрасно.
Скоро в зиму войдём мы несмело.
Заморозятся мысли мгновенно.
И покинет душа чьё-то тело,
Оставаясь при этом нетленной.

ДНЕВНИК ПАМЯТИ

Дневник памяти толще и толще.
В нём есть всё — каждый день, каждый час...
Он местами изрядно испорчен,
Только дорог, как цельный алмаз.
В нём скрывается малая тайна.
Впрочем, грустно без тайны нам жить.
Возвращаюсь туда не случайно —
Каждым мигом хочу дорожить.
Каждым мигом и каждой секундой,
Что на сердце лежит неспроста.
Мысль игривостью той неприступной
Тихо выйдет за кромку холста.
Не завидую и не ревную.
Жизнь другую никто нам не даст.
Что пророчит судьба — то приму я,
Под ногами прочнейший есть наст.
Всё что ложится — то запишется
Ровным почерком и без прикрас.
Дневник памяти — эта книжица
Мною пишется в первый лишь раз.

Сегодня ходили с внучкой на прогулку на «Млын» («Мельницу») — один из объектов Заславского историко-культурного заповедника, который находится по соседству с родительским домом. Несмотря на то, что температура воздуха последние дни «плюсовая», атмосфера везде предновогодняя, у входа в мельницу поставили ёлочку.

Вспомнилось детство, когда я маленькой девочкой, лет пяти, любила бегать на мельницу — в это сказочно-таинственное место, где всегда приятно пахло свежесмолотой мукой... Часто на мельницу (в пору моего детства она ещё пару дней в неделю работала, из ближайших и дальних деревень сюда приезжали подводы, запряжённые лошадьми, которые мирно похрустывали сено в ожидании обратной дороги. Припоминаю, лошадей я всегда боялась и не подходила к ним близко). Помню старого мельника дядю Лёню, у которого не было одной ноги, но на своём протезе он довольно ловко передвигался по крутой лестнице мельницы на второй этаж и обратно... Помню, мама всегда меня ругала, что я одна пошла на мельницу — она переживала, что я там могу упасть с лестницы, которая вела на второй этаж... Но меня туда тянуло, как магнитом...

Сегодня, когда я с Танюшкой зашла в мельницу, на меня вдруг дохнуло чем-то приятно-тёплым... детским, сказочным восприятием мира — в душе зашевелились, ожили ощущения меня-ребёнка... эти детские ощущения, это восприятие — оно совершенно иное, чем у взрослых... Наверное, точно так же и Танюшка смотрит сейчас на всё совсем иными глазами и видит то, что уже не дано увидеть многим взрослым...

СКАЗКА ДЕТСТВА...

Позабывтая сказка
 Рядом с нами живёт,
 Мчит зимой на салазках,
 Летом — в травах поёт.
 В детстве каждый ребёнок
 Видит сказочный мир,
 И внимает с пелёнок
 Звукам трепетных лир.
 Но с годами всё реже
 Слышен сказочный звон
 И всё чаще слух режет
 Утомления стон...
 Ну а сказка?... А сказка
 Где-то рядом живёт,
 С горки мчит на салазках,
 Беззаботно поёт...

(2015 год написания)

ВНОВЬ С ПОЛУСЛОВА
РВУ РАССВЕТЫ...

Вновь с полуслова рву рассветы
 И таю в дымке вековой...
 Мне до сих пор так важно, где ты.
 Ещё важнее — что с тобой?
 Проходят мимо дни и ночи
 Проходит мимо жизнь моя...
 Зима сегодня, между прочим.
 Зачем об этом? — Может, зря?
 Зачем пишу тебе? — Не знаю.
 Не спится что-то... Пустота...
 А за окошком вьюга злая
 Рвёт на кусочки те года,
 Те наши сказочные годы,
 Где были вместе много дней...
 Пишу тебе, наверно, чтобы
 На сердце стало веселей.
 Тревога сковывает мысли.
 Я в предвкушении беды.
 Примчусь степною рыжей рысью
 Туда, где есть твои следы.
 Вновь с полуслова рву рассветы
 И таю в дымке вековой...
 Ложатся строчки на куплеты
 И рушат утренний покой.

ПОГОДИ УХОДИТЬ НАВСЕГДА...

Погоди уходить навсегда.
 Заметает зима день вчерашний.
 Пусть уставшая в небе звезда
 Освещает дорогу нам дальше.

Пусть метели поют о любви
 И снега дарят радость, как в детстве.
 Уходить навсегда погоди —
 Так уютно по жизни нам вместе.
 Белой дымкой укутан рассвет...
 По душе зимней стужи просторы.
 Будь со мною ещё много лет.
 Нам мороз вышивает узоры.
 Белой ватой снежинки летят
 И ложатся ко мне на ладони...
 Вновь ловлю твой внимательный взгляд
 Для меня он, не для посторонних.
 Погоди уходить навсегда. —
 Без тебя я не мыслю и часа.
 Белый снег, а вокруг ни следа,
 А вокруг лишь зима седовласа.

РАЗБИТО СЕРДЦЕ НА КУСКИ
(АКРО)

Разрушен мир что на двоих...
 Агония души и тела...
 Зачем пишу я этот стих?
 Боль даже мысли одолела.
 Итожу чувства в сотый раз —
 Ты тот, о ком всю жизнь страдала.
 Отныне — обойдусь без фраз,

Слова другие подобрала.
 Елозит серость за окном.
 Роняю слёзы безуданно...
 Давай не будем о былом,
 Цельней не станет наша рана.
 Еда не радует сейчас.

Ни до чего мне нет и дела,
 А думал ты хотя бы раз,

Как без тебя я похудела?
 Уйду в нирвану навсегда.
 Сотру вчерашние мгновенья.
 Как воздух кану в никуда
 И напишу стихотворенье.

ВЧЕРАШНИЙ МИР

К прошлой жизни маленькая дверца —
 Мною лишь изученный портал.
 Он ведёт прямою нитью к сердцу,
 Обходя прострацию зеркал.
 Сыплет снег..., щекочет мне ресницы...
 Холодом повеяло вокруг...
 Ущипну себя — быть может, снится?
 Я в плену мучительных разлук.
 Часто в мир вчерашний возвращаюсь.
 В нём смеюсь, и плачу, и грущу.

Ненароком там грешу и каюсь.
Вновь на волю мысли отпущу.
Образ твой, до дрожи мне знакомый,
Предо мной, как будто бы живой.
И тепло родительского дома
Обдаёт приятно волной.
Здесь всё словно в самой лучшей сказке.
Белый снег ладошками ловлю...
В индивидуальной той окраске
Каждый миг и час благословлю.

И ВНОВЬ ЗИМА, КРУЖАТ СНЕЖИНКИ...

И вновь зима, кружат снежинки...
Ловлю ладошками я их.
И ненароком, без запинки
Пишу про зиму новый стих.

Маячит память в дне вчерашнем,
Но белизна мне тешит взгляд.
Не стану трогать то, что раньше.
Не буду впредь смотреть назад.

Как сладко в вальсе белоснежном...
Зима со мною заодно!
Рождаю новые надежды
Я дню вчерашнему назло!

Улыбкой одарю прохожих.
Зима — всё с чистого листа!
Я с зимним днём довольно схожа.
Сегодня я совсем не та!

Пусть в сердце теплится надежда!
И вьюга белая метёт!
Не быть такою мне, как прежде —
Пусть будет всё наоборот!

И вновь зима, кружат снежинки...
И кружат все мои мечты...
Я в этом вальсе, как пушинка...
В моих мечтах, конечно — ТЫ!

НЕТ, НЕ ПЛАЧУ Я И НЕ РОПЩУ...

Нет, не плачу я и не ропщу.
Как и снег — по весне всё пройдёт.
Отпуская былую мечту,
Всё уверенней рвёмся вперёд.
Да, за рассветом придёт закат —
Нерушимы жизни законы.
Я живу настоящему в такт,
Мы не в праве менять каноны.
Светит солнышко нам в вышине.
День к весне набирает силу.
Так же думаю я о тебе —
Притяжение неизменно.
Всё когда-нибудь точно пройдёт,
Как и жизнь наша канет в бездну.
И любви нашей водоворот
Вдруг окажется бесполезным.
Но, живя настоящему в такт —
Улыбаюсь, надеюсь, верю,
Что рассеется тот полумрак
И весна расцветёт за дверью!

А ТЫ ПОСЛУШАЙ ТИШИНУ...

А ты послушай тишину —
В ней есть пленительная сила.
В тот мир тебя я приглашу,
Я о тебе не позабыла.
Не надо трепетных речей,
Не надо всплесков, изливаний.
Я не приемлю мелочей —
В своём живу мировоздании.
Здесь тишина — моя нирвана,
Я растворяюсь в ней до дна...
Тебя впустила... И нежданно —
Я в этом мире не одна.
Пора иллюзий растворилась.
Мелодия души пьянит...
В тебя я заново влюбилась —
Ты тишины моей магнит.

ЮЛИЯ КВАСНИКОВА

Россия, г. Сегежа

ОДА ПОЦЕЛУЯМ

Ах, поцелуи, трепетные и желанные,
 головокружительные, вы, и окаянные.
 Нежные и эротичные,
 игривые такие, необычные.
 Способны выразить вы чувства
 сокровенные,
 обожаемые и почтенные.
 Пылкой жажды обладания,
 покровительства, заботы и внимания.
 Вы сводите с ума влюбленных,
 счастливых, одиноких, обделенных,
 маните вкусным ядом насладиться.
 И Богом данные двоим уединиться.
 Целуйтесь, наслаждайтесь, упивайтесь
 и оду поцелуям воспевайте.

АКРОСТИХ ФЕВРАЛЬ

Ф илигранью вьюга стелет.
Е дкий дым из труб клубится.
В етер воет неустанно.
Р азудалому не спится.
А грессивный не уймется.
Л ишь гудит и завывает.
Б в ответ собака дает.

НА РАССВЕТЕ МЕНЯ НЕ БУДИ

На рассвете меня не буди,
дай мне сон про тебя досмотреть.
Я сама тебе позвоню.
только ты мне сразу ответь.
Расскажи про бессонную ночь,
про прокуренный напроочь балкон,
про безумные мысли твои.
как от них потерял ты свой сон.
Я на ушко тебе прошепчу:
не грусти. Я ведь рядом с тобой.
никуда от тебя не уйду.
ты любимый. единственный мой.

18.01. 2023 г.

МОЙ ГОРОД ДЕТСТВА

Рассветы и закаты над городом встают.
 Во сне и в мыслях часто покоя не дают.
 Родное Бологое.., где роща и вокзал,
 где улицы с проулками навек меня связал.
 Люблю до боли в сердце
 родной свой уголок.
 Как будто далеко он, а, вовсе, недалек.
 Весна, зима и осень промчатся невзначай,
 а как наступит лето,
 ты вновь меня встречай.
 Обнимемся с березками
 и с легким ветерком,
 по бережку песчаному
 пройдуся я босиком.
 Услышу в роще милой все трели соловья.
 И пеньем наслаждаться присяду затаюсь.
 Прохожие, родные, знакомые глаза:
 здесь все кругом так мило,
 что прошибет слеза.
 Пройдуся по главной улице,
 зайду в любимый храм.
 И поклонюсь сердечно
 своим родным дворам.
 Так сразу полегчает..
 пройдет намного грусть.
 я точно это знаю, что вновь сюда вернусь.

Весь город засыпало снегом.
Дороги укрыл палантин.
Ветер задул бесноватый,
везде раскидал серпантин.
В лицо бьет колючей иголкой,
сбивает людей с ног шальной,
покрыл все скамейки, весь транспорт.
Свирепствует, словно, хмельной!
Налипли снежинки на брови,
на нос, подбородок, глаза.
Становится колкой сосулькой
сбежавшая с глаза слеза.
Руки замерзли в перчатках.
Ветер за ворот проник,

Бьёт по щекам неужёмный,
набился снег в сапоги.
Вдруг снежная вьюга закружится,
позёмкой совьёт кружева.
Царица-подруга мороза
снегами взовьёт облака.
Заворожит, испугает прохожих,
загонит моментом домой.
Какая ты, вьюга, проказница,
так расшалилась зимой.

16.01.2016 г.

В поднебесье синем светится луна.
Вечер облачился омофором.
Выхожу из храма я одна,
оставляя мысли за притвором.
В воздух бьют огни от фонарей,
освещающая звонницу с дорогой.
Торопиться некуда теперь.
Успокоилась с печалью и тревогой.
Скорбь прошла, смягчилось сердце вновь.
Ожиданье чуда совершилось.
Из чудес святая жизнь — любовь,
это чувство в душу возвратилось.

ВЕСЕННИЙ ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ*

В хрустале мириад ослепительных звезд
для себя загадаю любое желание.
Тишина в вышине, замирает душа.
Шлейф пыли, сгорая, несет мне послание.
Дарует Вселенная мощь вдохновения,
звездного ливня мерцающий свет.
Мысли бегут, обгоняя друг друга.
Краткий миг торопливых потерянных верст.

* Лириды: один из самых красивых звездных дождей, который могут увидеть все.

Метеорный поток с красивым названием Лириды — первый весенний звездный дождь. Свое название он получил из-за того, что его метеоры кажутся вылетающими из созвездия Лиры. В этом году максимум действия метеорного потока Лириды произойдет 22 апреля — ожидается до 18 метеоров в час. Луна в этот день только пройдет фазу новолуния, отмечают специалисты, и не помешает наблюдению метеоров.

О первом астрономическом явлении весны, во время которого не один раз появится возможность загадать желание на падающую звезду.

Не мешает луна любоваться
свеченьем,
метеорным потоком рожденных комет.
Ночного пейзажа полосы яркие
мне способны дарить ослепительный свет.
Ночь дива полна, чудес и загадок.
Мечты, да пребудут рядом со мной.
Мир Вселенной, окутанный вечною тайной,
уносит в бескрайность, зовет за собой.

20.04.2023 г.

ОСТРОВОК

Дворик любимый, скамейки и столик.
Здесь часто играли жильцы в домино.
Время юности нашей, любви и мечтаний.
Как быстро, мгновенно пролетело оно.
Липы цвели и пионы кивали
в такт гитаре, звенящей в вечерней заре.
Сердце ныло, душа трепетала.
Неужели все это приснилось во сне?
Рвется душа между тесных пространств
двух городов, разделяющих нас.
Родины малой и дома родного.
Островок мой — прият,
где дает встрече шанс.

БОЛОГОЕ — ГОРЯЧАЯ ТОЧКА ВОЙНЫ.

Бомбы с неба падали, взрывались.
Гул тяжелый воздух разрывал.
Враг металла и огня обрушил силу,
узловую станцию фашист кромсал.
Стратегическим узлом стал Бологое.
Шло сообщение фронтов через него.
Авиация немецкая бомбила город.
С лица Земли его стереть было дано.
Разрушены пути, депо, вокзалы.
Составы полыхали огненным кольцом.
И несмотря на искореженные рельсы,
восстанавливали люди полотно.
День и ночь шли воинские эшелоны.
Боеприпасы, продовольствие везли.
И снова поезда шли через Бологое
по запасному на объезд пути.
Город жил, а значит — малая Победа.
В трагические памятные дни
с честью выполнили долг свой жители.
Стратегический объект они спасли.

05.04.2023 г.

ТУМАНЫ

Туманы, туманы густые, холодные,
осени дымки молочный покров.
Укрыли деревья до самых макушек.
от мозглых дождей и от сильных ветров.
Ворвусь в пелену предрассветную раннюю,
в прохладу пушистую белых клубов.
Не видно дорог, только тусклые фары
мигают уныло в бестравье лугов.
Во влажном тумане все глухо и сдавлено,
коснулась прохлады ночной тишины.
Пространство застыло, всё растворилось.
Мгновенья природы тайны полны.

УХОДЯТ ЛЮБИМЫЕ ЛЮДИ

Как жаль, что уходят любимые люди,
за собой оставляя в сердце печаль.
Вспомним ушедших, как ни было б больно,
заглянув на минуту в небесную даль.
Среди облаков, где рождаются капли,
за тобой наблюдают родные глаза.

Зачем в этом мире все так жестоко?
Обнять бы, услышать, да мешает слеза.
Не бойся, душа, поплачь, не стесняйся,
теперь не вернуть и не изменить.
Кричу и зову, а кто же услышит?
Уж, не удержать и не возвратить.

С. А. ЕСЕНИНУ

Мечты его в даль стремились.
Верил, что счастье есть.
Искал в глубине вдохновенья,
пламени творчества свет.
Обращался к крестьянской теме,
к «Персидским мотивам» не раз.
Воспеванью к природной лирике,
«Как бы ни был красив Шираз...».
Жил и творил постоянно
в ощущении ритма в пути.
В непрестанном жизненном поиске,
чтоб выразить себя и найти.

АНДРЕЙ ЦЫРУЛЬНИК

Украина, г. Дружковка

(Вольный перевод сонета № 62
Эдмунда Спенсера)

Ах, как же утомил ушедший год,
Уж новый, вон, ступает не спеша.
«Пускай свой путь проходит без невзгод», —
Желают сколь., — погода хороша:

Снег, морозец. — Ещё бы и покров,
От старых смог грехов чтоб уберечь. —
С надеждой думы, — мир, увы, суров,
Ошибки прошлого — нет, с ними встреч

Не надо бы, год новый несёт пусть
Нам радостей побольше, в мрачный мир,
Луч света бы игривый вдруг, — всё грусть
Царит, увы, там, не задорный пир.

Любовь весельем тяжким веселит,
Год старый позади, — душа болит...

Edmund Spenser. Sonnet LXII
(«Amoretti and Epithalamion»)

The weary yeare his race now having run,
The new begins his compast course anew:
With shew of morning mylde he hath
begun,
Betokening peace and plenty to ensew.

So let us, which this chaunge of weather
vew,
Chaunge eke our mynds, and former lives
amend;
The old yeares sinnes forepast let us
eschew,
And fly the faults with which we did
offend.

Then shall the new yeares joy forth freshly
send,
Into the glooming world, his glad some ray:
And all these stormes, which now his
b'eauty blend,
Shall turne to caulmes, and tymely cleare
away.

So, likewise, Love! cheare you your heavy
spright,
And chaunge old yeares annoy to new
delight.

(По мотивам стихотворения
Уильяма Блейка)

И не пытайся рассказать мне о любви,
О своих чувствах ведь уже не в первый раз:
Мол, нежный ветер я, —
ты только позови —

Овею с нежностью... —
Шептал столь страстных фраз, —

Всё о любви к тебе ведь, —
искренне, поверь,
Об этом сердце моё прям кричит-таки,
Да только вот закрыта в сердце твоём
дверь,
А жаль. — Уходишь вновь, глаза полны
тоски,

Эх... — Почему же покидаешь меня ты? —
Не отвечаешь... — Путник вскоре пришёл
к ней,

Вздыхнул тихонько: королева красоты,
Мол, всё же, отыскал тебя в один из дней...

LOVE'S SECRET

Never seek to tell thy love,
Love that never told can be;
For the gentle wind does move
Silently, invisibly.

I told my love, I told my love,
I told her all my heart;
Trembling, cold, in ghastly tears,
Ah! she doth depart.

Soon as she was gone from me,
A traveller came by,
Silently, invisibly:
He took her with a sigh.

ВЕНЕРЫ ГРУСТНЫЙ ВЗГЛЯД ИЗ БЕЗДНЫ...

(Вольный перевод стихотворения
Рубена Дарио «Венера»)

А ностальгия моя страдает, как в ночи, —
Спустился в тихий сад, спокойно здесь,
прохладно,
Венера смотрит на меня: мол, не молчи,
Ты говори... — Дрожу, волнуясь, —
ай, как ладно:

На чёрном дереве божественный жасмин
В сиянии золота — восточная царица! —
Гримёрка, взор твой — жаром пышущий
камин,
Под паланкином ты, на небесах
зарница... —

Видения, о, королева ты моя
Светловолосая, душа к тебе так рвётся,
В твои мне огненные впитаться бы уста... —
Увы, и снова размечтался, видно, я,
Экстазом звёздным, не иначе, всё зовётся, —
Венеры грустный взгляд из бездны, —
красота...

VENUS

En la tranquila noche, mis nostalgias amargas
sufría.

En busca de quietud bajé al fresco y callado
jardín.

En el obscuro cielo Venus bella temblando lucía,
como incrustado en ébano un dorado y divino
jasmín.

A mi alma enamorada, una reina oriental parecía,
que esperaba a su amante bajo el techo de su
camarín,

o que, llevada en hombros, la profunda extensión
recorría,
triumfante y luminosa, recostada sobre un
palanquín.

«¡Oh, reina rubia! ¿dijele?, mi alma quiere dejar
su crisálida

y volar hacia ti, y tus labios de fuego besar;
y flotar en el nimbo que derrama en tu frente luz
pálida,

y en siderales éxtasis no dejarte un momento de
amar».

El aire de la noche refrescaba la atmósfera cálida.
Venus, desde el abismo, me miraba con triste
mirar.

Вольный перевод стихотворения Таии Шорс «Моя любовь»)

Океан лишь с любовью моею сравнится:
Глубока и чарующа так же, — как есть,
Я не лгу, в сердце, милая, пусть сохранится
Роза дивной любви моей, — это не лесть.

Ах, любовь, как река без конца и без края!
Не закончится, знаю, она никогда,
Откровенничаю, чувствами не играя,
От тебя жду, голубка, известий всегда.

А любовь моя искренняя, с песней
душевной сравнима,
Той, что в сердце отчаявшемся всё
звучит.

Я в застенках... — Любовь безответна,
ранима,
Но ведь сладостна, всё-таки, хоть
и горчит...

My love is like an ocean
It goes down so deep
My love is like a rose
Whose beauty you want to keep.

My love is like a river
That will never end
My love is like a dove
With a beautiful message to send.

My love is like a song
That goes on and on forever
My love is like a prisoner
It's to you that I surrender.

(Вольный перевод стихотворения Роберта Бернса «Я там мечтал...»)

Я там лежу, где распускаются цветы, —
Приснилось мне, — где всем так весело
вокруг,

Где солнца луч игриво шепчет мне: Эй, ты,
Послушай птицы как поют, — вставай,
мой друг,

Вставай! — Хрустальный воздух, Боже,
как пьянит,
Вдали, вон, небо почернело, — смерч,
небось,

Так дерзко сунет, и — затишье, аж
звенит... —

Ай, побледнел-то сразу, — ты, мол, это
брось!

Увы, тот утренний обман недолгим был,
Блаженство сгинуло цветочное, — так жаль,
Ай, бесновалась буря, ветер-то как выл,
Я наблюдал за этим, — на душе печаль...

Да, подтвердилась вновь измечивость
судьбы:
Ведь обещать — одно, другое — исполнять,
Надежд я радостных лишён, эх, если бы
Возможно было провиденье изменять...

I dream'd I lay where flowers were springing
Gaily in the sunny beam,
List'ning to the wild birds singing,
By a falling, chrystal stream;

Streight the sky grew black and daring,
Thro' the woods the whirlwinds rave;
Trees with aged arms were warring,
O'er the swelling, drumlie wave.

Such was my life's deceitful morning,
Such the pleasures I enjoy'd;
But lang or noon, loud tempests storming
A' my flowery bliss destroy'd.

Tho' fickle Fortune has deceiv'd me,
She promis'd fair, and perform'd but ill;
Of mony a joy and hope bereav'd me,
I bear a heart shall support me still.

*(Вольный перевод стихотворения
Пола Лоренса Данбара
«Мы носим маску», рондо)*

Притворства в масках сколь... —
Ухмылки всё и ложь,
И щёк, и глаз не видно, — прям бросает
в дрожь
От изощрённости людской, — ай, как хитры
Бывают люди: преподносят, вон, дары,
Порой неожиданные: объятья или нож,
Коварно в спину что... — Реальность:
жизнь ни в грош,
Увы, не ставится с прадавней той поры,
В среде людской такие правила игры, —

Притворства в масках сколь...
А мир сегодняшний на древний мир похож:
Интриги, страсти... — Что посеешь, то пожнёшь.
Сменялись царства, королевские дворы, —

Ах, сколько в масках лиц ах, сколько мишуры
Пред человечеством являлось, —
не вернёшь...

Притворства в масках сколь...

WE WEAR THE MASK

We wear the mask that grins and lies,
It hides our cheeks and shades our eyes, —
This debt we pay to human guile;
With torn and bleeding hearts we smile,
And mouth with myriad subtleties.

Why should the world be overwise,
In counting all our tears and sighs?
Nay, let them only see us, while
We wear the mask.

We smile, but, O great Christ, our cries
To thee from tortured souls arise.
We sing, but oh the clay is vile
Beneath our feet, and long the mile;
But let the world dream otherwise,
We wear the mask!

*Paul Laurence Dunbar
(Вольный перевод стихотворения
Сюлли-Прюдомы «Лучшее время»)*

Прекрасные мгновения любви, —
Нет, вовсе не в словах они таятся,
А в чувствах откровенных, не боятся
Они безмолвья, — память: визави,

Сердец влюблённых трепет в унисон,
Слиянья уст, и душ прикосновенья,
Страсть, шёпот, — о, прекрасные
мгновенья
Воспоминаний! — Будто сладкий сон...

В моей руке лежит твоя рука, —
Переворачиваются страницы
Любви меж нами... — Яркие зарницы
Всё вспыхивают... — Времени река
Течёт, увы... — Всего сказать-то сколь
Я не успел тебе, — слов не хватало,
А пустословить — вовсе не пристало, —
О, розы ты бутон, о, сердца боль!

Забыть как аромат волос твоих,
Изысканную нежность и признанья? —
И только лишь безмолвные сенанья
Души моей, — мечты о нас двоих...

Le meilleur moment des amours
N'est pas quand on a dit : «Je t'aime».
Il est dans le silence même
À demi rompu tous les jours;

Il est dans les intelligences
Promptes et furtives des cœurs;
Il est dans les feintes rigueurs
Et les secrètes indulgences;

Il est dans le frisson du bras
Où se pose la main qui tremble,
Dans la page qu'on tourne ensemble
Et que pourtant on ne lit pas.

Heure unique où la bouche close
Par sa pudeur seule en dit tant;
Où le cœur s'ouvre en éclatant
Tout bas, comme un bouton de rose;

Où le parfum seul des cheveux
Paraît une faveur conquise!
Heure de la tendresse exquise
Où les respects sont des aveux.

*(Вольный перевод стихотворения
Уильяма Батлера Йейтса)*

Покрывалом небесным хотел бы я быть,
Чтобы свет золотой с серебром от него
Падал. — Тканью бы взять да и темень
прикрыть, —
Из того не получится, жаль, ничего...

Под ногами твоими свои лишь мечты
Я могу расстелить, ибо беден, увы.
Плащ мечтаний, — идёшь по нему мягко ты,
Улыбаясь, — фантазии вот таковы...

He Wishes for the Cloths of Heaven

Had I the heaven's embroidered cloths,
Enwrought with golden and silver light,
The blue and the dim of the dark cloths
Of night and light and the half-light,

I would spread the cloths under your feet:
But I being poor have only my dreams;
I have spread my dreams under your feet;
Tread softly, because you tread on my
dreams.

ЗАБЫТЬ ТЕБЯ Я НЕ МОГУ...

*(Вольный перевод стихотворения
Роберта Бернса «Прекрасная Пэг»)*

Мне вспомнился тот утомлённый день,
К ворота нашим шёл я в ожиданьи,
О, дорогая Пэг, мелькнула тень
Твоя, — и звонкий смех вслед... —
О свиданьи

Мечтал нетерпеливо: абрис твой,
Твоя улыбка, — всё перед очами
Моими, от волненья сам не свой, —
Влюблён же был в тебя, не спал ночами,

О, королева! — За руки взялись
И — вниз к реке, что извивалась плавно,
Уставшие, к беседке добрались,
Шептались там... — Забыть как? —
Было славно...

As I cam in by our gate-end,
As day was waxen weary,
O wha cam tripping down the street
But bonnie Peg, my dearie!

Her air sae sweet, and shape complete,
Wi' nae proportion wanting,
The queen of love did never move
Wi' motion mair enchanting.

Wi' linked hands we took the sands
Adown yon winding river;
And, oh! that hour, and broomy bower,
Can I forget it ever! —

ИДА ЗАМИРСКАЯ

Россия, г. Ярославль

ПЕРЕВОДЫ С УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ*Лина Костенко**«Осінній День Березами Почавсь»*

Осінній день березами почавсь.
Різьбить печаль свої дереворити.
Я думаю про тебе весь мій час.
Але про це не треба говорити.

Ти прийдеш знов. Ми будемо на «Ви».
Чи ж неповторне можна повторити?
В моїх очах свій сум перепливи.
Але про це не треба говорити.

Хай буде так, як я собі велю.
Свій будень серця будемо творити.
Я Вас люблю. О як я Вас люблю!
Але про це не треба говорити.

С берез летит осенняя печаль...

С берез летит осенняя печаль,
Ее резбой украшены аллеи.
Я не могу забыть тебя, как жаль,
Что рассказать об этом я не смею.

Ты вновь придешь, и будем мы на «Вы»,
Но вряд ли чувства снова нас согреют.
Ты грусть в глазах моих перепливи.
Но говорить об этом я не смею.

Пусть будет так, как я себе велю,
И сердце новый день прожить сумеет.
Я Вас люблю. О, как я Вас люблю!
Но рассказать об этом я не смею...

У світі злому і холодному...

У світі злому і холодному,
Де щастя зіткане з прощань,
Чи ми пробачим одне одному
Цю несподівану печаль?

Чи ми пробачим одне одному,
Що щастя зіткане з прощань?
Чи будем вік себе картати?
Але завіщо, Боже мій!?

За те, що серце калатати
Посміло в ніжності німій?!
За те, що серце калатає,
За це, я знаю, Боже мій!

За ті передані привіти,
За тихий погляд, що п'янить —
Нехай це сонечко посвітить,
Нехай ця туга продзвенить.

Нехай це сонечко посвітить,
Нехай ця туга продзвенить.
У світі злому і холодному,
Де щастя зіткане з прощань,

Чи ми пробачим одне одному
Цю несподівану печаль?
Чи ми пробачим одне одному,
Що щастя зіткане з прощань?

В холодном мире...

В холодном мире и бесчувственном,
Где счастье сшито из разлук,
Удастся ли простить друг друга нам
За счастье обретенных мук?
Удастся ли простить друг друга нам
За боль нечаянных разлук.

Иль будем вечность мы терзаться, —
К чему все это, Боже мой?! —
За то, что сердце волноваться
Посмело в нежности немой?
За то, что сердцу волноваться, —
За это, знаю, боже мой!

За те прощальные приветы,
За взгляд очей, что привечал,
Пусть это солнышко нам светит
И звонче прозвучит печаль.
Пусть это солнышко нам светит,
Сильнее прозвенит печаль.

В холодном мире и бесчувственном,
Где счастье сшито из разлук,
Удастся ли простить друг друга нам
За счастье обретенных мук?
Удастся ли простить друг друга нам
За боль нечаянных разлук.

Осінній день

Осінній день, осінній день, осінній!
О синій день, о синій день, о синій!
Осанна осені, о сум! Осанна.
Невже це осінь, осінь,о! — та сама.
Останні айстри горілиць зайшлися болем.
Ген килим витканий із птиць, летить
над полем.
Багдадський злодій літо вкрав,
багдадський злодій.
І плаче коник серед трав —
нема мелодій...

Осенний день

Осенний день, осенний день, осенний,
О синий день, о синий день, о синий!
Ах, неужели день настал — тот самый.
Когда печальной осени пою осанну.

Согнулись астры в приступе осенней
боли,
А птицы вдаль сплошным ковром летят
над полем.
Багдадский вор, багдадский вор вновь
выкрал лето,
Умолк кузнечик среди трав — мелодий
нету.

*Александр Райн
(Россия, г. Владимир)*

ЭЛИТНЫЙ МАРШРУТ

В троллейбусное депо срочно требовался кондуктор на маршрут номер 12. После недавней транспортной реформы работать стало совсем невозможно. Одни маршруты убрали, другие — удлиннили. В итоге троллейбусы и автобусы стали ездить реже, люди в них набивались плотнее, а атмосфера внутри всегда была напряженной. Работать в таких условиях могли только самые отчаянные, беспринципные или же опустившиеся на финансовое дно люди. И даже они уходили после первой полочки.

— Идите вы к чёрту со своим двенадцатым маршрутом! — кричала Алла Григорьевна, кондуктор с пятнадцатилетним стажем. Эта женщина могла с закрытыми глазами в час пик сосчитать количество вошедших пассажиров и обилетить даже самых юрких и хитрых. Но даже ей было страшно от одной мысли о двенадцатом маршруте.

— Вы — наша последняя надежда, — умолял её начальник. — Мы вам ставку поднимем, на дес... пять процентов! — он закашлялся, предлагая «выгодные» условия.

— Засуньте эти пять процентов себе в пневмосистему! — прошипела кондуктор и, встав из-за стола, покинула кабинет, не оборачиваясь.

Она могла себе позволить подобное. Её всё равно никто не уволит — работать-то некому.

— Ну и что мне делать, Наташ? — повернулся начальник к своей секретарше, но та лишь пожала плечами.

В этот момент дверь в кабинет открылась с характерным скрипом. На пороге появилось нечто очень яркое до ряби в глазах и эффектное до боли в зубах.

— Гуд афтернун, — произнесла с совершенно сельским акцентом женщина в пёстром платье, заправленном в длинную узкую юбку.

От её локтей до пальцев тянулись чёрные, сильно растянутые атласные перчатки. На голове этой особы сидела большая, словно спутниковая тарелка, шляпа, из которой антенной торчало перо чайки. На вид женщине было глубоко за тридцать пять, но она явно чувствовала себя гораздо моложе.

Достав из сумочки пачку дешёвых сигарет, она вставила одну в длинный мундштук и подошла.

— Вы к кому? — взяла слово секретарь, чувствуя, что начальник потерял дар речи.

— Меня зовут Сильвия, Сильвия Бобикова, — томным аристократичным голосом представилась женщина. — Я пришла к вам, так как я вам нужна!

— Вы, наверное, ошиблись, — начальник хотел было сказать «дурдом», но вместо этого произнёс: — Салон красоты — через дорогу, нужно пройти пять...

— Это вы, mon cher, ошиблись, — перебила его Сильвия, — дважды. Она уселась на стул и, закинув ногу на ногу, сделала затяжку. От дыма её сигареты начали отклеиваться обои в углу и увядать пластиковая монстера.

— Во-первых, вы не предложили леди чаю, а во-вторых, я не посещаю салонов. Настоящая леди способна сама нанести правильный макияж, — женщина холодно улыбнулась своими губами цвета октябрьской революции. — Я хочу позволить вам нанять меня на должность кондуктора.

— Кондуктора? — оживился вдруг начальник, который минуту назад хотел выставить странную посетительницу с наименьшими потерями для своей психики.

— Oui, — хрюкнула женщина, и перо на шляпе забавно колыхнулось.

— Что же вы сразу не сказали? — заулыбался начальник и достал свою пожелтевшую кружку с изображением мопса. — Ой, простите, у нас совсем нет чаю, — он покосился на два засохших чайных пакетика в тарелке.

— Ничего, в следующий раз подготовитесь получше, — с этими словами Сильвия достала из сумки термос, фарфоровую кружку, блюдце и целый лимон.

В воздухе запахло крепким настоем бергамота и ромашки. Лимон Сильвия разрезала пополам и бросила одну часть в кружку.

— А вы точно уверены, что сможете работать кондуктором?

— Вы намекнули на то, что я — недалекого соображения? — бровь Сильвии вопросительно поползла вверх, поднимая шляпку.

— Нет-нет, — виновато засуетился начальник, — что вы! Я просто не понимаю, зачем вам это.

— Это хобби. Мне нужно чем-то заниматься между бриджем по субботам и кегельбаном по пятницам.

— Что ж, это прекрасно, я не против, — залепетал мужчина. — Вы приняты!

Он протянул свою потную ладонь.

— Целовать? — спросила Бобикова, глядя на волосатые пальцы.

— Ох, нет, что вы! Хотел скрепить сделку рукопожатием. Подождите, пожалуйста, в коридоре. Наташа оформит вас через минуту.

Бобикова сложила всю свою утварь назад в сумку и вальяжно пошла в сторону выхода.

— Виталий Витальевич, вы серьёзно? — набросилась ошарашенная секретарша на начальника. — Она же явно ненормальная!

— Так и прекрасно! Нормальный человек на эту работу не пойдёт! Проблема двенадцатого маршрута решена.

— Как вас по отчеству? — спросила Наташа у нового кондуктора, забивая данные в компьютер.

— Моего папеньку звали Джеймс, — гордо ответила Бобикова.

— То есть Джеймсовна?

— Евгеньевна, — кивнула в ответ Сильвия.

- Сколько вам полных лет?
- Я совершеннолетняя.
- Я заметила, — процедила сквозь зубы Наташа. — А год рождения?
- Думаю, что такой же, как у вас. Напишите, а я скажу — так или нет,
- парировала Сильвия, и Наташа, кисло улыбнувшись, стёрла строку с возрастом.
- Место рождения?
- Я родом из Нового Света, — пафосно произнесла Сильвия и, глубоко вздохнув, закатила глаза, вспоминая родину.
- Ах, — завистливо всполошилась Наташа. — Америка?
- Нет. Новый Свет — это садовое товарищество в Московской области,
- всё так же гордо отвечала Бобикова.
- Хм... Предыдущее место работы?
- Oui, ma chérie, вы напомнили мне о прекрасных днях. Я вращалась в высших кругах общества, имела дела с самыми важными людьми города, каждый из них был в моей власти и слушался моих указаний.
- ?
- Оператор шлагбаума в Доме правительства.
- Простите, вы закончили? — появилась в дверях голова Виталия Витальевича.
- Почти, а что?
- Хотел предложить Сильвии выйти сегодня в смену.
- Месяе начальник, научитесь терпению, — начала отчитывать мужчину Бобикова.
- Он извинился и хотел было уйти, но она его остановила:
- Скоро буду.

- Вот, познакомьтесь, Володя Песюк, извозчик, то есть водитель троллейбуса, — поправил сам себя Виталий Витальевич, представляя Сильвии маленького щуплого усатого мужичка.
- О, найс ту мит ю, Вольдемар! Сильвия Бобикова, — протянула Сильвия руку для поцелуя.
- Я Володя, — поправил водитель кондуктора и пожал ей руку.
- Я поняла, Вольдемар, приятно познакомиться.
- Но...
- Что за «но»? Вы что, уже запрягли нашего коня? — поинтересовалась Бобикова. — Ступайте, Вольдемар, я явлюсь через минуту и, будьте так любезны, оденьтесь подобающе — мы же не скот повезём.
- Но у меня ничего больше нет, — развёл руками водитель, показав на свою выцветшую растянутую футболку.
- Вот, сегодня я вас выручу, — Сильвия достала из сумки галстук-бабочку и, сунув его в руку Володе, добавила: — Не забудьте причесаться.
- Водитель был так ошарашен, что, не сказав больше ни слова, взял галстук и пошлёпал в направлении руля. Сильвии были вручены билеты, терминал для безналичной оплаты и пожелание удачи.

— Вы, главное, не переживайте, первый день всегда самый сложный, — улыбался начальник наивной улыбкой.

— О чём вы толкуете, мой милый? Нет ничего проще, чем собирать с людей деньги.

Крутя на пальце катушку с билетами, Бобикова медленно пошла в сторону старого троллейбуса, неуклюже виляя бёдрами.

Первая остановка была у рынка. Двери распахнулись, пассажиры ринулись вперёд, расселись по местам и уткнулись глазами в свои телефоны или в мутные окна.

Сильвия сразу же подошла к сутулому дядьке со злым выражением лица и в футболке с надписью «Rammstein».

— Guten tag, — фальшиво произнесла Бобикова. — Прошу вас оплатить свою поездку, герр пассажир.

Мужчина молча достал пять тысяч одной купюрой и протянул Сильвии. Он делал так каждый день, заведомо зная, что у кондуктора не будет сдачи. — этаким проездной билет, который позволял ему кататься бесплатно.

— Месье, не могли бы посмотреть у себя купюру меньшим номиналом? — продолжала Сильвия держать воспитанный тон.

— Меньше нет! — противно буркнул мужик в ответ.

— Оу, у мистера определенно огромные доходы, — восторженно заметила Бобикова. — Ещё бы, такой мужчина! Наверняка лорд или барон! — без намёка на издёвку голосила Сильвия, привлекая к себе внимание всего салона. — Чем занимается ваша светлость? Золото? Нефть? Строительство шахт? Ценные бумаги?

Кондуктор спрашивала совершенно серьёзно. Отовсюду начали слышаться смешки, и мужчина ссутулился ещё больше.

— Полагаю, такая вещь, как сдача, является для вас оскорблением? — Бобикова уже хотела убрать «пятёрку» в сумку, но мужчина выхватил её и, пошарив по карманам, быстро нашёл нужную сумму.

Сильвия хрустнула коленями, сделав что-то отдалённо напоминающее реверанс, и направилась на свой творческий променад.

— Мне душно! — вцепилась вдруг в её юбку женщина с красным бульдожьим лицом и тяжелым пакетом в руках, полным рассады.

— Как я вас понимаю! — уселась напротив обрадовавшаяся Бобикова.

Оторопевшая пассажирка поняла, что совершила большую ошибку.

— Я здесь буквально задыхаюсь! Сплошная бездуховность вокруг! Сколько пьес поставлено в городе за последний год? Зато сколько открыто магазинов с едой! Фи! А библиотеки? Вы когда-нибудь бывали в Пинакотека Амброзиана? Это в Милане. Там, кстати, проходят лучшие показы мод.

Женщина замотала головой. Духота её больше не донимала, как и лук-севок, который она купила в недостаточном количестве. Теперь она думала только о том, как хорошо было ездить на колхозный рынок в машине зятя, где в её власти были все форточки и даже кондиционер, и никто не пугал словами «Милан» и «Амброзиана». Зря она тогда затеяла ссору...

Бобикова уже было переключилась на Прованс, но женщине повезло. На очередной остановке двери троллейбуса распахнулись, и в салон хлынула целая толпа людей всех степеней нервозности и социальной неудовлетворенности. Люди толкались, жались друг к другу потными телами и орали, выбрасывая в атмосферу накопленную за день злобу. Эта мясная ловушка из спин, локтей и грудей обычно не оставляла кондуктору шансов выполнить свою работу, но у Сильвии Бобиковой как раз наступило время чаепития. Её термос держал температуру магмы, а Сильвия не привыкла пить из неполной тары.

Сам Моисей позавидовал бы тому, как расступалось это живое море, когда кондуктор начала ходить по салону, одной рукой собирая оплату за проезд, а другой держа кружку, наполненную до краёв горячим чаем.

Но были и те, кто совершенно игнорировал выходы троллейбусного бомонда. Один мужчина сидел, закинув ногу на ногу, откровенно наплевав на пожилых людей, стоящих рядом. Тип вёл себя максимально вызывающе: хамил, плевал и даже курил, провоцируя всеобщее негодование.

— Mon ami, — обратилась к нему Сильвия, — я вынуждена просить вас перестать вести себя так, словно вы на стадионе.

Бобикова указала на озлобленных галдящих пассажиров и обозвала их «приличным обществом», которому такое поведение не по нраву.

— Да чхать я хотел на ваше общество! — мужчина достал из кармана какую-то ксиву и показал её всем присутствующим, после чего люди начали отводить глаза в сторону и больше не выказывали недовольства.

— Могу я тогда хотя бы попросить вас угостить даму огоньком? — спросила Бобикова и достала свой мундштук.

Мужчина ухмыльнулся и поджёг сигарету кондуктора. Сильвия сделала глубокую затяжку, а затем выпустила плотную струю дыма прямо в лицо грубияну.

— Знаете, я вас понимаю. Когда я работала с руководством города, то тоже могла позволить себе многое. Не то что сейчас, — мечтательно произнесла Сильвия.

Каждое новое предложение Бобикова завершала затяжкой и выпускала новую порцию дыма, от которого у пассажира лицо начало стекать на пол, а рубашка — расплзаться по нитям.

— Знаете, а вы правы! Мы не должны идти на поводу общества! Это наше право как элиты — диктовать свои условия миру! — продолжала свой монолог Сильвия, не переставая курить.

Мужчина не отвечал, он старался как можно сильнее сжать все отверстия, через которые воздух способен попасть в организм.

Бобикова болтала без остановки — казалось, собеседник для неё абсолютно не важен, она спокойно могла бы заговорить до смерти огнетушитель и заставить его загореться. Когда Сильвия достала новую сигарету, мужчина не выдержал. Он попытался протиснуться к выходу, но у него ничего не вышло. Тела плотно держали оборону и не давали шансов.

Пассажир в истерике искал глазами молоточек, которым нужно разбить стекло в экстренной ситуации, но тот пропал ещё во времена перестройки.

Не в силах терпеть, хам открыл форточку и устремился к свежему воздуху всем своим существом.

— My friend, куда же вы?! — заволновалась Бобикова. — Мы ещё не обменялись адресами и взглядами на концептуальное искусство!

Но мужчина уже летел в жёсткие, но куда более безопасные объятия асфальта. Он пообещал себе, что если выживет, то никогда больше не возьмёт в рот сигарету.

Через пару остановок в переднюю дверь инкогнито зашла охочая до штрафов и порицания контролёрша. Женщина эта была грозой безбилетников и кондукторов. Она шла с целью публично пристыдить и наказать. Но как только двери за ней закрылись, она сразу почувствовала неладное. Из хриплых динамиков сочился легкий джаз, руль крутил прилизанный водитель в футболке и галстук-бабочке. Пассажиры, боясь быть повторно обилеченными, держали в дрожащих руках свои талончики. Контролёр молча прошла по салону, никак не выдавая себя. По взглядам присутствующих она поняла, что лучше не стоит доводить до сведения кондуктора информацию о своём присутствии, а когда увидела, как Бобикова посвящает одного школьника в последние сплетни мира немецкого балета, украдкой показала удостоверение и выскочила на ближайшей остановке.

— Ну, что скажете насчёт первого дня? — ни на что не надеясь, спросил директор, когда троллейбус вернулся в парк.

— Что вам сказать, месье шеф, я ошибалась. Плетение корзин — куда более захватывающее мероприятие.

Виталий Витальевич повесил было нос, но Сильвия продолжила:

— В следующую смену я возьму их с собой, чтобы хоть как-то развеять скуку. Люди в троллейбусе интересные, но быстро уходят — не успеваешь как следует познакомиться. Некоторые даже высказывают на ходу.

— Так значит завтра вас ждать на смену? — просиял начальник.

— Определенно, mon cher! Одна лишь просьба...

Виталий Витальевич наострил уши:

— Всё, что пожелаете!

— Вы не могли бы посмотреть обшивку на кресле? Произошёл конфуз. Я позволила себе единоразово прилюдно чертыхнуться из-за того, что меня всю дорогу слегка било током. Я согласна на штраф, чтобы исчерпать сей конфликт.

Начальник кивнул и, распрощавшись десятью поклонами с Сильвией, радостно пошёл проверять кресло. Он подошёл к троллейбусу, накинул «рога» на провода и, зайдя внутрь, уселся на кондукторское кресло. Его чудом не выкинуло наружу через потолок. Шарахнуло так, что волосы в носу сгорели, а на ум пришло много всяких интересных слов, тянущих на десятки конфузов и пару лет тюрьмы.

— Выпишите Бобиковой премию, — заявил начальник секретарю, вернувшись с того света.

— Премию? Она же отработала один день...

— Вы правы... Давайте выпишем в двойном размере.

Гектор Шульц
(Россия, Москва)

МАТЬ

На улице Весенней часто встречалась мне старушка и её собака. Они сидели в небольшом закутке между аптекой и книжным магазином. Старушка, маленькая, худая, в потрепанном пальтишке, она сидела там в любую погоду. В дождь, жаркий летний день и морозный вечер.

Сидела тихо, не крича и не поднимая головы, а рядом с ней, на асфальте, было расстелено небольшое ватное одеяло с лежащими на нем вещами. На коленях старушки всегда сидела собака, старая дворняжка, которая думала о чем-то своем и слабо жмурилась, когда хозяйка решала почесать её за ушком.

Старушка никого не зазывала, лишь улыбалась и смотрела подслеповатым взглядом на прохожих, решивших остановиться возле ее нехитрых товаров. Я часто проходил мимо нее, не задерживаясь, а в этот день будто что-то екнуло в груди.

— Здравствуй, мать, — улыбнулся я, присаживаясь на корточки и беря с одеяла потрепанную книжонку, на которой было написано одно слово. «Сказки».

— Здравствуй, сынок, — тихо ответила старушка, кутаясь в ветхое пальто. — Хорошая книга, бери. Деткам своим считаешь, а они внукам, те — своим внукам. Я своим всегда читала. Темными и холодными вечерами.

— Хорошие сказки?

— Как и все хорошее в нашей жизни, сынок. Этой книге больше лет, чем мне. Ее страниц касались тысячи пальцев, а слова читали тысячи губ. Да и сказки эти, хорошие они, сынок. В них добро всегда побеждает зло, девушки находят любовь, а рыцари сражают злых королей. Возьми, а?

— Сколько стоит? — спросил я.

— Сколько не жалко, сынок. Давно я тут сижу. Ежели человек хороший, то пусть берет за сколько есть. Негоже мне, старой, просить что-то. А нам с Жучей и того хватит, — сказала старушка, ласково почесывая собаку по голове. Дворняжка подняла на меня взгляд и коротко твякнула, словно подтверждая слова хозяйки.

— А это что? — я отложил книгу в сторонку и взял в руки резную шкатулку, на которой были изображены разные зверушки и цветы.

— Сынок мой делал когда-то, — тяжело вздохнула старушка, с любовью смотря на шкатулку. — Любил он это дело. Вырезал часто что-то. Сядет и стругает дерево, только опилки летят да смолой горячей пахнет. Хранила я в ней украшения свои сначала, а потом их детям отдала. Все отдала, веришь?

— Верю, мать.

— Кольца отдала, серьги, браслеты. Все, что было. Им-то нужнее, чем мне. Нам с Жучей хлеба только да супа жидкого. Много чего в этой шкатулке лежало. Украшения мои, деньги, бумаги всякие. Много она повидала, а лак с нее так и не сошел, хоть и открывалась часто. Возьми, сынок, а?

— Сколько?

— Сколько не жалко. Чего мне, старой, просить-то? Давно я тут сижу, и никогда ничего не просила. Кто хочет, купит, кто хочет так возьмет. Или вот, кольцо возьми.

— Это? — я поднес к глазам простое медное колечко, внутри которого находились полустертые цифры и обрывок надписи. «17.3.45. Да...h...и».

— Это, сынок. Медное оно. Не золотое, но дороже золота.

— Почему, мать?

— Свадебное кольцо сестры моей. Отдала она мне его перед тем, как уйти. А я сохранила. А сейчас вот продаю. Пусть другие его хранят, а я старая уже. Потерять могу.

Тут я более внимательно окинул взглядом одеяло старушки. Не простые вещи она продавала, а жизнь свою. Память. Потому и не кричала, не звала людей смотреть товар её. Лишь сидела тихо, да гладила старую дворняжку.

Сдавило что-то мое сердце. Будто холодная ладонь в него вцепилась. Я не мог говорить, мог только смотреть на то, что лежало на ватном одеяле. Старые часы на цепочке, резная шкатулка сына старушки, медное колечко, хранившее память, потрепанная книга сказок, детские ботиночки, которые ни разу еще никто не надевал. И в уголке, рядом с ногой старушки, фотография. Простая фотография, немного помятая и с надорванным уголком, на которой была запечатлена красивая девушка с черными, как смоль, волосами, полными губами и добрыми глазами.

— Это я, сынок. Когда-то я была красивой, а потом года свое взяли, — улыбнулась старушка, продолжая поглаживать собаку. — Старая фотография. Я ее не продаю, но если хочешь, я тебе отдам. Хороший ты. Вижу.

— Что же случилось, мать? — тяжело сглотив, спросил я. Вздохнула старушка, промокнула серым платком усталые глаза, всхлипнула немного. — Почему ты продаешь все это?

— Одна я осталась, сынок.

— А где дети, сын, сестра?

— Ждут меня. Недалеко от Мюнхена, ждут, сынок. Там они остались, одна я выжила, да Жуча моя. Давно это было.

— Дахау*? — тихо промолвил я, стараясь не причинить старушке боли. Зажмурилась та в ответ и губы закусил.

— Да, сынок. Ушли они, одна я осталась. А вещи? Стара я, сынок, а камень протирать надо, цветочки поливать, сорняки выдирать.

— Камень?

* Дахау — один из крупнейших и зловещих концлагерей смерти нацистской Германии. По непроверенным данным через лагерь прошло около 250000 человек и более 70000 погибли. Во время освобождения лагеря все охранники лагеря из числа немецких солдат были расстреляны.

— Да. Холодный камень, где имена их выбиты. Черный камень. Все, что осталось, не считая этих вещей, — грустно улыбнулась старушка, обводя морщинистой рукой свой товар. — Купи, сынок, а?

— Куплю, мать, — кивнул я, бережно укладывая вещи в рюкзак и вытаскивая из кошелька всю наличность. — Все куплю.

— Ты только не выбрасывай их, сынок, — тревожен ее голос. Дрожит, как стекло. Грозится лопнуть и засыпать серебристыми осколками то, что дорого старушке.

— Это жизнь, мать. Её не выбрасывают.

— Спасибо, сынок. Спасибо.

— Тебе спасибо, мать. Тебе спасибо.

Медленно уходил я от старушки, зная, что больше её не увижу. Оглянулся лишь раз. Она смотрела на небо, где бежали серые тучи. Такие же серые, как и её глаза, наполненные болью. Было что-то еще в её взгляде. Я знал, что именно. Это была надежда. Надежда на то, что всё, рассказанное мне, никогда не будет забыто.

*Александр Железов
(Россия, г. Ярославль)*

ЦИКЛОН

Документальный рассказ Валентина Аккуратова

1. КАРАВАН ВЫЗЫВАЕТ САМОЛЁТ

Командир гидросамолёта Иван Иванович Черевичный явно нервничал. Уравновешенный и спокойный в полётах, сейчас, на берегу, он то звонил в синоптическое бюро, то бросался на крыльцо и подолгу всматривался в поседевшую штормовую бухту.

— Как якоря? — в который раз спрашивал он меня, штурмана, ответственного за гидросамолёт на якорной стоянке.

— Выдержат. Два уса из манильского судового троса на донном якоре у стояночного бую... — Сказав это, я засомневался. — Если сорвёт, то вместе с носом машины. Помнишь, на мысе Шмидта? Шасси осталось на привязи, а самолёт унесло за пять километров.

— Спасибо! Успокоил. Слушай, — прикуривая новую папиросу от старой, продолжал Иван Иванович, — а ведь три дня назад в районе, где сейчас заклинило караван, лёд был не более шести баллов... Неужели в разведке мы что-то недосмотрели?

Нет, в нашем донесении была зафиксирована «реальная ледовая! обстановка. И в сводке указывалось, что в сорока милях слева по курсу следования каравана транспортных судов, который успешно пробивался на восток, лежит южная кромка десятибалльного старого льда — грозного Таймырского массива. Не только грозного...

Ещё в Великую северную экспедицию он был главной помехой в самоотверженной работе «петровских птенцов» — Прончищева, Харитона Лаптева, Челюскина. До сих пор неизвестны законы движения этого ледяного массива. Он обычно появляется неожиданно, как белый призрак, и там, где вчера могли пройти даже парусники, сегодня бессильно останавливаются ледоколы. После нашего облёта, когда караван судов, ведомых ледоколом «Иосиф Сталин» и ледорезом «Фёдор Литке», выходил из пролива Вилькицкого, обстановка вдруг обострилась. Подул северный ветер. В широты Северного морского пути двинулся Таймырский массив. Суда, оказавшись в десятибалльных льдах, стали пленниками, дрейфующими к недалёким берегам материка. Это грозило непоправимой бедой тяжело загруженным транспортам.

В довершение всего глубокий циклон, охвативший огромный район Арктики, запер наш гидросамолёт ледовой разведки в бухте Тикси — мы сели здесь три дня назад для подзарядки горючим, после того как провели караваны через льды пролива Вилькицкого. Разгулявшийся циклон принёс не только нелётную погоду с неистовыми штормовыми ветрами, мокрым

снегопадом, туманом, низкой облачностью и обледенениями, но и переместил триллионы тонн торосистого тяжёлого льда с севера на юг, перекрыв каравану вход в море Лаптевых. И морской порт со всеми его многоликими службами замер в напряжённом ожидании.

Резкий, долгий звонок телефона заставил нас вздрогнуть.левой рукой я поднял трубку и, прижимая её к уху, стал быстро записывать...

— Что там? Новая каверза циклона? Или девушки с метеостанции приглашают на чашку чая? — нетерпеливо спросил Черевичный.

— Занятно, но слушайте, а я посмотрю на выражения ваших лиц, — ответил я, глядя на настороженных членов экипажа. — «Борт ледокола «Иосиф Сталин» Черевичному Аккуратову. Можете помочь даже в условиях плохой погоды зпт если по радиокompасу выйдете на нас тчк Укажите наше место зпт также расстояние до кромки тчк Мы имеем основание сомневаться в своём счислении тчк Скорость дрейфа во льдах учитывается на глаз тчк Несомненно имеется снос под влиянием течения зпт сила и направление которого нам неизвестны тчк Шевелев Белоусов».

— По существу, это сигнал бедствия. Моё мнение: надо вылетать, — нарушая затянувшуюся паузу, заключил я.

— Лихо! Вот за это я преклоняюсь перед Шевелевым. Когда необходимо, смело отбрасывает наставление по лётной службе и не боится брать на себя ответственность, — горячо резюмировал Черевичный.

— Именно лихо! А как взлетать с такой волны? К самолёту не подойти даже на катере. Машина как утюг, — высказался первый бортмеханик Виктор Чечин.

— Эта стихия и поможет взлёту, — обратился ко мне Черевичный. — Выведем на второй редан, волны выбросят нас, как пёрышко. Помнишь, как взлетали в шторм с океанской поверхности после вынужденной?.. Меня смущает другое. Как в месиве тумана и облаков ты найдёшь ледокол? Синоптики подтверждают сильное обледенение. В облаках наверняка оборвёт антенны радиокompасов. — Сказав это, Черевичный пытливо стал всматриваться в каждого из нас. Он ждал поддержки.

Я хорошо знал Ивана Ивановича и глубоко уважал этого «отчаянного» лётчика, как говорили о нём на Севере. Много раз мы бывали с ним в сложнейших ситуациях, не раз небо для нас казалось с овчинку, но мы всегда выходили из этих невыносимых условий с честью и без потерь. Нет, он не был отчаянным. Высокое мастерство пилотажа, точный расчёт, глубокий анализ обстановки, знание стихии Ледовитого океана — вот что давало ему право на риск. Сотни тысяч километров мы налетали с ним над льдами океана. В пуржистую полярную ночь спасали людей, искали пропавшие самолёты, вытаскивали из ледового плена суда, вывозили с далёких островов опасно заболевших зимовщиков; более миллиона квадратных километров «белых пятен» стёрли с лица земли, проникая в районы, где ранее никто никогда не бывал. А позже, перед самой войной, первыми в мире достигли Полюса недоступности, водрузив на нём алый стяг Родины.

К эпитету «отчаянный» обычно прибавляли «везучий». Да... Но может повезти человеку раз, два... Ну, десять, но не сотни раз. Везёт тому, кто знает своё дело и любит его.

— Что молчишь, штурман? Найдём караван? — оторвал меня от быстро проносившихся мыслей Иван Иванович.

— Как же! — встрял второй пилот Григорий Кляпчин. — Девять судов, а это значит согласно номенклатуре судовой роли тридцать шесть опытных штурманов не знают своего места! Что-то я не всё понимаю.

— Ты, Гриша, не прав. Моряки знают свою общую ориентировку. И совсем неудивительно, что при неизвестном дрейфе да ещё многодневном тумане потеряли детальное местонахождение. Мы должны исправить это положение...

— Надежда, конечно, на радиокompас, — наконец, сказал своё слово я как штурман. — Сильное обледенение оборвёт наружные антенны, но это не страшно. Тут мы с Сашей Макаровым как-то на досуге проделали опыт: антенну натянули внутри лодки. Радиокompас реагировал на рации почти нормально.

— Правда, чувствительность такой антенны, а следовательно, и радиус действия значительно уменьшаются, — заметил Саша Макаров, наш бортрадист.

— Будем готовиться к вылету, — думая о чём-то своём, проговорил командир, но в следующую секунду голос его затвердел. — Сообщите каравану: как только волна в бухте немного поутихнет, выходим. Доложите-ка, что там у них?

— По последним сведениям их несёт к югу. Ледоколы окалывают транспорты, чтобы их не раздавило. Погоду дают каждый час. Вот последняя: «Низкая сплошная облачность, полосы тумана, морось, гололёд, ветер северный, порывы 20-25 метров в секунду, видимость от нуля до километра, температура — ноль».

— Да, невесело, — произнёс Черевичный. — Но там десятки тысяч тонн продовольствия, техники, топлива. В Якутии, на Чукотке, в Магадане их ждут. Там всё необходимое для жизни и... — не успел договорить Черевичный, как неожиданно и резко доложил Чечин:

— Товарищ командир, машина к полёту готова. — Но, не выдержав официального тона, Чечин как-то по-домашнему тепло улыбнулся и добавил: — Иду на камбуз брать на борт суточный паёк.

— Другого ответа я и не ждал... Выясни, сможет ли катер при таком накате подойти к гидросамолёту?

— На «Петушке» работает боцман Сухоруков. Два часа назад он пытался выйти на рейд к портовому ледоколу «Леваневский», но из-за волн вернулся. Говорит, еле ноги унёс.

— Под южным берегом острова должно быть тише. Там и будем взлетать.

Бухта по-прежнему клекотала. Волны не катились рядами, как это обычно бывает в открытом глубоком море, а бешено прыгали почти на месте, бросая в низкое серое небо клочья белой пены и каскады тёмной воды...

Через четыре часа мы были в воздухе. Плотная липкая облачность цепко охватила гидросамолёт. Сквозь стёкла кабины с трудом проглядывались навигационные огни на концах крыльев, часто исчезающие в снежных струях.

Казалось, что у нас нет крыльев и мы несёмся в бешеном потоке горной реки на хрупкой и жалкой лодчонке.

При подходе на катере к гидросамолёту, а потом и выборке якорей — во время подготовки к взлёту — мы сильно промокли и теперь, заменив одежду на сухую, блаженствовали в тепле кабин. Неся вахту каждый на своём рабочем месте, обменивались по внутренней связи впечатлениями. Взлёт был нелёгким. Когда мы выруливали под защитой высоких берегов острова Бруснева, волны отчаянно хлестали машину, вздымаясь высоко над сигарой корпуса гидросамолёта. В такие минуты в кабинах наступала темнота, и только электроосвещение помогало следить за многочисленными стрелками контрольных приборов. Рулили на малых оборотах воздушных стальных винтов. В те мгновения, когда они с рёвом врубались во вздыбленную массу воды, волны врываются в кабины через боковые иллюминаторы, открытые для лучшего обзора. Чтобы не отяжелить машину, непрерывно работала аварийная помпа — выбрасывала воду снова за борт.

Под высоким, подветренным берегом было значительно спокойнее. Чтобы использовать эту полосу относительного затишья, пришлось взлетать курсом 90 градусов, то есть с боковым ветром. Это удлиняло дистанцию разбега, зато избавляло от крутых и жёстких ударов встречных волн.

Опросив готовность экипажа к старту, Черевичный скомандовал:

— Всем пристегнуться к рабочим креслам. Задраить люки, бортмеханику смотреть за моторами, второму пилоту при выходе на редан убрать консольные поплавки!

— Есть... есть... есть... — спокойно отвечали номера, и не было в этих словах ни волнения, ни чувства страха. Экипаж уверенно выполнял свою работу так, как свои обычные, ежедневные полёты. Но это внешнее спокойствие каждого из нас давалось ценой огромного внутреннего напряжения.

Крылья «летающей лодки» для устойчивости на воде заканчивались большими закрытыми поплавками, которые являлись продолжением крыльев и складывались после взлёта. На взлётной скорости, да ещё с боковым ветром их легко было потерять от ударов штормовых волн, а это граничило с катастрофой. Лётная инструкция разрешала убирать поплавки только после отрыва, на высоте не менее пятидесяти метров, при волнении не более двух баллов. Однако, стихия Арктики предъявляла нам свои условия, и приходилось вносить поправки в строгую лётную инструкцию... Все экипажи полярной авиации, работавшие на гидросамолётах с убирающимися поплавками типа «Консолидейтед», «Каталина», летая долгие годы на ледовой разведке, не имели ни одного случая поломок при взлётах в трудных морях Арктики. И вот почему. При разбеге, уже на скорости пятьдесят километров, поплавки не касаются поверхности воды, лодка держится устойчиво и не валится. Убирая поплавки, мы спасаем их от ударов штормовых волн, а следовательно, гидросамолёт и самих себя.

Много позже, в августе сорок четвёртого, фашистская субмарина торпедировала судно «Марина Раскова», на борту которого было более трёхсот человек, шесть тысяч с лишним тонн продовольствия и зимовочного снаряжения. Судно следовало Карским морем. Часть пассажиров, в основном дети и женщины, уцелевшие при взрыве и пожаре, высадились на спаса-

тельные плавсредства. В море был шторм. Много суток экипажи полярных лётчиков Матвея Козлова и Сергея Сокола, не считаясь с непогодой, искали потерпевших. В один из полётов экипаж Козлова обнаружил в штормовом море полузатопленную шлюпку с людьми. Не считаясь с риском, лётчики произвели посадку «каталины». Но волны не позволили подойти к шлюпке, угрожали разбить машину вдребезги. И всё же экипаж при помощи своей резиновой лодки — клипер-бота и тросов наладили переправу полуживых, обессиленных и раненых людей на самолёт. Однако, огромные волны и перегрузка не позволили самолёту взлететь. И тогда экипаж принял смелое, совсем не авиационное решение — плыть гидросамолёту как катеру, благо льда в море не было.

После долгих часов плавания под моторами на малых оборотах, подвергаясь постоянной опасности быть разбитой штормом или торпедированной немецкими субмаринами, «каталина» подошла к острову Белый. Там, в проливе Малыгина, её встретил военный советский тральщик и забрал пострадавших. Облегченный гидросамолёт улетел на Диксон.

Такую же операцию произвёл и экипаж Сокола. В те дни они спасли более ста человек...

Конечно, в нашем случае не было прямой угрозы для жизни моряков каравана, но положение судов было тяжёлым. Это и заставило командование каравана дать радиограмму, предоставив нам самим решать — идти на риск или нет?

Сразу после взлета, уже на высоте сорок метров, вошли в облака. Первоначально шли курсом пять градусов, обходя невидимую, глубоко вдающуюся в море дельту реки Лены. Мы знали, что, выйдя на генеральный курс к дрейфующему каравану, нам предстоит тщательно изучить состояние ледового покрова, нанести увиденное на карту, а потом её и рекомендацию сбросить на борт ледокола. Знали и то, что трое суток назад восточная часть моря Лаптевых, почти до меридиана острова Дунай, была покрыта слабым, пятибалльным, сильно подтаявшим льдом, легко проходимым даже транспортными судами. Но глубокий циклон, сформированный где-то у берегов Исландии, с его ураганными ветрами и низким давлением изменил ледовую обстановку.

— Прошу внимания, приступаем к ледовой разведке. Курс 262 градуса, идём на снижение. Радист, убрать выпускную антенну, иначе оборвёшь о поверхность моря.

Черевичный мягко отдаёт штурвал от себя и сбрасывает обороты моторов. Стрелки вариометров, стоящие при горизонтальном полёте на нуле, поползли вниз и остановились на цифре «два», фиксируя снижение два метра в секунду. Мы знаем, что под нами ровная поверхность моря, что в этом районе нет ни одного судна, мачты которого могли бы угрожать нам столкновением. Но мы не знаем, где начинается восточная кромка льдов, принесённых циклоном, а потому спуск наш в облачной вате был осторожен.

— Высота пятьдесят! Море не просматривается. Высота сорок! Под нами облака, — внимательно следя за циферблатом радиовысотомера, передаю я пилотам и одновременно всматриваюсь в свинцовую муть, наплываю-

щую снизу. — Тридцать! Вижу воду и отдельные куски мелкобитого льда, — продолжаю докладывать и отмечаю время в бортжурнале.

Черевичный переводит машину на горизонтальный полет и вопросительно смотрит на меня. Я же взглядом показываю вниз, где стремительно мелькают то чёрная вода, то клочья облаков.

— Надо идти вниз. Не различаю льды.

Черевичный переходит в плавное снижение.

— Высота двадцать! Отлично вижу море, — и, одобряя действия пилотов, показываю им большой палец левой руки.

Машина в горизонтальном полёте. Видимость двести-четырееста метров. С бешеной скоростью проносятся битые льды. Их всё больше и больше.

Полёт продолжается. Видимость ухудшается. Быстро записываю характеристики льдов в блокнот и одновременно веду счисление пути: измеряю скорость и направление ветра, исправляю курс следования из-за дрейфа и изменяющегося магнитного склонения, пересчитываю приборную скорость полёта в путевую, вношу поправки в высотомеры, слежу за температурой наружного воздуха. Нет ни секунды свободной...

В то время, до войны, штурман одновременно был и навигатором и гидрологом. Сейчас эту работу выполняют двое, а иногда и трое. Полёты на ледовой разведке в силу необходимости были длительными — от десяти до двадцати часов без посадки. Никаких санитарных норм не существовало, и что удивительно — никто из членов экипажа не заболел, не жаловался на усталость. Не было и лётных происшествий. А ведь почти каждый полёт на ледовую происходил в сложных, экстремальных условиях, когда приходилось вылетать, не считаясь с циклонами, предугадать которые не всегда удавалось синоптикам из-за недостатка метеорологических станций. И так всю навигацию в течение трёх-четырёх месяцев, пока караваны не придут в порты назначения, а в Арктике не начнётся новый ледостав...

Самолёт то пронизывал космы спускающихся до поверхности моря облаков, то попадал в полосы тумана. И тогда глаза всех невольно вглядывались в стрелки высотомеров. Мы бы могли для безопасности уйти вверх, найти высоту, где машине не грозило бы обледенение, и спокойно лететь к кораблям. Но нам необходимо было засечь кромку тяжёлого океанского льда, массива, в котором дрейфовал караван. Ну а раз шли низом и видели море, должны были выполнять обычные наблюдения за обстановкой под нами, чтобы потом писать рекомендации другим судам на трассе.

— Связь с флагманом установлена. Их положение без изменения, — коротко по телефону доложил Саша Макаров.

— Попроси ледокол дать импульс для радиопеленга. Попробуем принять на наружную антенну радиокompаса.

Прошли две-три минуты, и радист крикнул:

— Нажатие есть! Волна 550 метров.

Включаю радиокompас, настраиваюсь на 550, но, увы, стрелка прибора, не отмечая пеленга, медленно крутится по всему азимутальному кругу.

— Саша, отставить нажатие, — говорю я. — Ещё далековато, радиокompас не берёт, хотя и прослушиваются их позывные, но слабо. Забивают атмосферные помехи.

Долго тянется томительная пауза. Каждый переживает и оценивает обстановку по-своему.

— Чёрт вас носит! Горючее бы пожалели, на этой высоте дикий перерасход! — подаёт голос Чечин.

— Не скупись, Виктор. Один кораблик стоит сотни наших полётов, — отвечаю я.

— А где мы находимся? Сколько до каравана? — не отстаёт Чечин.

— На траверзе остров Куба. С ледовыми галсами идти и идти, а напрямую до каравана триста сорок. При нашей путевой скорости один час пятьдесят пять минут. Учти, данные предположительные, мы же не знаем их координат.

— Тут Гриша запутался с Кубой. Объясни ему, — услышал я голос Чечина по внутренней связи. — Двойка тебе, Гриша, по географии. Темнота ты пилотская. Море Лаптевых под нами, а не знойное Карибское, — развлекается Чечин.

Гриша Кляпчин, отличный мастер слепого пилотажа, на ледовой разведке работает первый год. Он почти двухметрового роста, добродушный и доверчивый, часто бывал объектом товарищеских розыгрышей, но никогда не обижался, умел извлекать из каждой шутки что-то новое для себя о мало ещё известной ему Арктике.

— Куба, Гриша, это небольшой, низкий, необитаемый остров, находящийся в северо-восточной части дельты Лены. Название официальное, числится во всех картах. Остров богат дичью, есть олени, песцы...

Я любил эти занятные, казалось бы, далёкие от дела разговоры. Ведь они, по существу, были индикатором нормального состояния экипажа...

Вдруг в кабинах потемнело. Мокрые заряды снега залепили стёкла, «дворники» и струи спирта не успевали счищать лобовые стёкла от нарастающих слоёв плотного снега. В белой круговерти скрылось и море. Заряды усиливались. Задрезбуждали кружки, и началось мелкое, периодическое подрагивание гидросамолёта — явный признак интенсивного обледенения.

— Штурман, надо уходить! — крикнул Черевичный через включенный для экстренных случаев репродуктор.

— Виктор, давай форсаж!

— Есть форсаж! — всё так же спокойно ответил Чечин.

Через две минуты мы выскочили из облачности. Выше висела плотная серая масса.

— Ну вот и всё в порядке, — с чувством облегчения проговорил Иван Иванович.

— В порядке, да не всё. Обледенение оборвало антенны обоих радиокompасов, — заметил бортрадист.

— Всё согласно расписанию. Саша, давай натянем внутреннюю. Через час начнём пеленговать флагманский ледокол.

Пока Макаров устанавливал нашу импровизированную антенну, я выглянул через астролук. От наружных антенн остались только стойки. Крепкие стальные омеднённые канатики были сорваны, а обе вращающиеся рамки радиокompасов плотно охвачены толстым наростом бугристого матового льда.

- Иван Иванович, пока держись между облаками, — попросил я,
- минут через тридцать встречные потоки воздуха слижут лёд.
- А хвост? Что со стабилизатором?
- Нормально, но ещё много льда. Это и было причиной тряски.
- Пройдём на этой высоте минут двадцать и вниз, — заметил Черевичный. — Засечём кромку массива и на малой высоте выйдем к ледоколу.
- И в первую очередь, как только выйдем на ледокол, давай пробьёмся к солнцу. Без светила координат нам не определить.
- Слушайте, командиры, завидую вашему оптимизму, — прозвучал в наушниках голос Чечина. — Если и впредь будете лазить так, моторам до конца сезона не вытянуть. Кстати, посмотрите вперёд, что там с облачностью происходит?
- Видим, Виктор. Облачность уменьшается, появилась всхолмленность. Похоже, погода начала меняться. Если рамки отошли, пошли вниз.
- Рамки чистые. Задержимся на пять минут. Попробуем пеленговать на новую антенну.
- Добро, давайте действуйте.
- Ну как, берёт? — не утерпел Черевичный.
- Неуверенно. Ещё далековато и помехи большие. Саша, переведи питание радиокompаса на аккумуляторное, будет меньше помех.
- Есть перевести питание на аккумуляторы, — тут же ответил радист.
- Колебания стрелки прекратилось, и она уверенно остановилась на азимуте 180 градусов.
- Вот и порядок, Иван Иванович, подверни вправо на пять градусов, держи курсовой угол 185, впереди караван...
- Пошли вниз, Иван Иванович. Не смущайся, если в облаках на малой высоте пеленги будут неуверенными. Курс держать по гироиндукционному компасу. В этих широтах он не откажет, а когда подойдём поближе, выходи на караван по радиокompасу. Помни, что от перестановки наружной антенны на внутреннюю изменяется кариода.
- Черевичный сбросил газ, отжал от себя штурвал, и машина послушно пошла вниз. Приглушённо урчали моторы. Вновь облака цепко охватили гидросамолёт. Чтобы меньше нахватать льда, снижались с большой вертикальной скоростью, но на высоте двести метров перешли на плавный, осторожный спуск, не более одного метра в секунду. Мы помнили, что под нами море, где нет высотных препятствий, и всё же на душе было не совсем спокойно. А вдруг в нашем счислении пути вкралась ошибка, а в море неизвестный корабль с высокими мачтами?
- Приняв все меры предосторожности, нащупываем море. Торосы? Но их высота не превышает десяти метров. Высота медленно падает. Обледенение самолёта снова усиливалось. Следя за стрелками высотомеров и радиоальтиметра, одновременно успеваю заглядывать в иллюминатор, вслух передаю показания высоты: «Сто метров... восемьдесят... шестьдесят, море не проглядывается». Вдруг на пятидесяти метрах серую муть разорвало, и мы ясно увидели под собой море, покрытое льдами. Обломки полей и крупнобитые льды, изъеденные промоинами, словно цветное кружевное

покрывало, простирались под нами. Но это были местные льды. Они не представляли больших препятствий для плавания каравана.

— А где же льды Таймырского массива? — вырвалось у Черевичного. — Здесь же и без ледоколов можно пройти.

— До восточной кромки массива ещё километров пятьдесят, — напомнил я. — Чем дальше она будет, тем лучше для выхода каравана. Держись на высоте сорок метров — больше обзор и меньше будет болтать.

Вдруг уверенно заработал радиокомпас, стрелка чётко остановилась на цифре 180 градусов, подтверждая, что идём прямо на ледокол.

— Внимание! Мы в районе каравана, — сообщил я. — Боюсь, как бы мачты ледокола не чиркнули по пяткам чифа. Давай держать высоту метров сорок. Поправки в высотомеры введены по данным давления, полученным с флагмана. Курсовой угол 185, изменение за счёт левого сноса.

Мы вновь вошли в облака, сквозь которые просвечивали то разводья, то битые льды. Гидросамолет шёл под самыми облаками — они космами нависли над морем. При такой ситуации мы легко могли пропустить кромку тяжёлого льда, а это значит потерять всю ценность разведки и смысл полёта...

Оставляю свою кабину и иду в пилотскую, где вношу новые поправки в курсовые приборы.

Нелегко в такую погоду вести тяжёлый самолёт на малой высоте. На лбу второго пилота крупные капли пота. Он не смотрит ни вперёд, ни по сторонам. Его глаза прикованы к приборам слепого пилотажа, его задача — держать стрелки приборов на заданных цифрах. Лицо Черевичного спокойно. И он, и весь экипаж понимают, что мы идём на пределе, нарушая все нормы безопасности. Но мы знаем и то, с каким нетерпением нас ждут суда каравана.

— Высота мачт у судов до тридцати метров. Они находятся где-то за кромкой, — предупредил я командира.

— Значит, — отозвался сразу Черевичный, — можно рискнуть снизить-ся. Засечём кромку — и сразу вверх.

В знак согласия киваю головой и ухожу в штурманскую. Пилоты осторожно ведут машину вниз. На высоте десять метров видимость значительно улучшается, но от скорости вода и льды сливаются в сплошную полосу и трудно поддаются определению, да это сейчас и не так важно. Главное — засечь кромку! И этот наш «бреющий полёт» не был бы так сложен, если бы мы знали координаты каравана. По последней метеосводке — видимость хорошая, значит, мачты открыты.

Высокий белый барьер массива, как мы и предполагали, выскочил неожиданно, рельефно выделяясь на фоне разрушенных льдов моря Лаптевых.

— Он, собака! — радостно крикнул Черевичный.

Снова, набрав высоту пятьдесят метров, неотрывно следим за стрелками индикаторов радиокомпаса. Вновь растёт напряжение. Скоро ли появятся корабли?

Ровно через семь минут на моём приборе стрелка заколебалась и плавно перешла с цифры 185 на ноль.

— Проход! Флагман под нами!

— Есть проход! — ответил Черевичный.

Внизу сквозь рваные космы облачности смутно промелькнула громада ледокола с чёрным шлейфом дыма из труб.

— Ишь как раскочегарились! — крикнул Чечин.

— Для нас шуруют, чтобы заметнее были при подходе, — ответил Черевичный.

Сообщив на ледокол, что мы приступаем к изучению состояния льдов массива вокруг каравана и поиска оптимального выхода на восточную кромку, галсами начали ходить от ледокола к кромке и обратно. Суда каравана не стояли в одной линии, а чернели силуэтами на довольно большой площади. Конечно, все радиостанции были настроены на нашу волну, и когда мы выскакивали на то или иное судно, отлично видели шлейфы паровых гудков, которыми они приветствовали гидросамолёт... Вскоре картина положения каравана стала ясной. Он находился в восточной части Таймырского массива, в тяжёлых десятибалльных льдах. По тому, как далеко друг от друга были разбросаны суда, мы поняли: мощные ледовые поля находились в сильном дрейфе.

Подготовив карту состояния ледовой обстановки и рекомендации возможного выхода к восточной кромке, мы вновь подошли к флагману, сбросили карту на палубу в специальном герметическом цилиндре с красным вымпелом.

Получив по радио подтверждение, что вымпел принят, по широкой спирали пошли вверх.

— Скажи, штурман, примерно, без астрономии, где мы их обнаружили? — поинтересовался Черевичный.

— По счислению на меридиане устья реки Оленек и широте 76 градусов 30 минут.

— А сколько от них до восточной границы тяжёлого льда?

— Всего одиннадцать миль, но зато каких миль!

Облегченная от расхода топлива машина, несмотря на непрекращающееся обледенение, уверенно преодолевала плотную серую массу облачности. На высоте 3700 метров обледенение прекратилось. Звуки последних ударов отлетающего с лопастей винтов льда заглушает радостный крик Чечина:

— Браточки, солнце! Слева по курсу солнце!

Действительно, расплывчатое пятно солнца то появлялось, то исчезало в облачности.

Ловлю центр солнечного пятна в перископ астрокомпас, определяю истинный азимут и ввожу поправки в компасы.

— Как с курсом?

— Расхождение в четыре градуса. Выходи за верхнюю границу облака. Для астрономических расчётов координат необходимо солнце во всей его красоте, а не это туберкулёзное пятно.

Черевичный с готовностью прибавляет обороты моторам, и через пять минут машина выскакивает на ослепительно белую поверхность. Голубая, прозрачная эмаль неба и пылающее солнце до боли режут глаза.

— Выходи теперь на ледокол по радиокompасу, а от него — снова бери курс на солнце. Держи как можно точнее. Оно сейчас близко к верхней кульминации, это даст быстрый расчёт широты флагмана, — говорю Черевичному. — Саша, а ты, — обращаюсь к бортрадисту, — в момент перехода стрелок радиокompаса со 180 на 0 немедленно возьми пеленг на мыс Челюскин. У нас хорошая высота, и, возможно, пеленг получится.

— А если из-за дальности не получится? — спросил командир.

— Возьмём долготу счислимой, — ответил я Черевичному.

Для исключения ошибки в определении координат маневр был выполнен дважды. Расчёты были идентичны, и пеленги Челюскина не расходились. Это позволило нам сэкономить два часа полёта, так как, если бы они не получились, нам пришлось бы кружить над ледоколом эти два часа, пока земля не повернулась вокруг своей оси на тридцать градусов. Линии широты и радиопеленга пересеклись в точке координат кораблей. Через двадцать минут караван знал своё местонахождение, и ледоколы приступили к выводу судов. А мы взяли курс на мыс Челюскин для определения и исследования западной границы Таймырского массива, чтобы помочь уже другим судам других караванов, идущих в море Лаптевых с запада к проливу Вилькицкого.

2. УСТЬ-ТАЙМЫР НЕ ОТВЕЧАЕТ

Шёл двенадцатый час полёта. На карту маршрута наносились цветные условные знаки: ромбы, треугольники, квадраты, кружки, стрелы, обозначающие возраст, торосистость, крепость льдов, их сплочённость, направление дрейфа. По этим картам капитаны ледоколов поведут свои караваны, а учёные Арктического института попытаются разгадать тайны движения Таймырского массива.

Погода улучшилась. Облачность поднялась до ста метров, видимость достигала одного-двух километров, но заряды мокрого снега время от времени обрушивались на самолёт — и тогда всё скрывалось в белой пелене. Похоже, циклон медленно смещался на восток и самолёт входил в его тыловую часть с более благоприятной погодой.

На меридиане острова Андрея обозначилась долгожданная западная кромка массива. Дальше по курсу пошёл семи-восьмибалльный лёд из обломков полей. Маленький, неприметный островок Андрей с небольшой полярной станцией, почти вплотную примыкавший к матерiku, быстро вы-

шел на радиосвязь и этим самым дал нам возможность выйти на него по радиокompасу.

За ним, к югу, поднимались высокие горы Таймырского полуострова, закрытые низкой облачностью. Поблагодарив зимовщиков за отличную вахту и сбросив им почту, мы взяли курс на Русский остров, пошли так, чтобы ломаными маршрутами осмотреть льды пролива Вилькицкого, одного из самых трудных участков Северного морского пути. Сюда чаще выносит лёд из северной части Карского моря, более старый и крепкий. Пролив был забит девяти-десятибалльными льдами, которые широкой, могучей рекой уходили на восток, разрежаясь при выходе в море.

Наше внимание привлёк одинокий огромный айсберг — он как остров возвышался над ледовыми полями. С обрывистыми «берегами» лазурного цвета айсберг двигался, подобно ледоколу, раздвигая и взламывая льды.

— Вот это махина! Но какие же силы двигают этот гигант? — с восхищением воскликнул Григорий Кляпчин. — А поверхность? Прямо готовый аэродром. Я такого в Арктике ещё не встречал...

Двигали его, конечно же, глубинные течения. Помню, как айсберг значительно меньшего размера, всю зиму простоявший в замёрзшей бухте Тихая на Земле Франца-Иосифа, неожиданно в штиль вдруг двинулся. Взломал наш ледовый аэродром, увлёк за собой остальные льды. Да так энергично, что вся бухта сразу очистилась. К счастью, мы с Михаилом Васильевичем Водопьяновым успели спасти свой самолёт, вытащили его на берег.

— Как же вам удалось тогда вырваться с Тихой? Ведь других аэродромов там не было, — спросил Черевичный.

— Примерно так же, как сегодня из Тикси. С трёхсотметровой естественной полосы под обрыв в бухту. Другого выхода не было. Москва ждала результатов нашего высокоширотного перелёта для принятия решения по высадке экспедиции Ивана Дмитриевича Папанина на Северном полюсе... Оторвались над водой. Ты же знаешь лётное мастерство Водопьянова.

— Злые языки болтали, что после взлёта вы от испуга говорить не могли? — вступил в разговор Чечин.

— Тогда, Виктор, нам было не до разговоров. Самолёт одномоторный, сухопутный, а под нами — открытое Баренцево море. Из всех курсовых приборов был только магнитный компас. И всё же мы задание выполнили...

— Мыс Челюскина запрашивает, когда будем над ними и есть ли им почта, — прерывает наши разговоры бортрадист.

— Передай, будем через сорок минут. Сброс почты произведём у ветровой электростанции. Возьми погоду.

Через пять минут бортрадист сообщил:

— Видимость в сторону моря два-четыре километра. Облачность десять баллов, со стороны гор надвигается стена тумана. Ветер южный.

— Южный? Почему южный, штурман? В море северный, а у них... Что у них, как у радиокompаса, сдвиг фаз, что ли?

— Уже дублировал запрос. Ветер, подтверждают, южный. Тянет с гор и гонит туман на станцию. Так что, Иван Иванович, прибавь газку, пока не закроет. Сам не поверил бы, но вспомни Новую Землю, их местный ветер бора всегда дует не в унисон общему направлению.

— Как не помнить! Новоземельская бора погубила экипаж лётчика Порция, сбросив самолёт с высоты в море. Чудом спаслись только наш Виктор и начальник полярной авиации Марк Иванович Шевелев.

— Так за каким дьяволом вы прёте на Челюскин? — громогласно рявкнул Чечин. — Я-то тренирован, а вы салаги, утонете в ледяной воде как цуцки! — Все дружно рассмеялись. В голосе Виктора было больше шутливых ноток, чем протеста, тем не менее Черевичный ответил:

— Дорогой Виктор Степанович, мы ценим твой опыт. Здешняя бора только слабое подражание новоземельской. Сотни раз мы приходили сюда, а зимой даже садились на лыжах. Так, чуть потрясёт, и всё. До горного хребта ведь около сотни километров, ветер, пока достигает побережья, теряет всю силу и не представляет опасности. Не так ли, штурман?

Спор затянулся. По существу, это был обмен знаниями, которых не найдёшь ни в одном учебнике. Кроме того, возбуждённые воспоминаниями, люди забывали об усталости...

Мы пересекали по диагонали самую широкую часть пролива, доходящую до 130 километров. При плохой видимости нам необходимо было нащупать гористый мыс Морозова острова Большевик, входящего в Северную Землю, и уже от него взять курс на Челюскин. Точная привязка маршрута к опознанным ориентирам — основное требование в ледовой разведке, жёсткое и обязательное.

— Внимание! Через три минуты мыс Морозова, — сообщил я.

Споры сразу прекратились. Молчаливо, до боли в глазах все мы всматривались вперёд, и только Саша Макаров, пристёгнутый ремнями к своему сиденью, невозмутимо стучал ключом Морзе, требуя очередную сводку погоды. Чёрная громада мыса вскоре проступила в серой мгле. Вершина скрылась в облаках, казалось, не самолёт, а эта почти отвесная стена неслась на нас, стремительно, с нарастающей скоростью, и, когда, наконец, на её фоне ясно обрисовался морской навигационный бело-чёрный знак, Черевичный спокойно в глубоком выраже отвернул машину.

— Курс! — сдержанно запросил он.

— Сто девяносто пять! Ветер попутно-боковой, путевая — двести сорок пять километров. Челюскин будет через тринадцать минут, — доложил я.

— Благодарим, штурман, за точный выход на мыс.

Сброшенный тюк с почтой лёг у ажурной металлической башни ветрового электродвигателя. Ветер потащил его к береговому обрыву, за которым вздымались гряды высоких торосов. Несколько человек бросились за ним, пытаясь перехватить. Секунды — и всё осталось позади, в белой мгле.

— Поймали? — спросил Черевичный, переживая за почту.

— Саша уже запросил, но радист ответил, что ему из окна радиорубки ничего не видно, всё под снегом. Как только узнает — передаст. Разворачивайся вправо. Курс — двести шестьдесят.

Идём проливом на юго-западный мыс острова Большевик, а оттуда — на Русский, где и закончим разведку.

— Пусть Саша возьмёт прогнозы и фактическую погоду Джарджана, Тикси, Чокурдаха.

— Иван Иванович, Тикси исключено, там без изменения. Ближе всех — Усть-Таймыр...

— Куда садиться, будем решать по получению сводок.

Однако, тактические соображения ледовой разведки требовали, чтобы мы произвели посадку в Тикси или в Джарджане — исходных позициях, откуда наиболее выгодно начинать новую разведку для идущих караванов. Спор решала погода. И когда при подходе к острову Русский Саша зачитал нам новые сводки фактической погоды, его слова были встречены бурными возгласами радости. «Тикси, Джарджан закрыты штормовой погодой. Чокурдах — ясно. Вас принимает. Усть-Таймыр на связь не выходит».

— Пойдём на Чокурдах через Усть-Таймыр. Необходимо узнать, почему он молчит, может быть, там что-то случилось... — со скрытой тревогой в голосе заявил Черевичный.

— Не думаю, Иван Иванович. Их там трое всего. Точка временная, и радист молодой. Возможно, не ладится что-то с рацией.

Над островом Русский стояла хорошая погода. Из жилого дома, занесённого снегом до труб, вышли зимовщики и помахали нам шапками. Сбросив им почту и поприветствовав качанием машины с крыла на крыло, взяли курс на Усть-Таймыр.

Передав управление второму пилоту, Черевичный вышел в штурманскую, где на большом столе лежала развёрнутая карта с нанесёнными условными знаками состояния ледовой обстановки.

— Здорово! Прямо-таки живопись... Сколько же километров мы прошли?

— Три тысячи пятьсот двадцать. Из них четыреста сорок, когда лёд не был виден из-за тумана.

— Вижу. Обозначено жёлтой штриховкой.

— Наверняка учёные Арктического института не преминут напомнить, что одиннадцать процентов даём брака.

— Брак? Да вывод каравана в сотни раз перекрывает эти проценты! — вскипел Черевичный. — И погоду не мы выбирали, так что, штурман, не горюй. — Озорно блеснув глазами и на ходу разминая уставшие от долгого сидения суставы плеч, он двинулся на камбуз, откуда вскоре послышался звон посуды.

— Чего это он? Проголодался, что ли? — спросил Виктор, спускаясь из своего отсека в навигаторскую.

— Восемнадцать часов высидел. Вот и шумит.

Высокий, худой и нескладный Виктор Чечин напоминал Дон-Кихота: с открытой душой и добрым сердцем, он постоянно сражался с «мельницами», попадая в нелепые истории. Но дело своё знал в совершенстве. Помню, как-то в конце очередной навигации, после проводки последнего каравана рассыпалась сложная фигурная шестерня в схеме изменения режимов винта гидросамолёта «Консолидейтед». Выход был один: оставить машину на зимовку в устье реки Лены, а самим на собаках и оленях добираться до Якутска. Но... Виктор за трое суток из куска стали вручную выточил эту злополучную шестерню, которая позволила нам долететь до Москвы.

— А мне кажется, командира вывел из равновесия твой жёлтый карандаш. Мог бы и не покрывать карту этим цветом, лёд, он везде стандартен, — не унимался Чечин.

— Стандартен, говоришь. Вот у тебя два мотора, одной серии, с одного конвейера, а сам не раз жаловался на левый, всё внимание уделяешь ему...

— Разнообразие льдов при их кажущейся схожести настолько велико, что если даже они зародились в одном море, в одних и тех же условиях, крепость их различна. А теперь представь, что под туманом льды совсем другого типа, более мощные... — развивал я тему.

Наш затянувшийся диалог прервал голос Черевичного, стоявшего в проёме открытого люка водонепроницаемой перегородки, которая отделяла штурманскую от кают-компаний.

— Прошу свободных от вахты к столу. Обед подогрет и подан. Симпозиум по навигационно-механическим проблемам продолжим за более приятным занятием.

Проверив последние параметры движения самолёта и внося поправки в компасы на изменение магнитного склонения и ветра, я присоединился к ним. Ели быстро, молча, так, как едят уставшие люди. Первым нарушил молчание Черевичный:

— Надо будет подменить вахту и решить вопрос, где производить посадку.

Погода явно улучшалась. Впереди, справа по борту, сквозь пелену облачности солнце то появлялось, то исчезало. Серая масса облаков ещё цепко держала его.

Усть-Таймыр по-прежнему не отвечал. Это тревожило. Необходимо было выяснить, что с зимовщиками. Но, не зная погоды, идя в облаках, мы ни под каким видом не могли снижаться в районе с высокими холмами предгорья.

— Что будем делать, штурман?

— Пойдём, как договорились, через Усть-Таймыр на Чокурдах. Если будут разрывы в облаках, снизимся и произведём посадку. Выясним, что у них, заправимся горючим, приведём в порядок машину, отдохнём часа четыре — и на исходную базу, на Лену, — высказал я свои соображения.

— А если акватория Усть-Таймыра будет закрыта? Так и не узнаем, что с ними. Вдруг беда какая?

— Внимание, весьма срочная с Диксона, — прерывает нас голос бортрадиста. — Читаю: «Борт Н-275 тчк Примите все меры выявления причины невыхода на связь Усть-Таймыра зпт случае ЧП окажите помощь тчк Получение подтвердите тчк Начальник штаба проводки Еремеев».

— Ясно, Саша. Передай, будем садиться, — испытующе глядя на меня, произнёс Черевичный.

— Вы что, крепость таймырских гор своими лбами хотите испытать? — хмуро, не скрывая возмущения и чувствуя реальную опасность, спросил Чечин.

— Ты не волнуйся. Подойдём, осмотримся, всё взвесим...

Вскоре мы были над расчётной точкой. Где-то внизу под плотной облачностью находился Усть-Таймыр — одинокий небольшой, но добротной

постройки домик, трое людей, катер и на самом берегу широкого плёса — штабели бочек бензина. Не раз мы здесь, окружённые гостеприимством хозяев, заправляли машину горючим, занимались профилактикой моторов, отдыхали, ловили в реке лососей, серебристую нельму. Но сейчас непроницаемая облачность отделяла нас от всего этого... Кружимся над ними уже двадцать минут. Они должны слышать шум моторов и выйти на радиосвязь. Но они почему-то молчат.

— А какова уверенность, что мы над ними? Шли же сюда вне видимости ориентиров и радионавигационных средств, могло снести ветром.

— От Русского сюда двести шестьдесят километров. Допускаю максимальную ошибку в два градуса, — вмешался я в разговор. — Это даёт отклонение девять километров, а радиус наших кругов — десять. Они обязательно должны нас слышать.

— А знаешь, штурман, — оживился Черевичный, — пошли назад...

— Понимаю, вернуться и, пробив облачность над морем, на малой высоте подойти к станции? Об этом я думал ещё при отходе от Русского, но надеялся на прогноз.

— Сколько от нас до берега Карского моря?

— По истинному курсу — двадцать два километра. Через шесть минут можно смело идти вниз.

— Тогда пошли, Саша, убирай выпускную антенну. Диксону сообщи — идём в море, откуда по руслу Таймыры подойдём к станции, где будем садиться.

— Не говори гоп, пока не сядешь, — переиначив поговорку, недовольно буркнул Чечин и полез в свою рубку на подмену Терентьева.

Через девять минут на высоте пятьдесят метров обледеневшая машина вышла из облачности и, круто развернувшись на 180 градусов, взяла курс к дельте реки Нижняя Таймыра. Видимость по горизонту не превышала двух километров. Берега не было видно, но по тому, что под нами появились сильно изъеденные, грязные льды, стало ясно: земля рядом.

— Следи внимательно за подогревом всасывающего воздуха карбюраторов, а то зачихают, как тогда в Чукотском море, — напомнил я Виктору случай, когда мы чуть не сели на вынужденную, прямо в зубы торосов.

Виктор сразу смолк. Чем опытнее специалист, тем острее переживает свою ошибку.

— Берег прямо по курсу, — крикнул я.

— Вижу. Отворачиваю влево, чтобы войти в русло реки.

— Добро. Не упускай видимость берега. Через семь минут станция.

Жёлтая полоса левого берега реки быстро наплывала на самолёт, но правый скрывался в туманной мгле. Лёд кончился. Широким многокилометровым потоком вливались в море пресные воды Нижней Таймыры из кристально чистого озера Таймыр. Под нами мелькнул низкий безымянный остров, а за ним, чуть правее на береговом урезе, на краю невысокого обрыва, мы увидели дом, мачту, на которой развевался флаг. Ниже бело-чёрный «колдун» — неотъемлемая деталь всех аэродромов того времени, — показывающий направление ветра. Самолёт с рёвом пронёсся над самой

крышей, но из дома никто не вышел. Не было видно и ездовых собак, обычно первыми встречающих машину.

— Зимовка пуста, — озабоченно произнёс Черевичный.

— Не вижу ни катера, ни шлюпки. Не за оленями ли отправились и застряли на охоте?

— Пошли на посадку, штурман, на земле всё прояснится. Саша, передай в Чокурдах — садимся, погода нормальная.

Через пять минут машина скользила по мутной поверхности реки к якорной стоянке. Предстояла последняя, но довольно канительная операция: подойти к бую — бочке, раскрашенной бело-красными полосами, и ошвартоваться. Эту операцию обеспечивал штурман при умелом маневрировании пилотом скоростью самолёта. Ветер, течение, волны обычно тащили обладающий большой парусностью самолёт к берегу, на камни. Нужно было выбрать, не упустить момент и точно накинуть стальную петлю на бочку, тут же выключить моторы, чтобы не сорвать буй с грунта. Было у нас и своё автономное якорное хозяйство, но, увы, оно не было рассчитано на беспокойный характер реки Таймыры. Помню, как два года назад, когда ещё не было здесь якорной стоянки, мы с лётчиком Евгением Николаевым, прилетев на двухмоторном гидросамолёте «дорньеваль», поставили его на свой якорь и спокойно легли спать. Утром самолёта не оказалось. Нашли мы его на мели в пятнадцати километрах ниже, к счастью, целым и невредимым.

При первом заходе ветер и течение выбросили нас в сторону крутого берега, но при повторном петля точно легла на кнехт бую, и моторы были выключены. Пока мы с Иваном Ивановичем тщательно проверяли крепления, Кляпчин и Терентьев накачали воздухом клипер-бот. Оставив их на самолёте, четверо отправились на берег. В доме на столе лежала записка: «Ночью унесло катер. Утром на шлюпке уходим на поиски. Предполагаем вернуться через восемь часов к следующей вахте. Забрали двух собак, продуктов на пять суток».

— Так... Одна вахта уже пропущена. Что-то не похоже на них.

— Сколько в баках осталось горючего? — спросил неожиданно Черевичный.

— На пять часов, — ответил озадаченный Чечин.

— Добавим тонну. Пойдём на поиски.

— Не унесло же их в море... Ведь заправка займёт не менее четырёх часов.

— Понимаю, Виктор, все устали. А если станцию закроет погода? Куда пойдём на остатках горючего? Подзарядка же нам гарантирует уход на Чокурдах.

Долгие годы совместной работы убедили меня, что Черевичный, как мастер шахматного поля, всегда заглядывал далеко вперёд и никогда не сжигал за собой мосты. Но он не ограничивал свою работу старыми инструкциями, составленными ещё для фанерных самолётов, не боялся вносить свою поправку, если на карту ставилась жизнь людей, если этого требовали интересы успешного плавания караванов. Но, увы, не все его понимали. И долго, очень долго ходила потом сомнительная слава «лихача» за этим

талантливым лётчиком-первопроходцем. И всё же требования быстро развивающейся жизни, наконец, показали его правоту. Говорят, запоздалая слава горька. Но это только для людей с холодными сердцами. Иван не был таким. С чистой радостью он принял высокую благодарность — Золотую Звезду Героя и с гордостью носил её на своей выдавшей виды кожаной куртке. Но всё это было потом. Пройдут долгие годы «сумасшедших» полетов, прежде чем придёт всеобщее признание...

Судьба исчезнувших людей, конечно, одинаково тревожила всех нас. Поиски были необходимы, и как можно скорее. Из-за отсутствия катера горючее пришлось перевозить к самолёту на клиперботе. При погрузке первой 300-литровой бочки лёгкий резиновый клипер не раз переворачивался. К счастью, глубина у берега не превышала метра. И всё-таки после нескольких попыток загрузка удалась. На таком вертялявом судёнышке мы вдвоём с трудом выгребли против ветра к якорной стоянке, а потом ручным насосом перекачивали бензин в баки крыла, расположенного выше уровня воды на три метра. Первый рейс с перекачкой занял полтора часа. Последующие три прошли более успешно, отняв у нас ещё четыре часа и уйму сил. Но когда Виктор потребовал доставить ему ещё двести литров масла, мы вежливо напомнили ему, что в шестом отсеке гидросамолёта имеется 200-литровая бочка отличного масла. Он уничтожающе посмотрел на нас с высоты моторов и своего роста и с подчёркнутой вежливостью отчеканил:

— Запомните, это неприкосновенный запас на случай посадки, где нет необходимой нам марки. Я не лезу в ваши лётные дела и прошу обеспечить меня маслом в указанном количестве...

— Лодка! Смотрите, лодка! — вдруг закричал он, протягивая руку.

Примерно в километре, где левый берег поворачивал к западу, на воде темнело пятно с ритмично вспыхивающими отблесками, похожими на взмахи вёсел.

— Точно. И трое людей, — рассматривая лодку в бинокль, проговорил Черевичный. — Но где же катер?

— Через час-полтора узнаем. Идут против течения и ветра. Надо дать дымовой сигнал. На фоне высокого берега самолёт, вероятно, им не виден.

Вскоре дымовая ракета с ярким оранжевым шлейфом повисла в небе. А через минуту ответным огнём над шлюпкой вспыхнул зелёный шар и медленно погас.

Когда шлюпка прибыла на базу, все собрались в столовой, где выслушали рассказ зимовщиков. Оказалось, ночью ураганный ветер сорвал катер с якоря. Как только улеглась штормовая волна, сели в шлюпку и пошли на поиски. Нашли катер на противоположном берегу реки, его выбросило на отмель. После многочасовых усилий удалось стащить катер с мели. Завели мотор и, взяв шлюпку на буксир, пошли домой. Под левым берегом, в семи километрах, наткнулись в мутной воде на незамеченный топляк и получили пробоину. Катер стал быстро наполняться водой, но всё же, заткнув стеганками пробоину, успели выброситься на пологий берег, где и занялись ремонтом. В это время зимовщики слышали шум моторов нашего самолёта, летевшего ещё за облаками. Догадавшись, что самолёт идёт к ним, оставили катер и на шлюпке пошли на базу.

— Вот и все наши злоключения, — виновато, со смущённой улыбкой закончил дядя Федя, старший зимовки. — Очень переживали за вашу посадку, не было уверенности, что ураган сохранил стоянку. А река, сами понимаете, бешеная, особенно когда дует южак.

— Но почему не оставили радиста? Знали же, что самолёт в воздухе. Поднялся переполох на всю Арктику. Это же ЧП! — не повышая голоса, говорил Черевичный.

— Двоим не выгрести. Надеялись, что до следующей вахты успеем вернуться. Не рассчитали, вахту пропустили, — виновато отозвался старший. — Просили ведь четвёртого сотрудника. Отказали. Редко, мол, будут самолёты.

— Ладно, всё, — взмахнул рукой Черевичный. — Отчитываться будете перед начальством. А сейчас ужин — и всем отдыхать. Завтра решим, как вызвать катер. Без него станции нет.

Дом не был рассчитан на ночёвку всего экипажа. Черевичный, Чечин и я отправились на самолёт, где были две подвесные койки и огромный, как мы его окрестили, «двухспальный стол» навигатора. Остальные остались в доме.

Затихла и река. В воздухе заметно потеплело, и с южным тёплым ветром ворвались к нам тучи комаров. Этих дьявольских насекомых мы называли «двухмоторными пикировщиками».

Задрав все люки, я принялся уничтожать эту назойливую свору.

Тянуло ко сну, но постепенно расшифровка записей полёта отогнала сон. Через три часа работы донесение было готово для передачи по радио в штаб проводки, в Москву и Ленинград.

С трудом растолкав Черевичного, попросил подписать составленное донесение. Теперь это был официальный документ, который поможет учёным и капитанам строить свои прогнозы и решать, как поступить дальше, как продолжать навигацию, чтобы обеспечить побережье и острова Арктики всем необходимым для жизни.

— Давай, Иван, досыпай. Депешу сейчас отвезу на берег. Чую, завтра, если будет погода, нам дадут указание повторить маршрут.

— Почему? В донесении всё ясно.

— Не всё. Туман много скрыл от нас. А ты что натягиваешь сапоги? Ложись.

— Не могу тебя оставить одного с такой ценной грамотой... Смотри, солнце проглядывает.

Радист нас встретил ворохом радиограмм. Это была фактическая погода зимовок, островных и береговых. Но все они были малоутешительными. Начиная от меридиана мыса Неупокоева на востоке до пролива Лаптева — во всём огромном районе продолжал свирепствовать глубокий циклон. Зато к западу от Неупокоева на всей акватории Карского моря и побережья до меридиана Новой Земли стояла прекрасная лётная погода, сформированная антициклоном с центром над островом Уединения.

— Все ясно, мой дорогой штурман. Пошли отсыпаться. На запад задания у нас нет, а на востоке продолжает разгуливать циклон. Думаю, вторично при такой погоде разрешение на полёт нам никто не даст. Караван молчит, значит, идут нормально и вот-вот пробьются на разреженные льды.

— Михаил, — обратился я к радисту, — как можно скорее передай наше ледовое донесение, а если нам будет новая РД, немедленно буди.

...Проснулся я от скрежета по корпусу гидросамолёта и лязга цепей. Быстро выскочив, открыл верхний люк. Ослеплённый на какой-то миг яркими лучами солнца, увидел пришвартованную шлюпку и по спущенному трапу поднимающегося на палубу гидросамолёта радиста зимовки.

— Вам срочная РД из штаба морских операций, — балансируя на узкой покатой палубе, размахивал Михаил бланком радиограммы.

— Какого чёрта так причаливаете? Что это вам, баржа? Три миллиметра толщина корпуса. Пробьёте, как папиросную бумагу, — заглушая голос радиста, Чечин кричал из иллюминатора своей кабины.

— Срочная... — передал Михаил мне листок бумаги.

— Чего это расшумелись?! — заговорил Черевичный, натягивая кожаные брюки. — Что, уже новые сутки?

— И новое задание, Иван Иванович. Слушайте: «Борт Н-275 Черевичному Аккуратову тчк Первой погодой дайте состояние ледовой обстановки по маршруту Усть-Таймыр — Русский — Краснофлотские острова — мыс Оловянный — остров Домашний — остров Уединения — Диксон тчк Караван ледокола «Иосиф Сталин» вышел в разреженные льды тчк Благодарю отличную разведку сложной погоде...»

Штурман Валентин Аккуратов

Александр Михан

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Документальный рассказ Анатолия Григорьева
«Экзамен перед грозой»

По бетонной полосе, включив дальний свет и сирену, мчалась пожарная машина. Не успели скрыться во мгле её рубиновые огоньки, как с разных концов аэродрома с глухими хлопками взметнулись в небо разноцветные ракеты.

Со стороны могло показаться, что произошла беда, но в авиационном посёлке, расположенном рядом с аэродромом, было тихо; его жители уже привыкли, что так распугивают в окрестности птиц, чтобы не допустить их столкновения со взлетающими или садящимися самолётами. В штабных документах это мероприятие значится как «орнитологическое обеспечение полётов...»

Несмотря на то, что солнце скрылось и темнота начала сгущаться, на море ещё чётко просматривалась линия горизонта — такое время моряки и морские лётчики называют навигационными сумерками. В эти сумеречные минуты, заполняя округу рёвом двух могучих турбин, на предварительный старт вырулил учебный бомбардировщик с цифрами 70 на серебристом теле фюзеляжа. За штурвалом воздушного корабля сидел капитан Ентальцев. На этом типе самолёта он отлетал немногим больше года и поэтому считался молодым, хотя за его плечами было несколько лет полётов на ракетоносце и на груди красовался значок лётчика первого класса. Но по годам Ентальцев был и на самом деле молод...

Внешне капитан казался уверенным в себе и всё-таки, чувствовалось, волновался. Ему хотелось сдать технику пилотирования без единого замечания. Экзамен в воздухе принимал командир эскадрильи майор Постонов, судья взыскательный и строгий, летавший, по выражению лётчиков, «как бог». Видимо, Ентальцев понимал, что в воздухе от майора не укроется ни одна мелочь, ни одна неточность, и поэтому сдать ему на «отлично» все

элементы полёта, да ещё без замечаний, будет непросто. Строго, очень строго относился к своим подопечным комэск, но это нетрудно было понять: малейшая оплошность в небе может обернуться бедой.

— Штурман, читай карту! — раздаётся команда Ентальцева в наушниках переговорного устройства.

— Есть, командир! — Старший лейтенант Зиядханов, удобно устроившись в своём кресле, разворачивает карту предстартовых проверок и чётким голосом называет пункты.

Лётчик докладывает об исполнении — все переговоры пишутся на магнитную ленту.

Майор Постоногов внимательно вслушивается в диалог командира и штурмана.

Убедившись, что первая часть проверок выполнена, капитан Ентальцев запрашивает руководителя полётов:

— «Янтарь»! Я — «семидесятый», прошу исполнительный!

— Я — «Янтарь»! Исполнительный «семидесятому» разрешаю!

«Туполев», урча турбинами, раскачиваясь своим длинным телом на неровностях бетона, подходит к взлётной полосе...

...«Туполев», несмотря на мёртво держащие тормоза, ползёт вперёд по бетонке. Ентальцев плавным движением убирает их, и освобождённая машина буквально прыжком устремляется по полосе.

Штурман сразу же, глядя на прибор, начинает докладывать командиру скорость самолёта. Внимание лётчика сосредоточено целиком на управлении, и помощь штурмана весьма кстати.

— Пора! — Мускулистые руки капитана Ентальцева плавно выбирают штурвал на себя. Задрав к небу нос, «Туполев» отрывается от земли.

Наблюдая за штурвалом и педалями в своей кабине, майор Постоногов отметил про себя, что взлетел Ентальцев отлично. И вдруг... Кстати, в авиации всё бывает «вдруг». Вдруг по фюзеляжу машины словно кто-то ударил гигантской метлой — раздался ряд одновременных глухих ударов. Что такое?

— «Янтарь»! Я — «семидесятый»! На взлете имел столкновение с несколькими предметами. Полагаю, что с птицами, — услышал в наушниках командир эскадрильи доклад, адресованный руководителю полётов.

Высота мизерная, с нее даже нельзя катапультироваться. Майор ждёт: что будет делать лётчик? Капитан Ентальцев удерживает угол набора высоты, убирает закрылки, но шасси убирать не стал. «Правильно, — подумал комэск, — может быть повреждена гидросистема, и потом их не выпустишь».

Переговорное устройство донесло голос «Янтаря»:

— «Семидесятый», особое внимание приборам, контролирующим температуру, давление масла и расход топлива. Как понял, «семидесятый»?

— Понял! Я — «семидесятый».

Убедившись, что приборы работают безукоризненно, Ентальцев доложил об этом руководителю полётов и получил разрешение набирать высоту до тысячи метров. На аэродроме в это время готовились к приёму аварийной машины — ничто не должно мешать ей во время посадки.

«Туполев» уже пересёк береговую черту и оказался над морем. Штурман Зиядханов, в воздухе очень собранный человек, несмотря на занятость, сквозь остекление кабины рассматривал белые барашки волн, как в это время его чуткий слух уловил, что правая турбина «поет» как-то не так. Вроде бы к её органной ноте примешивается несильный, но посторонний звук. Верный многолетней привычке обо всём докладывать командиру, Зиядханов поделился своими сомнениями с Ентальцевым.

— Всё нормально, штурман, — ответил капитан, но подумал про себя, что штурман, похоже, прав. Следя за их разговором, майор тоже прислушался к работе правой турбины. В самом деле, двигатель работал необычно — чужие звуки в нём становились всё отчётливее.

И лётчик и инспектор чаще, чем обычно, косились на правую сторону своих приборных досок...

Вот и высота, заданная руководителем полётов. Капитан Ентальцев с небольшим креном разворачивает машину на курс. Майор Постоногов видит, что движения лётчика очень мягкие и даже осторожные, как будто на борту раненый и грубым маневром ему можно причинить боль. Комэск про себя усмехнулся: «А ведь и в самом деле раненый. Только не человек, а бомбардировщик».

А капитан Ентальцев решал задачу: как быть дальше? «Может, аварийно слить в море горючее и сразу идти на посадку? Не совсем подходит — к чему пачкать море, когда двигатели ещё тянут? Надо продержаться подольше в воздухе, чтобы выработать горючее, а потом можно и садиться».

Море под «Туполевым» отнюдь не пустынно: сквозь бархат ночи хорошо видны красно-зелено-белые навигационные и отличительные огни транспортных и рыболовецких судов.

Старший лейтенант Зиядханов периодически докладывает командиру о месте нахождения бомбардировщика и снова вслушивается в ведомые ему одному сигналы радиомаяка. Все расчёты он делает не мешкая, без сучка и задоринки.

Прошло тридцать минут полёта, и только тогда капитан Ентальцев вспомнил, что его проверяет командир эскадрильи. «Странно, — подумал он, — до сих пор не получил ни одного замечания. Может, отказало переговорное устройство?» На всякий случай Ентальцев запросил:

— Товарищу майор? Вы меня слышите?

— Всё в порядке, капитан. Если что будет не так, я подскажу.

Впереди оставался последний разворот, после которого можно будет строить расчёт на посадку.

— Как температура масла и расход топлива? — снова в который уже раз запрашивал руководитель полётов.

— Всё в норме!

В норме-то оно в норме, но с правым двигателем явно неблагополучно. Посторонние звуки в турбине усиливаются, и это вызывает неприятное чувство. Майору Постоногову, отлетавшему на этом типе бомбардировщика несколько лет, уже давно стало ясно: правая турбина неисправна, да и левая не протянет долго. Комэск хранит молчание, чтобы своим авторитетом не навязать Ентальцеву решения. Для Постоногова важно, чтобы

опыт был чистым. Как себя будет вести его подопечный? Ведь ситуация незапланированная. До сих пор Ентальцев всё делал правильно, а что будет дальше?

До последнего разворота оставалось три минуты, когда капитан Ентальцев обратил внимание на то, что по лобовому стеклу мелькнула ломаными зигзагами голубая змейка, потом другая, третья... Стекло словно засветилось, зафлюоресцировало неровным голубым светом и погасло. Ещё одно незапланированное испытание. Ентальцев сразу сообразил: невинная шутка атмосферного электричества. В наушниках усилился «шёпот звёзд» — так иногда летчики называют шорохи от атмосферных помех. Всё понятно: собирается гроза.

Последний поворот для захода на свой аэродром. Постоногов сосредоточил внимание на том, как ходят задублированные органы управления. Движения лётчика плавны и отточенны. «Молодец, Ентальцев! Держит себя в руках, не волнуется».

После разворота — доворот. В наушниках доклад Зиядханова:

— До полосы одиннадцать километров.

Рука капитана Ентальцева привычно нащупала кран выпуска закрылков. Момент тревожный: выпустятся или нет? Всё в порядке — вышли. И сразу обратил внимание, что в правой турбине усилился посторонний звук. Скосил глаза на приборы: стрелки покоились в самых благоприятных положениях.

— Командир, слышал? — спросил штурман.

— Слышал! Но приборы пока в норме.

И опять майор Постоногов не принял участия в переговорах экипажа. Он думал о Ентальцеве. Всего лишь полтора года служит у него в эскадрилье этот офицер, а авторитет у него как у ветерана. И летать любит до самозабвения. С удивлением майор Постоногов ловит себя на мысли, что ему хочется подбодрить лётчика, сказать ему несколько слов, не относящихся к службе. Вроде того, что он, Валерий, хороший парень и вообще хорошо, что Ентальцев попал к нему в эскадрилью. С трудом майор сдержал в себе это желание: не время для таких разговоров.

С выпуском закрылков скорость бомбардировщика заметно снизилась. Постоногов по-прежнему пристально наблюдает за показаниями приборов и за движениями двоящихся органов управления. Данные приборов успокаивающие, но майор ждёт: правая турбина вот-вот откажет — в её работе уже появился металлический треск... Вроде бы надо было остановить турбину и садиться на левой. Да ведь и левая дышит на ладан. Пожалуй, Ентальцев прав: нужно тянуть на полосу, пока работают оба двигателя... Майор вслушался в левую турбину и даже немного позавидовал Ентальцеву. Тот занят привычным делом, которое само по себе отличное средство от всяких недобрых мыслей.

В наушниках экипажа прозвучала серия звонков низкой тональности, и на приборной доске замигала красная лампочка. Это дальний маркер, означавший, что до посадочной полосы дистанция четыре километра. Звонки штурман дублирует голосом:

— Дальняя! Высота... Скорость...

Капитан Ентальцев запросил руководителя полётов:

— Я — «семидесятый»! Прошу посадку!

— Я — «Янтарь»! «Семидесятому» посадку разрешаю. Как двигатели?

— В пределах нормы, — ответил Ентальцев. И ни звука о своих сомнениях...

В затемненном помещении командно-диспетчерского пункта работает целый расчёт. На специальных планшетах операторы при помощи приборов проверяют правильность захода «семидесятки» на посадку. Седой подполковник, руководитель полётов, наблюдает за посадочной глиссадой. Машина Ентальцева точно вписывается в неё, не отклоняясь ни на йоту ни в сторону, ни по высоте.

— Полоса свободна, — доложил вполголоса помощник руководителя полётов.

Из командно-диспетчерского пункта хорошо видно, как с одной стороны полосы зажглись бело-голубые лучи прожекторов. Бетонка, залитая светом, приглашает, как гостеприимный хозяин в дом. В наушниках зазвонели звонки высокого тона, и опять замигали красные лампочки на пультах у экипажа. Штурман доложил высоту и скорость, которую он теперь будет докладывать постоянно.

«Туполев» пересек луч первого прожектора — это ещё не начало полосы, а точка прицеливания, к которой Ентальцев вёл свою машину. Вот второй прожектор. Левая рука убавила обороты турбин, и одновременно штурман произнёс:

— Полоса!

Как только Ентальцев убрал обороты, в правой турбине раздался резкий удар металла о металл. «Даже если и откажет турбина, то в любом случае Ентальцев посадит свой самолёт, — подумал Постоногов. — Вот она, полоса, под нами».

Быстро промелькнули и третий и четвёртый прожекторы. Высота один метр. Момент самый ответственный: теперь всё в руках лётчика. «Туполев», как говорят опытные лётчики, «повис» на штурвале у Ентальцева. Капитан гасит скорость машины и плавно притирает её к земле. Руки лётчика... Сколько умов ни ломали голову, но до сих пор нет ни одного прибора, который мог бы их заменить. Не в воздухе, нет! А над землёй, когда машина находится совсем рядом от неё.

Мягкий толчок. Майор Постоногов мгновенно отметил про себя: тележки шасси сдвоились. Машина побежала на тележках, и её стало немного потряхивать на неровностях. Нос бомбардировщика при пробеге начал медленно опускаться. Капитан Ентальцев на штурвале нащупал знакомую кнопку выпуска парашюта. Через секунду тело самолёта задрожало от напряжения, словно гигантская сила схватила его за хвост. Ентальцев левой рукой вывел на себя рукоятки управления двигателями и затем обеими отжал штурвал от себя...

В момент перехода двигателей на холостой ход весь экипаж услышал металлическое лязганье: в правой — сильное, в левой — слабое.

Как только бомбардировщик освободил полосу, возле него сразу же собрались специалисты полка. Первым из машины вышел майор Посто-

ногов, за ним Ентальцев и последним штурман. Майор расстегнул «молнию» реглана и снял шлем. Вечерняя прохлада приятно охватила разгорячённое тело. Ентальцев сделал то же самое.

— Валерий Леонидович, пройдёмте в курилку, здесь, похоже, и без нас разберутся, — майор положил руку капитану на плечо.

Капитан Ентальцев, как это заведено в авиации, ждёт разбора полёта, и ему не терпится услышать замечания. Такое чувство бывает у экзаменуемого.

Майор Постоногов довольно долго раздумывал: как ему начать разговор с Ентальцевым? Наконец, решился:

— Вот что, Валерий. Сегодня технику пилотирования проверял не я, а сама жизнь. Она, как известно, самый строгий судья. Лично я по всем элементам проверки ставлю тебе «отлично». — Постоногов взял у Ентальцева полётный лист, поставил оценку, вывел свою размашистую подпись.

— Вёл себя и машину в воздухе безукоризненно. Одним словом... — майор выпрямился и протянул руку капитану, — благодарю за службу.

— Служу Советскому Союзу! — ответил капитан Ентальцев. Его растрогал необычный мягкий тон строгого командира эскадрильи.

— А теперь пойдёмте, Валерий Леонидович, и полюбуемся на машину. Как её птички разделили?

«Семидесятка» была буквально облеплена техническим персоналом, который проверял в это время её приборы и системы. Серебристое тело бомбардировщика было в кровавых потёках. Одна из птиц пробила щиток с цифрой 70, прикрывающий при уборке носовое колесо. Воздух, проходя через это отверстие, переходил в резкий свист, так всполошивший обитателей авиационного посёлка.

К самолету подъехал «газик» начальника штаба полка:

— Где тут наши молодцы?

Лётчики вышли навстречу подполковнику:

— Действовали правильно! Буду ходатайствовать о вашем поощрении.

К лётчикам подошёл «наземный» хозяин «семидесятки». Лицо старшего лейтенанта было испачкано гарью:

— Правая турбина заклинила при остановке, да и левую тоже нужно менять, на малом газу слышен звук металла...

Майор Постоногов улыбнулся:

— Выходит, вовремя сели, ещё чуть-чуть — и была бы тебе очередная вводная: отказ двигателя.

Лётчики пошли к зданию штаба. На кромке газона под фонарём в линию были выложены разбитые тушки чаек. Рядом с лётчиками остановился офицер из штаба:

— Здесь восемьдесят пять штук. А сколько погибло в турбинах и размазалось по фюзеляжу?

— Вот тебе и пернатые, — высказался майор Постоногов. — Сами с кулак величиной, а чуть машину не угробили.

Командир эскадрильи и капитан Ентальцев встретились взглядами.

— Да откуда птицы на полосе взялись? — задумчиво произнёс Ентальцев. — Хоть убей, не могу понять...

- Голубое свечение на лобовом стекле кабины помнишь?
- Конечно.
- Ну и к чему это явление?
- К грозе. Воздушные слои насыщены электричеством.
- Ну а теперь смекай дальше: что в таких случаях делают птицы?
- Всё ясно, командир. Перед грозой пернатые жмутся к берегу.
- А вот и второй вопрос тебе: кто у нас живёт у второго посадочного прожектора?
- Аисты.
- Верно! Они живут там пятнадцать лет. И хоть один аист столкнулся с самолётом? Так вот. Аисты — местные и прекрасно знают особенности нашего аэродрома. А вот пришлые чайки поплатились за свою беспечность...

БУДЬТЕ ЛЮБЕЗНЫ

ГЛАВА 1

Анастасия ехала последним рейсом автобуса и полностью погрузившись в свои мысли не заметила, как за ней наблюдали двое мужчин сомнительной внешности. Один подмигивал другому и при этом что-то шептал на ухо своему товарищу, а тот в ответ утвердительно кивал и покручивал усы. Как только автобус остановился на конечной, Анастасия вышла и быстро направилась к ближайшей девятиэтажке, в которой она и проживала. Девушка совсем не обратила внимания на то, что следом за ней, точно таким же быстрым шагом следовали и те двое из автобуса. Они постоянно оглядывались по сторонам, а когда девушка скрылась за кустарником, перешли на бег.

— Что вам нужно? Отпустите меня! — произнесла дрожащим голосом Анастасия.

— Тихо, тихо не кричи, милаха, и не дергайся, а то можно об ножичек порезаться, — сказал усатый мужчина, схватив девушку одной рукой за горло, а второй поднеся сверкнувшее лезвие ножа к щеке девушки.

— Вот и умница, с тебя не убудет, — прохрипел второй и быстро начал связывать ноги девушки заранее приготовленным куском веревки.

Сердце у Анастасии забилося так быстро от волнения, что уже было готово выпрыгнуть из груди, как вдруг позади них кто-то нарочно громко кашлянул.

— Добрейшего вечерочка вам молодые люди, — проскрипел голос пожилого человека.

— Дед, тебе чего? — не оборачиваясь, ответил усатый.

— Да, дед, шел бы ты к своей старухе, пока цел! — подтвердил второй.

— Будьте любезны, молодые люди, оставьте девушку в покое и ступайте своей дорогой! — невозмутимо ответил пожилой человек.

Усатый резко оттолкнул девушку в сторону, глубоко вздохнув.

— Сам виноват! Напросился, старый!

Быстрым шагом приблизился к старику, вдруг резко упал на землю, как подкошенный, схватившись за живот.

— Будьте любезны, — повторил старик. Но его слова не возымели никакого эффекта на второго. Тот бросился на помощь своему товарищу, который скорчился от боли и тихо стонал на земле. И не добежав несколько шагов, так же упал, как и его друг, только в отличие от того, больше не шевелился.

— Будьте любезны, — прошептал старик и спрятал в карман пальто пистолет с глушителем.

ГЛАВА 2

— Так как выглядел этот старик? Ты можешь толком рассказать или нет? — обратился к Анастасии полковник полиции Николаев.

— Как, как? Как старик, выглядел. Седой весь, брови и усы седые. Шляпа, пальто черное. Он меня еще до дома довел. Вежливый такой весь, сразу видно, что интеллигент.

— Интеллигент, говоришь? А что он одного уколошил, а второго калекой оставил — это как? Мне еще престарелого Робин Гуда в моем городе не хватало только! И это перед выборами мэра!

— Так они первые напали, они меня хотели... — начала было Анастасия.

— Хотели они ее! Кричать нужно было, а не молчать! Для чего у меня патруль в этом районе день и ночь дежурит? Я не позволю заниматься самосудом на вверенном мне округе! Да и где он оружие достал? Тут уже несколько статей на него есть! Ничего, всех пенсионеров на уши поднимем, а этого из конницы Буденного, как пить дать, найдем.

— Зря вы так, если бы не он, я бы может здесь уже и не сидела, — почти шепотом произнесла Анастасия и с неприязнью посмотрела на полковника.

ГЛАВА 3

Сергей загрузил свою девятку под самую крышу. На даче после зимы ничего из вещей не было, поэтому и жена, и дети брали все, что можно. Коробок, пакетов и сумок было так много, что машина издалека походила на навьюченного верблюда, которого собирали для дальнего перехода по Шелковому пути.

— Ну что? Всё взяли? — окинув взглядом крепление багажа на крыше машины, спросил у своих домочадцев глава семейства.

— Да, папа, — ответили дети.

— Тогда в путь, — Сергей переглянулся с супругой и, улыбаясь, завел машину и выехал со двора.

Внимание Пал Пальча привлекли крики, которые раздавались недалеко от перекрестка. Старенькая девятка, полная домашней утвари и мелких ребятишек, стояла у обочины, а перегородив ей дорогу стоял здоровенный джип с мигающими поворотниками. Высокий и постриженный налысо мужчина в кожаной куртке, видимо водитель джипа, что-то кричал другому мужчине, яростно жестикулируя руками, периодически хватая того за грудь и толкая перед собой.

— Я ехал по правилам, — слышно было, как оправдывался мужчина перед здоровяком. — Это вы меня должны пропускать, а не я вас.
— Ты мне бампер поцарапал, — ревел лысый водитель джипа. — Ты попал, мужик! Я тебя сейчас научу правилам, если ты, лох, до сих пор не понял, с кем имеешь дело.

Позади машин раздался кашель и слова:

— Будьте любезны!

Водитель джипа на миг оглянулся, и увидев невысокого старика в шляпе и черном пальто, вновь продолжил трясти уже побелевшего от страха мужчину.

— Будьте любезны, оставьте в покое этого человека. Отпустите его и поезжайте своей дорогой.

Но эти слова еще больше разозлили водителя джипа и он выхватил из кармана травматический пистолет и направил в сторону старика:

— Да заткнись, старый!

Но тут же рука его разжалась, лицо исказилось от боли, а травматический пистолет упал на дорогу. Из ладони, которая только что держала рукоятку оружия, потекла кровь. Он оттолкнул водителя девятки, в ужасе посмотрел на старика. Тот стоял, как ни в чем не бывало и держал в правой руке носовой платок, из-под которого выглядывало нечто, напоминающее ствол пистолета с глушителем.

— Будьте любезны, — повторил Пал Палыч.

— Да ты, дед, не жалец! — после минутного замешательства заревел водитель джипа.

Но старик, казалось, не обращал никакого внимания на его угрозы, а слегка приподняв шляпу обратился к Сергею, водителю девятки:

— Счастливого пути! Мы вас не задерживаем!

Тот быстро сел в машину и, не оглядываясь, поспешил быстрее покинуть это место.

— Того, кто не хочет ездить по правилам, будут возить по правилам. Будьте любезны, запомнить это, — обратился к лысому здоровяку Пал Палыч.

— Да пошёл ты знаешь куда! — прозвучал ответ водителя джипа, но после этих слов он вдруг резко замолчал и упал на асфальт.

ГЛАВА 4

Виктор отпросился сегодня пораньше, завтра его дедушка уезжает и ему хотелось побольше побыть со стариком. Он уже закончил почти все дела, как из окна увидел, что к их конторе подъехало несколько микроавтобусов, а из них в черных куртках с надписью Охрана выбежало два десятка человек. Люди в черном быстро заблокировали все входы и выходы из здания, а один из них с папкой под рукой в окружении самых крепких вошёл вовнутрь.

— Ревизия! — услышал полный сарказма голос на первом этаже Виктор. — Всем покинуть здание. Быстрее, быстрее.

Виктор вышел в коридор и увидел как, заломав руки директору, несколько человек в масках потянули того в кабинет. Парень недолго думая, бросился на помощь. Он подбежал к нападавшим и в прыжке ударом с ноги обезвредил одного, потом кулаком в челюсть другого. Но внезапно сильный удар по затылку вырубил его самого, и парень упал на турецкий ковер в приемной без сознания, прямо тому под ноги.

— Жаль, что он не на нас работает, — услышал сквозь туман в голове Виктор. — Давно такие безбашенные мне не попадались.

Пал Палыч, прогуливаясь, незаметно подошел к месту работы своего внука и, желая сделать тому приятное, решил зайти и поздороваться, и заодно посмотреть, где и кем тот работает. Но уже у входа в здание его окликнули двое здоровенных мужчин в черных куртках с надписью на спине Охрана.

— Фирма сегодня не работает, — произнес один из них.

— Приходите в другой день, — подтвердил слова напарника другой охранник.

— Да я внука навестить, он у меня тут программистом, — начал было Пал Палыч, как вдруг увидел за стеклом потасовку. — Что тут у вас происходит?

— Не твоего ума дело, старик, — голос охранника изменился и один из них откинул подол куртки, показывая на кобуру с пистолетом. — Сказано вам, приходите в другой день.

Но старик, оглянувшись по сторонам, лишь закашлялся и достал из кармана большой платок:

— Будьте любезны, уважьте старика. Что вам стоит меня пропустить к внучку.

— Сейчас уважим, — ответил один из них и снял с пояса небольшую черную дубинку. — Что же ты такой непонятливый? — Но больше он ничего не успел сказать, как схватившись за ногу, покатился по ступенькам.

— Будьте любезны, — повторил старик.

— Все сюда! — успел крикнуть по рации второй, но через секунду тоже съехал по стене.

Из микроавтобуса выскочили четыре человека и бросились в сторону Пал Палыча.

— Будьте любезны, — прошептал старик и развернулся в их сторону.

Через секунду все четверо лежали на траве без каких-либо признаков жизни.

— Вот тебе раз, я думал такое только по телевизору говорят, а здесь рейдерский захват во всей красе. Однако бардак, сейчас все уладим.

Пал Палыч зашел внутрь помещения и громко крикнул: — Виктор, к тебе дедушка пришел. Гостинцев принес!

ГЛАВА 5

— Ну вот и попался, видео с камер наблюдения у нас. Да мы знаем, кто он и где сейчас может находиться. Так точно! По-тихому? Не вмешиваться? Понял, всё понял! — и полковник положил трубку и, посмотрев на карту города, произнес. — Вот принесла тебя нелегкая, старик, в наш город. Столько шуму из-за тебя! Мне все показатели обнулил.

Затем подошел к телефону и набрав своего зама сказал:

— В Заводском районе сегодня работать будут по нашей проблеме. Скажи своим, чтобы не лезли. Да, не нашего это ума дело. Там и без нас разберутся. Периметр только держите, да, правильно понял.

Полковник посмотрел на мониторе компьютера на личное дело Павла Павловича Скуратова.

— Вот тебе и старик!

Напротив фотографии мужчины в мундире с орденами и медалями стоял большой квадратный штемпель «Совершенно секретно». А предложения под фото тщательно замазаны черным маркером.

К дому Виктора подъехал небольшой автофургон и остановился буквально напротив ворот. Затем с другой стороны подъехала еще одна машина и остановилась, не заглушив двигатель. Пал Палыч разговаривал по телефону со своим внуком, наблюдая в окно за передвижением техники, произнес:

— Тут ко мне гости пожаловали. Я чуть попозже тебя наберу. Сейчас гостей встречу и буду свободен. Не волнуйся так, все будет хорошо. Я обещаю.

К двери дома мелкими перебежками, стараясь не привлекать внимания, приблизились три спецназовца. Первый держал бронежилет, второй прикреплял к замку взрывчатку, а третий держал окна на прицеле.

Вдруг из-за двери раздался голос:

— Будьте любезны, возвращайтесь к своим. Ничего у вас не получится.

От неожиданности бойцы отскочили от дома и открыли огонь, изрешетив пулями все полотно. Как только патроны у них закончились, раздалось три хлопка за дверью и все трое, взыв от боли, схватились за ноги.

— Будьте любезны, — прозвучал все тот же голос, только уже в нем были слышны металлические нотки негодования.

— Назад, все назад! — раздалась команда командира, и трое спецназовцев медленно начали отползать от дома.

ЭПИЛОГ

В придорожном кафе по телевизору шли новости, и бармен, желая их услышать, сделал громкость телевизора на максимум, так как из-за шума посетителей ничего не было слышно:

— Сегодня в Заводском районе ликвидировали главаря преступной группировки и его банду. Пришлось вызывать спецтехнику и сровнять дом с землей, так как бандиты были хорошо вооружены и оказывали яростное сопротивление. С нашей стороны потерь нет, только были ранены трое бойцов. Операция в целом прошла успешно.

За последним столиком сидела компания изрядно выпивших молодых людей, которые вели себя очень шумно и всячески своим видом показывали официанту, что не будут рассчитываться за заказ. Они бросали в него остатками еды и провоцировали на конфликт, который как им казалось, был бы прекрасным завершением вечера.

Вдруг к ним подошёл пожилой мужчина, опираясь левой рукой на трость, и довольно-таки тихо произнес:

— Будьте любезны, рассчитайтесь с официантом и покиньте заведение.

Смех и громкие вопли сразу оборвались и до этого шумная компания с ужасом уставилась на старика. Тот был одет в черное пальто и шляпу, левая перевязанная рука опиралась на трость, а правая находилась в кармане пальто, из которого в их сторону что-то подозрительно торчало.

— Будьте любезны! — повторил незнакомец.

— Да, да отец! Ты чего? Мы просто пошутили. Уже и пошутить нельзя что ли?

Молодые люди пулей выскочили из кафе, даже не забрав сдачу, а пожилой мужчина достал из кармана портсигар и, открыв его, взял сигарету.

— Огоньку? — поднес горящую зажигалку к мужчине в знак благодарности официант.

Мужчина окинул взглядом примолкших остальных посетителей и тихонько произнес:

— Если вас не затруднит. Будьте любезны.

2019

СПАСИТЕЛЬ (отрывок)

Артур несколько раз проверил выходные данные и облегчённо вздохнул. Бахта скоро заканчивается, три года пролетели, как один день, скоро прилетит транспорт, и он покинет навсегда эту холодную планету под названием Луна-410. Луна-410, как и остальные несколько Лун, медленно вращались вокруг огромной планеты Зевс, правда по таким немислимым траекториям, что учёные, когда впервые их открыли, сразу не поверили, что такое в принципе возможно.

Залежи кобальта — серого металла, единственное, что гонит сюда людей, его огромные месторождения не дают покоя ни Совету Федерации Планет, ни военным, ни контрабандистам. Но последним двум не под силу его добыча, а вот конфискация барж или просто грабёж с рейсовых линий целой флотилии, это можно. Но в последнее время Совет Федерации Планет настолько активизировал защиту, что военные хоть и имели численное преимущество в космосе, старались всё-таки покупать руду, так как после десятка рейдерских захватов, им пригрозили втрое урезать финансирование. А что касательно космических пиратов, то несколько заминированных челноков, надолго отбили охоту уводить их на свои базы. Так как из десяти известных мест перевалки грузов, в целости осталось четыре. И подсчитав убытки, грабители поняли, что кобальт не стоит тех денег, в какие обходится возня с ним.

Артур, удостоверившись, что последняя в этом месяце баржа покинула планету, решил по такому случаю выпить чашечку настоящего кофе. Был у него НЗ (неприкосновенный запас) для таких торжественных случаев и вот сегодня, похоже, этот самый случай и настал. Мужчина со знанием дела насыпал в кружку несколько ложек молотых зёрен и, улыбаясь себе словно только что выиграл в галактическую лотерею прогулочный катер-звездолёт, начал негромко петь песню. Разглядывая через небольшой иллюминатор огромные крутящиеся механизмы на руднике, Артур не сразу услышал

стук в дверь, который с точной периодичностью повторялся каждые десять минут. Когда наконец до него дошло, что что-то на станции не так, мужчина даже сразу подумал, что это галлюцинация. Так как эти три года он находился на планете совершенно один и если предположить, что кто-то без его ведома прилунился, то датчики, установленные на зондах по всей Луне, не дали бы неизвестному гостю ни единого шанса остаться незамеченным. Да и автоматическая защита рудника сработала, по периметру несли охрану около сотни автономных башен с плазменными пушками. Стоило только неизвестному кораблю приблизиться на критическое расстояние и не пройти проверку свой-чужой, то он без лишних разговоров будет уничтожен.

И каково же было удивление Артура, когда он, открыв шлюзовую камеру, увидел на полу лежащего без движения человека в старинном скафандре, который был снят с эксплуатации ещё лет сто назад.

— А вот и подарочек мне к отъезду! — Артур заташил безжизненное тело в помещение лазарета и совершенно не понимая, что ему делать дальше, решил пока не торопиться с отправкой сообщения о находке в центр. Тем более, что сигнал до него будет идти целую неделю.

ГОСПОЖА ЯДВИГА

ГЛАВА 1

Из окна небоскреба Мартин смотрел на вечерний город и, медленно попивая валерьянку из хрустального бокала, с грустью смотрел на фото в рамке. На нём были изображены Мария в подвенечном платье, Моро в стильном костюме и Мартин — собственной персоной. Конечно, с одной стороны, Смотритель был очень рад, что эти двое скрепили свои отношения узами брака (особенно радовался за вечного холостяка Моро), но, с другой — их медовый месяц длился уже целый год. И Мартин от скуки просто не находил себе места. Он, конечно, мог, в силу своих профессиональных способностей, заглянуть или в спальню к молодожёнам, или в каюту круизного лайнера, но в то же время Смотритель понимал: таинство любви между мужем и женой должно оставаться неприкосновенным. Пусть даже руководствуясь самыми благими намерениями, никто не вправе переступить порог их спальни, тем более — в медовый месяц (год).

Мартин подлил себе ещё немного странного напитка, на который он перешёл в отсутствие своего друга, как вдруг услышал за стеной какой-то подозрительный шум. Взяв пригоршню сушёных кальмаров, он открыл проход между квартирами и, заведя там кучу полицейских, был приятно удивлён.

— Наконец хоть что-то интересное! Так... Что у них там происходит? Убийство, ограбление или то и другое одновременно?

В центре гостиной стояла женщина и, демонстративно заламывая руки, держала пустую шкатулку.

— Значит, так: украли золотишко, раз шкатулочка пустая, — Мартин сделал глоток эликсира. — Можно сказать, пропажа будет найдена в счи-

танные часы. В доме парковка на камерах. Лифт, лестница. Ещё и охраны пруд пруди! Найдут! Я уж думал, что тут будет что-то поинтересней...

Кот уже собирался «выключить телевизор», как высокий полицейский чин подошёл к потерпевшей и почти шёпотом произнёс.

— Вы точно помните, что колье у вас было в квартире?

Женщина посмотрела на мужчину, как на круглого идиота, но тот, совсем не смутившись, продолжил.

— Дело в том, что данные с камер наблюдения ничего не дали: к вам никто не то чтобы не проникал, а вообще не поднимался на этаж. Охрана здания может подтвердить. Я не исключаю возможности, что вы забыли своё колье в каком-нибудь другом месте.

— Конечно, это же любовница мэра города! Как я её сразу не узнал! А я-то думаю, почему это целый полковник полиции перед ней на цыпочках бегает...

Женщина, которую Мартин идентифицировал как любовницу градоначальника, снова закатила истерику, и Мартину ничего не оставалось, как закрыть портал, чтобы не слушать ее противного воя.

— Ох, и не завидую я мэру! Но, как говорится, любовь зла...

Когда шум за стеной прекратился, Мартину вдруг самому стало интересно, куда пропало колье женщины, и он, зевая, от нечего делать прошёл сквозь стену в соседнюю квартиру.

Затем щёлкнул хвостом и увидел в пустой открытой шкатулке, валявшейся на полу, фантомный силуэт пропавшего колье.

— Похоже, мадам не соврала, и оно, действительно, в ней находилось.

Чёрный кот, прижав уши, подошёл к входной двери и очень внимательно начал принюхиваться, в надежде уловить хоть какой-нибудь намёк на запах таинственного воришки. Но, к его разочарованию, дверь абсолютно не пахла ничем необычным. Зато от огромного окна с выходом на балкон исходил один такой до боли знакомый аромат, что Смотритель чуть не сошёл с ума, пока пытался его вспомнить.

— Где-то я его уже слышал. Правда, давно: может, лет сто, двести назад.

И когда кот поравнялся с дверью на балкон, внезапно заметил в углу небольшой прут, от которого и исходил этот аромат.

— Не может быть! Это же прут этой... Как его... — взгляд Мартина коснулся перил балкона с еле заметным отпечатком обуви.

— Теперь мне понятно, как сюда пробрался воришка и почему наружные камеры наблюдения его не заметили!

ГЛАВА 2

Мартин материализовался на том самом месте, где в последний раз сталкивался с таким прутком. Вместо непроходимой чащи, некогда бывшей здесь, он оказался на широком проспекте, полностью усеянном торговыми центрами, ночными клубами и, конечно же, казино.

— Давненько я здесь не был, как всё быстро меняется!

Внезапно дверь ночного клуба бесшумно открылась, и на пороге появилась очень эффектная женщина лет сорока пяти. Чёрные сапоги-ботфорты

выглядели на ней очень вызывающе, хотя нужно отдать должное: в сочетании с короткой юбкой просто бомбически! Образ женщины-вамп довершали модный макияж, сногсшибательная прическа и блузка с декольте, из которого выглядывала грудь пятого размера. Было видно, что женщина знает о своих достоинствах и, не стесняясь, всячески их подчёркивает.

— Я... Яга? Яга Вийевна? — Мартин от неожиданности сделал хвост трубой и чуть не зашипел.

— Мартин, сколько лет, сколько зим! Проходи, родной, я совсем запамятовала, когда в последний раз тебя видела. Как ты здесь оказался?

— Да вот нашёл кое-что...

Мартин, всё ещё не придя в себя, прошёл внутрь помещения и, не оглядываясь, запрыгнул на небольшой журнальный столик.

— Я теперь Ядвига. Так благозвучнее — Ядвига Викторовна. А для некоторых особо приближённых посетителей — госпожа Ядвига.

Женщина погладила кота по голове, и тот немного успокоился.

— Но как? Я помню тебя совсем другой!

— Да я и сама, если честно, не ожидала от себя такого. Все началось много лет назад, когда я нашла в болоте затерянного туриста. Съесть его особо-го желания не было: что со старика взять — одни кости. В общем, вывела его к людям, спасла, так сказать, на свою голову. А он мне и говорит: за спасение, мол, проси, что хочешь!

— Он колдуном оказался? — Мартин так внимательно слушал женщину, что сразу не заметил у неё на шее то самое пропавшее кольцо из соседской квартиры.

— Лучше!

— Кто может быть лучше колдуна? — Мартин с удивлением несколько раз икнул.

— Пластический хирург! Представляешь, этот старикан оказался пластическим хирургом с мировым именем. Вот, в принципе, и всё. Здесь подтяжку, тут липосакцию... Горбинку на носу убрал, а его друг, стоматолог-протезист, мне подарил жемчужную улыбку. Все остальное — это я сама. В тренажёрный зал хожу, бассейн. Правильное питание творит чудеса. А то, помнишь, что ела?

— Ой, фу! Не напоминай мне про суп из мухоморов, — Мартин высунул язык, словно его только что стошнило.

— В общем, началась новая жизнь. Теперь у меня есть Эдуард, мой персональный тренер, и я с ним постоянно кувыркаюсь. Ой, прости: занимаюсь. Вот кольцо мне подарил. Видишь, как любит.

— Так это он его тебе подарил? Твой тренер?

— Ну да. Сказал, что очень дорогое, все деньги на него потратил!

— Ну-ну, — Мартин почесал лапой за ухом. — Я чего пришел: прут от твоей метлы случайно нашёл. Подумал, мало ли, выпал, может. Я помню, что они у тебя все под счёт.

Женщина вскочила с места и обняла кота, сильно к себе прижав.

— Спасибо, мой хороший, спасибо! Я-то думаю, почему скорость на виражах падать стала. А это у «двигателя» проблемка!

Мартин щёлкнул хвостом, и прут появился прямо перед Ядвигой.

— Я же твой вечный должник, — продолжил Смотритель. — Не забыла, как ты выхаживала, когда крестьяне сломали мне спину. Ох, и времена были, просто ужас! Чёрных котов боялись, как огня. А так благодаря тебе я жив и здоров, да ещё и в должности повысили!

Кот на секунду задумался, а потом продолжил: «Да, кстати, а этот, как его, Эдуард? Хороший человек?»

— Хороший? Он самый лучший! Только с ним я почувствовала себя настоящей женщиной! Он сделал меня счастливой!

Ядвига при упоминании о своём любимом мужчине расплылась в лучезарной улыбке.

— Слушай, Мартин, а ты приходи к нам как-нибудь вечером, у меня, знаешь, какие вечеринки бывают!

— Так я же кот...

— Тем более. Я такие ролевые игры устраиваю, никто ещё не ушел недовольным! Очередь на месяц вперёд! — Ядвига снова погладила Мартина по голове.

— Я подумаю, — задумчиво ответил кот. — Мне бы ещё хотелось с твоим Эдуардом поговорить с глазу на глаз, а там будет видно, что делать дальше. Или — или, так сказать...

ГЛАВА 3

Эдуард в тренажёрном зале сильно выбивался из общей массы посетителей. Идеальное тело, напоминающее знаменитую скульптуру Микеланджело, красивые черты лица, лёгкая небритость и огромные наушники на голове. Мужчина периодически подходил к каждому, занимающемуся в зале, и что-то говорил, а иногда лично демонстрировал, как нужно правильно выполнять то или иное упражнение.

— Кх, кх! — раздалось у мужчины за спиной, когда он в очередной раз подошёл к окну, где у него стояла бутылка с водой.

Эдуард обернулся и увидел чёрного кота с необыкновенными глазами: они странно блестели и, казалось, как рентген, смотрели сквозь мужчину.

— Я понимаю, это ты Эдуард? — в голове у парня зазвучал бархатный кошачий голос.

Эдуард несколько раз обернулся в испуге, но потом снова посмотрел на кота.

— Ясно, это точно ты. Зачем Ядвигу обманул насчёт кольца? Где это ты его купил на последние деньги? Неужели не знаешь, что такие вещи всегда на особом учёте? Если где-нибудь засветятся, то и у тебя, и у Ядвиги будут проблемы!

У парня подкосились ноги, и он уже с ужасом смотрел на животное.

— Я... Я только хотел сделать подарок. Пока Ядвига была в салоне красоты, взял её метлу. Я думал, никто не заметит...

— Эх ты, горе-воришка! Заметили, ещё как заметили! На уши всю полицию подняли, нашёл, у кого красть! Всыпать тебе не мешало бы хорошенько за такие дела, но Ядвигу жалко. Любит она тебя, дурака...

— Я тоже её сильно люблю! Она невероятная женщина, просто сказочная...

Мартин улыбнулся.

— Насчёт того, что невероятная, это ты прав. Ей бы королевой быть. О, у меня идея: украденное кольцо я сейчас верну на место, а вместо него дам тебе, действительно, королевское. Мне одна королева проспорила его в своё время: валяется без дела, понимаешь. А так и Ядвиге будет приятно, и тебя, олуха, из беды вытащу. Смотри, в дальнейшем не обижай мне нашу королеву! Я, если что, из-под земли достану!

— Как можно обидеть такую женщину? — Эдуард улыбнулся точно с таким же выражением лица, как недавно улыбалась Ядвига при упоминании о парне.

— Да, действительно, между этими двумя что-то есть, — Мартин щёлкнул хвостом, и рядом с Эдуардом появилась золотая шкатулка с колье, множеством серёжек и колец. — На-ка, возьми! Тебе надолго хватит на подарки — нечего по чужим квартирам шастать. Чего только не сделаешь ради друзей. Тем более — для Ядвиги: я её ещё никогда в своей жизни не видел такой счастливой...

ЭПИЛОГ

Госпожа Ядвига шла по длинному коридору своего заведения в латексной, стилизованной под королевский наряд, одежде. На её ушах, шее и пальцах красовались украшения с настоящими бриллиантами (к слову, подарок её любимого мужчины). Женщина уверенно подошла к дубовой двери, открыла замок и заглянула внутрь. В центре комнаты стоял небольшой белый робот с примотанной скотчем к его правой руке лазерной указкой. Рядом с ним сидел запыхавшийся Мартин и, не моргая, смотрел на красную точку под потолком.

— Как дела, Мартин? Тебе понравилось у меня? Будешь продлевать?

— Минимум, ещё часа на два: я его всё равно поймаю! Быть такого не может, чтобы он мне не попался в лапы!

— Отлично! — женщина с улыбкой посмотрела на разбитые вазы, порванные шторы, ободранные обои и перевернутую вверх ногами мебель.

— Жаль, я раньше не знал, как у тебя здесь весело, — Мартин прижал уши и начал громко и воинственно фыркать. — Столько времени впустую!

— Ничего, скоро всё навестаешь! — Ядвига достала из кармана пульт и включила робота. Тот, как сумасшедший, начал крутить рукой с лазерной указкой, а Мартин, словно бегун на короткие дистанции, так резко рванул с места, что слился воедино с быстро мельтешащей красной точкой на стене, которая постоянно норовила от него убежать.

— Ну, не буду тебе мешать! — женщина закрыла дверь, а сама пошла в соседнюю комнату.

Там, облачённый в кожаные ремни, на кровати лежал закованный в розовые наручники Эдуард и весь светился от счастья.

— Мартин мне сказал, что кое-кого нужно хорошенько наказать! — Ядвига достала кожаную плетёнку из голенища сапога. — Кто очень плохо себя вёл?

— Я, моя госпожа! Я заслужил наказания, моя госпожа!

— Тогда приступим!

Глаза у обоих любителей театральных постановок страстно заблестели и, сделав музыку погромче, Ядвига, словно настоящая укротительница тигров, громко щёлкнула хлыстом.

КРУГ ДОЛЖЕН ЗАМКНУТЬСЯ

ГЛАВА 1

— Витёк, ей Витёк! Оглох что ли, полудурок? — Роман несколько раз окликнул по имени бомжеватого вида мужчину с санками, полными различных ржавых железяк, которые тот тянул за собой в ближайший пункт сдачи металлолома.

Высокий, но болезненно худой, мужчина остановился и начал виновато улыбаться.

— Что тут у тебя сегодня? — Роман, оценивая размеры поклажи, остановил взгляд на выдавшей виды двухпудовой гире. — Ого, раритет! Ты её из музея стащил? С ней ещё при царе Горохе циркачи на манеж выходили!

Парень попытался снять с санок гирию и у него это получилось только с третьего раза.

— Тяжёлая, зараза! Как ты её, Витёк, на санки закинул и не сломался пополам?

Вместо ответа Витёк продолжал улыбаться и смотреть на то, как его бывший одноклассник за долю секунды стал красным как рак, пытаясь продемонстрировать самому себе и паре дружков, стоящих позади него, молодецкую удаль.

— Слабак ты, оказывается, Рома! — не стовариваясь начали смеяться над другом ребята. — Ладно, пошли. Чего ты привязался к нему!

Но задетое самолюбие Романа, никак не давало парню успокоиться, и он стиснув зубы, несколько раз поднял гирию над головой.

— А вам слабо?

— Да зачем нам нужно жилы рвать? Пошли ещё по пиву и по домам! Когда уже забудешь, что был мастером спорта? Сейчас ты просто таксист. Рома, такси не спортзал, там баранку крутить нужно, а не сальто!

— Ладно, уговорили!

Роман бросил гирию под ноги Витьку, на секунду задумался, и достав из кармана бумажник, сунул тому в руки несколько купюр.

— Это тебе за воспоминания, Витёк! А я ведь раньше такую хреновину двадцать раз мог не напрягаясь поднять и правой, и левой!

— Круг должен замкнуться! — внезапно произнес худой великан и показал на легковую машину, которая проехала рядом с ними.

— Чего? Какой ещё круг? Ладно, я всё забываю, что ты немного с «приветом», раз должен замкнуться, так пусть и замыкается!

Роман похлопал дружески Витьку по руке и побежал догонять свою компанию друзей, скрывшуюся за поворотом. А Витёк, всё также виновато улыбаясь, согнул на левой руке полукругом мизинец и, словно рыбак крючком, схватился им за ручку гири и не напрягаясь поставил обратно на санки.

— Круг должен замкнуться! — ещё раз повторил великан и играючи потянул санки дальше, только глубокая колея в снегу от полозьев говорила о том, что на них находилась не одна сотня килограмм.

ГЛАВА 2

— Вяжи сильнее! — невысокого роста мужчина в черной шапке, нахлобученной на глаза, раздавал команды двум подельникам, которые пытались связать уже переставшего сопротивляться таксиста с проломленной головой. — Крепкий гаденьш оказался!

— Вроде спортсменом был? — один из мужчин прошепелявил сквозь выбитые передние зубы.

— Против лома нет приема, да, Роман? — невысокой главарь подошёл к таксисту. — Долги, Роман, нужно отдавать вовремя! Вот ты теперь сам посмотри во что вяпался и нас втянул? Нехорошо, Роман, нехорошо...

Бандит достал нож и сделал короткий замах.

— Круг должен замкнуться! — внезапно из темноты раздался знакомый голос местного юродивого.

— Витёк? Ты как здесь? — главарь отложил казнь должника и слегка кивнул, напарники быстро окружили великана с санками, на которых теперь красовалась огромная куча картонных коробок, аккуратно сложенных и связанных бечевкой. — Эх, Витёк, Витёк, ну и зачем ты сюда пришёл?

Мужчина недовольно качая головой подошёл к великану.

— Шёл бы себе мимо и тебе хорошо, и нам лишний шум ни к чему.

— Круг должен замкнуться! — великан из-под лба грозно посмотрел на мужчину с ножом, который был ниже его на полметра.

— Да что ты заладил, замкнуться, да замкнуться! Это ты, Витёк, должен теперь заткнуться, думаю, навсегда заткнуться!

Бандит сделал резкое движение и вогнал нож Витьку в грудь по самую рукоятку, в ответ на это великан схватил коротышку за горло и неожиданно для всех, без особых усилий, свернул ему шею. Затем также грозно посмотрел на двух других бандитов и сделал шаг к ним навстречу.

— Круг должен замкнуться!

ЭПИЛОГ

— Роман, Роман! — несколько таксистов обратили внимание на знакомого неряшливого мужчину, который тянул тележку, набитую мешками сплюснутых алюминиевых баночек из-под пива, но тот даже не остановился, чтобы посмотреть на тех, кто его звал.

— Ладно, не трогайте его, он после нападения совсем чокнулся! — один из приятелей порвал попытки товарищей и достал сигарету.

— Какого нападения?

— Да зимой, вы что не слышали, его хотели какие-то залётные пришить. Говорят, спас его местный чудик — Витёк, на санках до больницы притянул из леса. А как притянул, сам в ту же минуту и умер от потери крови.

— Ну дела!

— И не говори. Романа вылечили, как видите, только у него после этого случая теперь «не все дома».

Мужчина покрутил пальцем у виска, и таксисты понимающе закивали, провожая взглядом Романа: «Жаль мужика, неплохой парень был, компанейский...»

Внезапно Роман остановился, словно услышал беседу бывших коллег, поднял руку и выставив указательный палец, громко прокричал на всю улицу три слова, от которых у всех, кто там находился, задрожали колени и по спине пробежал неприятный холодок.

— Круг должен замкнуться!

ОСОЗНАННОСТЬ

Сергей постоянно спешил: по делам, по работе, после работы. Не было ни одного дня, чтобы ему не нужно было куда-то бежать. К друзьям, к знакомым и к знакомым знакомых, которые, пользуясь его добротой, появлялись из ниоткуда со своими проблемами, словно из рога изобилия. Его умение договариваться, находить нужных людей, заключать контракты, вести дела было настолько удивительным, что он и сам иногда задумывался над своей невероятной способностью, которой не было ни у его родителей, ни у родителей его родителей. Ни к смеху — у его мифического соседа, о существовании которого часто вспоминают, когда по каким-то необъяснимым причинам, ребенок вполне среднестатистических людей проявлял не дюжие способности в не свойственном для них всех вопросе.

— Я как освобожусь, наберу! Ещё одна встреча и на сегодня — всё! — Сергей быстро ответил кому-то по телефону и, пытаясь положить аппарат во внутренний карман пальто, на секунду замешкался и, потеряв равновесие на только что выпавшем снеге, с грохотом упал, ударившись затылком о бордюр.

Тишина вкупе с темнотой поглотили парня за мгновение ока и, взяв бережно под руки, перенесли в мир вечного покоя. Мысли, переполнявшие мозг — улетучились, на смену им пришёл один единственный вопрос: «Что происходит?».

А происходило то, что в умных книгах называется — осознанность.

Впервые Сергей был рад тому, что он, гонимый своим внутренним «я» на помощь людям, которые никогда этого не оценят, никуда не спешил. Просто лежал на земле, рассматривая звёзды и мысленно устремляясь к ним в высь, пытаясь освободиться из заточения, на которое сам себя обрек. Сейчас, в эту минуту с ним не было рядом никого, кому от него требовалось что-либо. Только он, звёзды и вселенская бесконечность мироздания. Сергей дотронулся рукой до затылка, липкий сок жизни красного цвета, стремящийся как можно быстрее покинуть его тело, слегка напугал парня. Но постепенно страх сменился блаженством, после чего Сергей внезапно ощутил невероятную лёгкость и, всё ещё находясь в состоянии безмятежности, высоко воспарил над землёй.

— Никогда бы не подумал, что я умею летать...

Обрывки мыслей таяли, как снег, а Сергей, уже почти привыкший к своему новому состоянию, слегка улыбнулся.

— Я — облако, небольшое, светлое облако! Даже не верится, что я это я. Неужели другие облака, точно такие же люди? Странно, что я раньше этого не замечал?

И чем выше поднимался над землёй Сергей, тем больше он уверовал в то, что он действительно облако, пока прямо над его головой не раздался оглушительный треск.

Это была молния, она вдоль и поперек пронзала небо своим трезубцем и сверкала настолько близко с парнем, что он инстинктивно сгруппировался, подгибая под себя ноги и обнимая их крепко руками.

— А если бы она попала в меня? — Сергей посмотрел на точку в небе, из которой молния появилась в первый раз. И потом с опаской посмотрел вниз, на землю, которая сейчас напоминала его старинные школьные контурные карты.

Второй удар молнии пришелся Сергею прямо в сердце. Острая боль пронзила тело, способность к левитации исчезла и он устремился вниз, по привычке размахивая руками и пытаясь зацепиться за воздух, который хоть и был прозрачным, но иногда проявлял себя как часть совершенно другой материи. Ещё секунда, встреча с землёй неизбежна.

Три, два, один — Сергей закрыл глаза в ожидании удара, но тело так же мягко опустилось на снег, как и с него взлетело.

— Жаль, что полёт так быстро закончился, — пронеслось в голове у парня и он открыл глаза.

На него заворуженно смотрел не один десяток глаз. А одна фигура с огромными белыми крыльями, находившаяся ближе всего к Сергею, довольно произнесла: «Жить будет, это просто удача, что мы проезжали мимо. Ещё пару минут и ты скончался бы от потери крови! Под ноги нужно смотреть, молодой человек! Под ноги и желательно под свои!»

Ещё несколько фигур с точно такими крыльями как-то странно засмеялись и помогли погрузить Сергея в сверкающую разноцветными огнями машину, а остальные фигуры, без крыльев, ещё какое-то время потоптались на месте и молча пошли дальше по своим делам: деловые встречи, свидания и просто ужин в ресторане никто не отменял и поэтому во что бы то ни стало на них нужно прийти вовремя.

*Валерий Неудахин
(Россия, г. Бийск)*

ПАРКЕТ ЛЕНИНГРАДА

Утро. Настолько раннее, что не слышно первых трамваев и автобусов. Даже для шорохов метлы дворника на улице не пришло время. Едва различимы в приоткрытую форточку звуки Фонтанки. Это река трется теплой кошкой о гранит набережной и издает ласковый и успокаивающий звук.

Она лежала и смотрела в окно, такое далекое для нее сегодня. Можно сказать, недостижимое по ее физическому состоянию. Подоконник расположен высоко над полом, не потому, что закрались ошибки в проектировании, а только из-за того, что в старое время в комнате имелся паркет. Теперь его нет. Под ногами бетонный пол, который тяжелыми болезненными ногами шуршит под тапочками осыпавшейся крошкой. Эта мелкая взвесь поднимается облачками над полом и снова оседает на свои отведенные природой места. Подметая пол, дочь сбрызгивает водой, чтобы не тревожить больную мать пылью. Но даже увлажненная поверхность в лучах солнца выделяется полосками пыльного света. Затем картинка медленно угасает, оседая серостью вниз.

До революции в этом доме жил заводчик. Богато и со вкусом отстроенный и отделанный дом располагается в центре Санкт-Петербурга. Парадная с лестницей из мрамора, лепнина комнат, дубовый паркет. Все говорило о больших возможностях хозяина и о любви его к домашнему быту. Он любил семью, и этим жил весь его дом. Звучали голоса детей, отражался и сыпался по комнатам смех младшенькой дочери. Стучали ботиночки по крепким, набранным мелкими дощечками полам. Каждую комнату заводчик принимал лично, щепетильно осматривая соединения и стыки. После вселения не нужны ковры, с такой теплотой блестили лаком обработанные паркетины.

Давно не занимались ремонтом в покоях дома, с тех пор, как расселили в комнатах бедноту, нуждающуюся в жилье. Так и заболела квартира от нелюбви жильцов. Добротно выполненные еще при строительстве стены, потолки и полы держатся и до сей поры, просто обветшали немного. Но старые материалы крепко слились в единое красивое и удобное убранство, качественно выполненные в свое время, сопротивляются разрушению. Почему-то прижилось мнение, что благоустройством внутренних помещений должны заниматься жилищные конторы. Однако так не считали работники ЖЭКов. И порядок в доме зависал во временной и пространственной пустоте. Все обязаны: и жильцы, и городские власти. Только все оставалось на своих местах.

За окном послышалась возня, на подоконнике проснулись воробьи, облюбовавшие местечко для жизни. Окно открывалось редко, раз в два

года для мытья, затем просто пылилось, и потому тревоги за свое потомство у птиц не возникало. Жизнь городская зачирикала, захлопала крыльями, запищала детскими глотками. Через какое-то время солнце коснется лучами проема, и стекла радостно зажгутся в утренней прохладе. Этот промежуток очень короток: набегают тень от дома, стоящего напротив, и радость от встречи с светилом заканчивается. Полумрак наполняет пространство комнаты, и сутки будет властвовать влажная, удушливая летом и холодная зимой атмосфера.

Сколько она лежит, больная, на кровати? Не помнит. Такое ощущение, что всю жизнь. Военное детство, трудные годы молодости и сразу вдруг возникшая старость, безжалостно бросившая на больничную постель, не дающая возможности выйти на свежий воздух. Им она дышала только во время мойки окон. Тогда, казалось, даже брызги от Фонтанки долетали до сумрачного пространства. Какой это отдушиной наполняло ее уставшее сердце. В повседневной жизни проникали лишь запахи туалета коммунальной квартиры. Первый этаж. Что тут скажешь? Все четыре этажа по одной трубе сливали грязь и остатки кухонного производства, грязного тела и нечистот. Трубы, давно прогнившие, держались благодаря заплаткам из прорезиненной ткани. А вот запахи в засорившейся вентиляции застревали и возвращались в пространство квартир. Труднее всего приходилось в утренние часы, когда вся человеческая рать собиралась на работу, учебу и просто по делам.

О чем она думал? Да, паркет! Когда он исчез из комнат? Принялась вспоминать и съезжилась в комочек на кровати. Явственно послышался звук сирены и металлический голос, призывающий укрыться в убежище, настолько явственно звучал откуда-то с улицы, что показалось — история вспять шагнула. Через мгновение поняла — почудилось! Успокоилась и, почувствовав усталость, провалилась в тяжелый липкий сон.

Острые лучи прожекторов противовоздушной обороны кромсали черную свинцовую ночь над городом. Метался звук сирен, а с ним и тени плясали дикую половецкую пляску на стенах, посеревших от мокрого снега домов. С неба падал низкий гул летящих самолетов, а снизу, казалось, беззлобно захлебывались лаем зенитки. Наконец, послышались в отдалении взрывы упавших бомб, пришло облегчение, что сегодня не они. Кошунственно так думать, где-то погибли люди. Но ничего не сделаешь со страхом, затаившимся внутри тебя. Разум говорит одно, а сердце радуется, что история отвела тебе еще промежуток жизни: может на день, может на полчаса до прилета очередной партии самолетов.

Они с сестрой уже месяц не ходят в убежище. Не осталось сил. Да и от горячей печки отрываться в промозглую влажную стынть не очень хочется. Пришли к выводу: уж чему быть... Сегодня отоварили карточки. Ходили, поддерживая друг друга, до булочной на углу. Для них такое передвижение — сродни подвигу. Вернулись к остывшей печке, с трудом развели огонь. Эта процедура представляла огромную сложность, руки не слушались. Давно обморожены пальцы, варежки, вернее тряпки, оставшиеся от некогда нарядных рукавичек, мешали, но снимать их нельзя, только сложности себе придумать. Но справились, и пламя бы-

стро разогрело чугунное тело печи, поблескивало через отверстия, живо плясало на стене калейдоскопом. Фантастическая картинка интересна и завораживает, но сейчас не до нее. Согреваешь лицо и руки, мерзнет спина: нужно вовремя повернуться, чтобы совсем не остыть. Но шевелиться не хочется и сил мало.

Мама дежурит в госпитале, оставляя дочерей в квартире полупустого дома. Раз в три дня, исхудавшая и слабая, приходит в дом проводить дочерей. Приносит съедобное, кормит. Следит, чтобы не прятали принесенные продукты, и вновь «бежит» на службу. Она не пыталась пристроить их в команду на эвакуацию, боялась растерять дочерей. И теперь металась умом и душой между долгом перед Отечеством и материнской любовью. При живой бабушке спокойнее чувствовала себя, а вот теперь... сложно. И пусть вести с фронтов приходят обнадеживающие, с надеждой на прорыв блокады, дожить еще нужно до светлого дня.

Печка грела, тянуло спать, и они прижавшись плотнее, чтобы не потерять хоть какое-то тепло, провалились в сон. Маскировочная штора плотно закрывала окно. Только они вдвоем знали тайну и берегли ее от посторонних, даже от мамы. Вверху, под самым потолком находилось отверстие, маленькое. Но когда на улице светало, тонкий луч проникал в комнату и вселял надежду, что пришел еще один день, а не другая жизнь в следующем измерении. Свет не проникал, значит за стенами дома — ночь. Они доверялись и надеялись, что не предадут одна другую. Потому не прятали хлеб, а запирали в шкаф, чтобы не возникал соблазн воспользоваться сном сестры и одной съесть пайку.

Во втором парадном подружки, тоже сестры, договорились и прятали каждая свою порцию. Пока одна не нашла пайку сестры и не съела, не смогла противостоять голоду. Помогли тогда, отломив по кусочку, накормили голодную соседку. Когда вошли к ним в комнату, на полу рассыпаны мелкие косточки от птичьих тушек. Но улетели голуби, поняв, что за ними охотятся. А для девочек переход от небольших кусочков мяса к голоду, оказался роковым. Давно на небесах сестренки. Мало живых осталось в подъезде. Но надо как-то жить, ведь у них мама!

Третья зима блокады давалась с трудом. Кроме голода особо досаждали морозы. Все горючее давно собрано в округе и сгорело в печи. Где брать дрова? В один из приходящих вечеров мама решительно взяла большой нож и направилась в угол комнаты. Спасительный паркет! Сухой, тонкими плашками! Необходимо только выдернуть первую дощечку и дальше станет проще. Только задача для ослабевшей женщины и двух голодных изможденных девочек казалась невыполнимой.

Отыскивали какую-то щель в углу комнаты и попытались вогнать нож в углубление. Стучали по рукоятке ножкой стула, скалкой, утюгом. Но лезвие упиралось в бородку, входившую в паз, и не желало пропустить инструмент. Сбивая руки в кровь, стучали и колотили со всей оставшейся силой. Тщетно. Изготовленный по заказу паркет не поддавался. К тому же застрял в щели нож и вытащить его не могли. В отчаянии мать размахнулась и с почти закрытыми глазами нанесла удар. Раздался громкий щелчок, откололась рейка и первая дощечка отлетела к стене.

Они втроем сидели в углу и от спавшего напряжения то плакали, то безудержно смеялись, пока мама не спохватилась и остановила их, чтобы не растеряли сил.

Кончался январь, от былой красоты ничего не осталось и вместо паркета в их комнате, зиял провалом бетонный пол. Но это ничего! Главное — живы. Утром они услышали сообщение по радио о прорыве блокады.

Дрогнули веки, она открыла глаза. Вовремя, лучи солнца заглянули на свой короткий положенный срок в комнату и готовились оставить ее на сутки. В дальнем углу под потолком проявилось светлое пятно. На его танцующем фоне в слабом свечении появились фигуры давно умерших мамы и сестры, одетые в белые платья. Они втроем у печки мечтали, что после войны пошьют такие и нарядными выйдут на улицы Ленинграда. Тогда в суете забылась мечта, а вот теперь зовут. Она приподнялась и протянула руки, пришло ощущение полета, радости и восторга.

На кровати, стоящей в углу, лежала худенькая старая женщина. Выпрямившись, как бы для полета, руки лежали поверх одеяла, словно пыталась взлететь, затем передумала и опустила их вдоль тела.

Ушла из жизни последняя блокадница в семье, зажгите поминальные свечи...

АТАКА

Она опять будет плакать сегодня, на могиле папы, безвременно ушедшего из этого мира. Фронтовика. Младшая дочь, значительно моложе старших сестер, жила с родителями и от того близка и дорога отцу. Любовь его, нерастраченная и невычерпанная, пролилась на ее детство и отрочество дождем благодати и взаимопонимания. Глава семейства, прошедший войну, скромен и неразговорчив, когда разговор касался боевых действий.

— Страшно приходилось. Воевал, как все.

Ушел на фронт восемнадцатилетним парнем в сорок первом году и закончил в сорок пятом, потеряв ногу. Вернувшись, учился, работал, жил, пока не оборвалась действительность в тот момент, когда этого меньше всего хотелось...

Михаил лежал на стылой земле, животом вниз. Вражеский огонь вжимал их роту в бугорки и ямки на открытом пространстве. Шел четвертый год войны. Небольшое возвышение немцы использовали с максимальной выгодой для организации обороны. Они долго и тщательно готовились к встрече наших войск и предприняли все, чтобы нанести урон наступающему врагу.

Февраль, никакой растительности, дающей возможность замаскироваться, лишь поземка бросает колючую крупу в лицо, которое и поднять-то невозможно. Минометная батарея знатно обработала передок противника, казалось, уничтожены огневые расчеты, и в первой линии окопов не осталось живой души. В этот момент и бросили роту в атаку с приказом взять высоту.

Цепочка пехоты растянулась по полю и пошла на сближение. Их подпустили близко, когда укрыться в окопах, оставшихся сзади, уже невозможно. Вот тогда и открыл огонь дот, тщательно замаскированный. Первыми очередями выкошена добрая половина личного состава, остальных огонь бросил на землю, прижал, и на любое движение огрызался и плевался свинцом. Пулеметчик внимательно наблюдал за тем, что происходило в цепи наступающих. Любое шевеление примечалось, и человек становился мишенью.

Холод сквозь полушубок пробрался внутрь и словно замер, не желая уходить. Пошевелиться, чтобы согреть тело, невозможно, тут же очередь. Конец войны близок, хочется просто жить. Дышать воздухом, ходить в полный рост. Род продолжить, детишек нарожать. Мороз продолжал сковывать движения, колют иголки в ступни ног, в колени. Легким холодно и кажется, сейчас выплунешь их накопившейся влагой в холод. Хочется жить!

Скосил глаза вправо. Дружок закадычный, отчаянный малый Петька, лежит, приподняв голову. Повезло — укрылся за кочкой, губы что-то шепчут. Хочется пошевелиться, затекают ноги. Какая-то влага в валенке. Сейчас все мешает и выдает врагу. Кто возьмет на себя ответственность и поднимет бойцов в атаку? Думай! Какое-то изменение справа и пулемет заработал длинными очередями. Пока перенесет огонь на левый фланг, есть время. Хочется жить!

Подтянул ноги к животу, уперся в грунт и выкинул себя из ямы страха на белый свет. Просто кто-то должен сделать это. По всему полю поднялись редкие фигурки. Наперекор всему! Преодолевая боязнь! Бежали в направлении дота: кто-то упадет, срезанный очередью. Другие добегут! Михаил торопился, хромя, понял — полный валенок крови. Боли не чувствовал, видел перед собой одну цель — узкая бойница дота.

Он безнадежно отстал, нога уже не шевелилась. Вспышки гранат, тишина! Михаил перевалил тело через бруствер и потерял сознание.

Пришел в себя, спустя сутки в белой госпитальной палате. Что-то изменилось в его жизни, не успел пока осознать. Он посмотрел на ноги. Где должна находиться правая, простыня провисала до матраса. Главное — роту поднял в атаку.

Просто очень хотелось жить!

ОГОРОД ВЕТЕРАНА

Дед Семен сидел на крыльце и грел старые косточки на солнце. Одет легко, весна удалась ранняя, потому и надета фланелевая рубаша, холщовые штаны. А вот ноги с войны страдали боязнью холода и мерзли даже в теплую погоду, оттого ходил в шерстяных носках, связанных верной супругой. И обут по сезону в резиновые калоши. Земля подсохла, после спячки вылезла, очухавшись от зимы, травка и ровным зеленым ворсом покрыла газоны, палисадники, огороды, все пространство, доступное солнечным лучам. Поражала своей нежностью и ровностью, слов-

но на новобранце после курса молодого бойца и стрижки под ноль. Набрались силы и деревья с кустарниками: робко лопаются почки и скрученные зеленые комочки, пушистые от смолы, позеленили берега Бии. Верба и вовсе опередила все сроки. Украсилась желтыми сережками, осыпая заводь реки свежим пушистым покрывалом пыльцы. Первые цветы деревенских улиц — одуванчики, до седой головы им еще не срок, а вот желтыми глазками усыпали все обочины. Горочка у скотного двора и вовсе конопushками покрылась: не поймешь чего больше — желтого или зеленого.

Даже плетень изгородью вокруг огорода, замененный в трех местах, вдруг выбросил зеленые листочки. Срубленные колья осенью в землю вбил — ожили. Вот тяга такая у природы к жизни.

На завалинке лежал старый, в боевых ранах, кот Степан, нежился в тепле с закрытыми глазами. Хвост его, словно чувствуя приход посторонних, извивался и ударял по доскам монотонно и гулко. А может от раздражения на цыплят, которые гуляли в загородке из сетки рабицы. Попытался было охоту открыть, с разбегу дважды в металл воткнулся и понял, наконец, надежно сделано. Тоже как русский мужик: пока дважды на одни грабли не наступит, не поймет, в чем причина кроется.

Бабка Лукерья стучала чем-то в сенцах. Толку от них от обоих мало, но вид рабочий необходимо создать. Показать, что живы и занимаются делами. Вот и перебирает с утра инструменты, мелочевку всякую — порядок наводит. Как-будто с осени там не налажено все. Жарко, деревья во дворе тени не дают за отсутствием листвы, а навес тень отбрасывает за спину, на входную дверь...

Вспомнилось. Их высадили из эшелона за несколько километров от переправы, далее строем шли по тяжелому рыхлому песку, проваливаясь по шиколотку в горячую массу. Дышать нечем, в воздухе чад от горящей нефти и пепел от пылающих деревянных строений. На подходе к урезу воды, когда подумалось — сейчас напьемся, из-за бугра вынырнула парочка мессеров и принялась свинцом поливать подходившие колонны. Чем не удобная мишень, как зайцы на косогоре — со всех сторон открытые.

Вспарывали песчаную подушку фонтанчиками, шмякали с хлюпаньем в тела красноармейцев. Некоторые так и не дошли до воды, с пересохшими губами усыпали берег, не успев разбежаться в стороны. Ответить огнем на этот наглый налет нечем — винтовки в руках, да только боеприпасов не выдали.

Вслед за юркими истребителями зашли на переправы юнкеры. Появились грамотно — с востока. Закашляли зенитки, но редко. Основные подразделения развернуты на противоположном берегу и сосредоточенный огонь по врагу вести не могли. Вмиг потопили две баржи. Детей и раненых посбрасывало в воду, а они толком плыть не могут. Под обстрелом, в кипящей от осколков и пуль воде, он с товарищами, с которыми толком и познакомиться не успел, бросились на помощь. И совершали первый благородный поступок на войне, вытаскивая баб, ребятишек и легко раненных. Тяжелым помочь не успевали, те молча уходили под воду, не на-

деясь получить поддержки. Наглотались воды. Напились за весь первый военный переход.

Под страхом повторного налета авиации сгрудились в кучу и ждали катеров до вечера под палящим солнцем. Забредут по горло в воду, чтобы не так жарко. А солнце встало в зенит и палит осенними лучами, ни деревца, ни строения. Кормежки ждать не приходилось, молчали и понимали — не голод страшен, выжить бы. С тех пор всякий раз в жаркую погоду приходили ему воспоминания, понимал, что их даже сравнить невозможно с тем пеклом на Волге...

Он прошел всю войну, почти без ранений, как считал, так три раза зацепило. Но судьба миловала: пришел на своих ногах с руками, соскучившимися по крестьянскому труду. Ведь молодежь не понимает: лучше с утра до вечера в поле, чем под одной такой бомбежкой. Когда скрипит песок на зубах, а еще страшнее бойцы и командиры зубами скрипят от того, что не могут отпор дать. Полные ботинки песка, он забивается под ремень, под гимнастерку. Жаркой массой пробирается под воротник и в обшлага гимнастерки.

Дед Семен, по документам — Семен Ильич, не любил вспоминать войну. Чего гордиться, главное выжил. А сколько не дошли до Победы? Подломилась судьба у бойцов, словно веточки на огромном дереве. Земля приняла, до сих пор некоторых поднять не смогли. Человеческая жизнь — не кол на плетне, так запросто не отрастет. Хорошо, некоторые детей после себя оставили, а другие совсем бесследно ушли, без претензий на жизнь. Здорово страну подломали, не оклемалась до сей поры.

Он не любил надевать парадный пиджак. На нем и боевые награды и юбилейные, килограмма три весит. Приходил на торжественные собрания в простой рубашке, чем гордиться? Первые годы после войны в запой уходил, по три дня друзей-товарищей поминал. От первых, погибших на том жарком берегу, до последнего, которого он в госпитале навестил в Новосибирске, когда домой с фронта возвращался. К Семену такому привыкли, и сколько бабка не уговаривала, не одевал наград. Потому и в деревне так относились: воевал, только где, кто его знает? Всю войну прошел не ради наград. Жизнь спасал.

Когда привезли с Афганистана Ванюшку, сына Марьи, пацана совсем, позвал парторг на похороны, просил выступить. Не смог с мальчишкой не проститься. С самого детства знал, тот рос без отца. Как солдата пошел проводить, одел пиджак с наградами. Вот тут деревня ахнула от иконостаса на груди ветерана. После этого вернул одежду в шифоньер, зарекся доставать. Картинка что ли, в самом деле?

От центральной усадьбы, так раньше называли место, где контора, клуб, магазин располагались, слышалась песня. Детские голоса исполняли День Победы. Подумалось: к чему это? Голоса звонкие, из-за дальности расстояния не столь четкие и громкие, но мотив узнаваем. Песня, она, конечно, выручает. Слушаешь и жить хочется. Сколько их переслушано на привалах и в тесных землянках. Да другой случай вспоминается...

В разрушенном до основания городе продолжалась жизнь и борьба. Нельзя давать поблажки ни врагу, ни тем более себе. Со своим подразде-

лением Семен воевал ночами, минировали, взрывали и разминировали тропы для боевых групп, снайперов. Работа невыносимая, враг специально за ними охотился. Большой урон от работы саперов приходился, враг погибал целыми подразделениями. И одно из главных правил — грамотный и своевременный отход. Не успел вовремя нырнуть в подвалы, попал под обстрел. А враг боеприпасы не жалел. В атаку старался не ходить, а вот уничтожить живую силу стремился на расстоянии. В какие щели только не приходилось нырять, воевали в телогрейках. Так легче в узких местах, а он по молодости худой, чаще всех в неудобные места посылался. Затем отсыпались в дневное время, чтобы ночью невидимками выныривать из развалин и урон наносить.

Изучили все коммуникации и ходы. Закрой сегодня глаза, вспомнит все проходы и места для передвижения. Один раз отходили незнакомым маршрутом, добежали до укрытия, упали в бетонный колодец и затаились, обстрел начался. Загреломо, загрохотало до того, что уши заложило. Обстрел закончился — почудилось, песня звучит. Прямо галлюцинация. Решили пойти посмотреть. Все ближе голос. За стенкой кирпичной девочка лет четырнадцати, укутанная в тряпки, обнимает какой-то комок и поет «На улице дождик». Подошли, а она маленького брата укачивает, тот и не дышит совсем, голоса не подает. Оказалось, мать ушла и третий день не возвращается. Спросили, почему не выходит к нашим? Говорит, не знает, куда идти, да и маменька вдруг придет, а их нет. Растеряемся. Довели горемычных и месяц поднимали на ноги, ходить учили. Затем вывели к переправе...

Голоса громче и громче, наконец прямо за калиткой. Постучали, в ограду вошла молоденькая учительница и пятеро деток. Педагог — одно слово громкое! Сама как воробышек, только научившийся летать. Волосы из-под косынки перышками торчат. Дунь ветер и с веточки сдует. А ребята лет десяти-одиннадцати, с лопатами. Пока шли с инструментом от школы, раскраснелись, вспотели. Кофточки не догадались снять. Но гордые, сразу подумалось, мероприятие какое-то затеяли.

— Это откуда такой дружный отряд?

— Уважаемый, ой, многоуважаемый Семен Ильич, — взволнованно начала учительница.

— Мы поздравляем вас с наступающим праздником Победы! Говорим спасибо за то, что вы есть!

Затем еще что-то говорила, ребята хором продекламировали стихи, стояли довольные, что справились с заданием.

— Семен Ильич, мы с отрядом пришли оказать помощь, перекопать грядки в огороде. Укажите нам поле деятельности.

Так и сказали «поле деятельности». Бабка заикнулась было, что перекопали давно, что нужно, да умолкла под суровым взглядом мужа. А тот серьезно заговорил с мальчишками и девочками, грядку уже перекопанную указал. А как взялись за дело, силенок не хватает, чтобы лопату в грунт загнать. Взялся за инструмент, посетовал, что не точенный, пошел за напильником в сенцы. Скоро вся команда сидела вокруг деда на крыльце и слушала рассказы старого ветерана.

— Инструмент он обязательно заточен должен быть. Сподручнее им работать...

После ранения помнится, уж к Днепру вышли. Враг отошел за реку и использует ее, значит, как преграду. Окопался на другом берегу, постреливает и не дает переправу ладить. Лодок десантных наготовили, а подойти к воде нельзя, огнем накрывает, бьет бойцов. Мы к тому времени воевать-то научились, оборудовать район стали. Окопов перерыли не считано, столько кубометров грунта вынули. И все это под огнем, ночью работали. А грунт тяжелый, с глиной, трудно лопата зарезается. Вот и попробуй тупым инструментом окопаться. И одним брусом не справишься. За напильник готовы все отдать, точили камнями. Очень помогало.

— Как камнями-то? — спросил белобрысый, самый шустрый мальчонка.

— А он, брат, камень-то живой.

— Это как — живой?

— Так раньше камни живые, как люди были. По земле ходили, но затем провинились чем-то, и сделал их Бог неподвижными до поры до времени. Как придет время, так оживут и встанут на защиту тех, кто к ним с уважением относится. Камень на фронте многих спасал. Иной раз на себя все осколки примет, весь в щербинах, а людей спасет от смерти лютой. Вот у нас вверх по течению за селом камень большой стоит и в воду опускается. Вы там все время рыбалите. Так вот, если попросить у камня, то и клев хороший будет. Он, камень, всегда на доброе слово отзывчив...

Семен задумался. Пришел на ум случай: брали в Польше городок небольшой в центре с крепостью. Подобрались под ее стены со штурмовыми лестницами, да там и застряли. Враг огрызается. Только и стоишь вплотную к камню прижавшись, чуть отклонился — пулю получил. До темноты стояли, но кто выдержал — жив остался и к своим добрался. Наутро взяли бастион, сходил к тому месту, где стоял, руками камень гладил. Благодарил.

— Ты, старый, детей совсем заговорил. За стол приглашай помощников, пирогов напекла.

Учительница засмушалась, сделать-то ничего не успели. Да ладно тебе, голубушка, на то они и дети, чтобы старых слушать, да разговорам их внимать. Веселая компания весело управилась с пирогами, отблагодарила за вкусноту и направилась, водрузив лопаты на плечо, восояси. У калитки их провожали два старика с просветленными лицами.

А грядка? Ну и пусть затоптали. Дети хорошие, ласковые.

Дед взял в руки наточенную лопату, покряхтел и пошел копать.

ИНТУИЦИЯ

Молодой лейтенант, вчерашний выпускник военного инженерного училища, заступил на дежурство. Здесь, в горах Афганистана, нет привычных палаток, зацепиться не за что. Потому все оборудуется среди камней, а поскольку и лес в столь отдаленные места не доставишь, то и наката нет. Закрывается небо плащ-палатками и брезентом — все какая-то защита от непогоды. Хотя дожди здесь редки, каменистая пустыня окружает человека на большой высоте. Холод и звезды в черной бездонной ночи давят на плечи и совсем не до красот сверкающего неба, проглядывающего в дыры брезента, поймавшего в свое тело не один осколок. Зябко до дрожи. Неуютно на местности чужого, хоть и дружественного государства.

Вчера сочинял письмо маме, посвящая основную часть исцарапанных листков словам успокоения. Мечется и волнуется за каждый день, прожитый без вести о сыне. Да разве чаще напишешь, коли нет почтальонов в точках рейдов, по которым разбросаны русские мальчишки на крутых склонах по боевым гребням географических высот. Сегодняшняя ночь проходит чуть в стороне от тропы, по которой, по данным разведки, должна пройти вооруженная группа противника. Они собираются с целью концентрации больших сил для организованного удара. Чтобы этого не допустить, их подразделение, как одно из немногих, выставлено на перевале. Сюда выходит ущелье, другой дороги нет.

Время досталось тяжелое, он сам его выбирал. Среди его подчиненных молодые солдаты, устающие от непривычной местности и от кислородного голодания. Запросто задремлют, тогда жди непоправимой беды. Веки тяжелеют, душа расстается с телом в такие моменты, и сумасшедшая ночь вмиг справляется даже с самым стойким часовым. Хороши такие времена, когда с девчонкой гуляешь до зари. Время в поцелуях пролетает быстро. Слова любви и дружбы горячат тело, кружат голову, а поутру можно упасть на сеновале в душистое сено и провалиться в запахи и грезы деревенской жизни. Мать ни за что не разбудит и другим не даст, пусть сын отдыхает. Заботливо поставит в голове кружку парного молока и положит горбушку свежее испеченного хлеба.

А он спросонок, чувствуя запах этого простого кушанья, еще больше занемееет от блаженства и взлетит душой до небывалых высот своего маленького счастья. Вот и сейчас высоко над землей парит его сознание. Только холод, кружка крепкого чая, почти чифирь, и обостренное чувство ответственности за товарищей, которые законно отдыхают.

Закурил, глубоко затянулся дымом папиросы; не признавал новомодных сигарет с фильтром. Глотнул остывший уже напиток. Прислушался. Первозданная пугающая тишина, рвущая напряжением барабанные перепонки. Выглянул в бойницу, внимательно вглядываясь вдаль, насколько позволяла видимость. Перевал и тропа осветились луной и холодной мраморно-белесой ленточкой пролегли среди нагромождения камней. Природа дала возможность увидеть подступы и тут же спрятала луну за облака.

Они поднялись на точку вчера ближе к полудню. Первым, кто их встретил на этой высоте, оказался большой орел, сидящий на камне. Он еще на подходе заметил людей, но показывал свой характер и отсутствие боязни: кто хозяин в этих местах? Сидел гордо, поворачивая голову в стороны и подставляя ветру профиль. Под напором воздуха шевелились перья, песчинки ударялись о его крепкие крылья. Наконец он разбросил их в стороны и упал с камня, ловя восходящие потоки воздуха, полетел, поднимаясь над ущельем. Затем долго кружил над перевалом, разглядывая — кто и зачем пожаловали в его владения.

— Выдал, зараза. Теперь духи увидят, что на перевале кто-то есть, — сумрачно выдавил из себя Иван, командир взвода разведки.

Провели разведку местности. Сергей со своими ребятами проверил на наличие мин и взрывных предметов. Затем привычно набросали схему организации обороны, приступили к оборудованию. Саперы, загрузившись боеприпасами, спустились по тропе вниз и приступили к минированию. Требования в таких случаях просты: при наличии небольшого количества мин, много не унесешь на себе в горы, провести их установку так, чтобы надежно прикрыть подходы. Привычно уточнив бойцам задачи, ходил и наблюдал за исполнением. Мальчишки работали сноровисто и быстро. Чему-чему, а работе с боеприпасами в учебках учили толково.

Сергея вновь выглянул наружу. Темно. Что-то тревожило его сегодня. При видимом спокойствии и полной тишине не удавалось мыслями улететь в свои степные просторы, окунуться в теплое душистое сено. Что-то стукнуло в ночи, словно обронил кто монету на мостовую. Откуда здесь монета? Да и до асфальта многие километры. Невольно напрягся и некоторое время вслушивался. Показалось. И все равно беспокоит. Утром нужно провести переустановку. По расчетам банда подойти должна через день — два, хватит времени.

Он опять закурил. Во рту стало горько и гадко от табачного дыма. Потерпеть бы, но хоть какое-то движение не дает уснуть. Он внимательно посмотрел на пульт управления, без изменений. Что ему сегодня так тревожно? Кажется, выполнил минирование правильно. Проверку на пульт провел, пока в ждущем режиме. Запали в голову слова про орла, нет спокойствия.

Днем они начинали, когда птица еще кружилась. Затем резко свалив на крыло, ушла по другую сторону гряды. Только ветер вдоль ущелья падал неравномерными волнами вниз. Подошедший Иван поймал бумажку из-под галет и сунул в карман. Негоже хоть какой след о себе оставлять врагу, без того на шумели. Они вдвоем осмотрели места установки мин, подходы к ним на случай разминирования. Остались довольными. И потом, сколько не работали саперы, возникало ощущение, что за подразделением кто-то наблюдает. Опытно и скрытно. Спина чувствовала взгляд чужого человека, недружественного тебе. Словно через прицел снайперской винтовки, сверяется каждый шаг и составляется схема минирования.

Сергей привычно работал, но в голове держал сюрприз. Он уже приметил в камнях нишу, которая открытой стороной выходила прямо

на тропу и смотрела вдоль нее. Нестандартному мышлению учили их в училище, он это хорошо усвоил. Обязательно устраивал «хитрушки», способные нанести урон неожиданно и с максимальным эффектом. Первый такой сюрприз помог спасти колонну на маршруте. Он привык к смертям, переносил философски. Если противника оставить в живых, он выстрелит тебе в спину. Потому давно пропало чувство жалости, и он воевал для того, чтобы спасти солдат, которых ему вручили матери. Иной раз он видел во сне глаза тех матерей, чьих мальчишек он не смог уберечь. Эти глаза заполняли ночь, он просыпался в духоте палатки и шел на улицу, где до одури курил, чтобы снять напряжение.

Шорох! Или вновь почудилось. Как будто человек в мягкой обуви неслышно ступает по тропе. Только попался под ступню камушек, который подло прокрутился вокруг себя и звуком нарушил тишину ночи. Терпеть, не спать! Слушать! И он вновь прильнул к бойнице, всматриваясь в черный квадрат ночи. Малевичу не снилось столь черные оттенки, когда писал свой квадрат. Тихо. Хлебнул глоток, затянулся. Протянул руку до котелка, зачерпнул ладонью воды и промыл глаза.

Почему так неуютно работалось днем? Казалось, вот неприятель из-за ближайшего камня поймает тебя в прицел и нажмет пальцем спусковой крючок. И весь накопленный опыт цивилизации сухо щелкнет выстрелом, лишая жизни солдата. Его бойца! Но все обходилось, шум ветра и шаги от ускоренного передвижения нарушали мир спокойствия и высоты. Уже в темноте становили его сюрприз — большая противопехотная мина направленного действия. Сотка, любовно их называли. При срабатывании выстреливает четыреста осколков на расстояние до ста шестидесяти метров. Поставь такую и нацель в тайгу — просека получится. Он лично «выцелил» ее по тропе, замаскировал и проверил электрическую цепь.

Спят бойцы спокойно. Надеются, что сегодня врага не будет. Правильно, разведке нужно доверять, но ведь и противник не дремлет. Он привычен по горам двигаться и преодолевает многие километры.

Оставалось два месяца, он вернется в Союз, там ждет девчонка с огромными зелеными глазами. Познакомился с ней в последнем отпуске. Ждет! Потянулся и прикрыл глаза, показалось на секунду. Тут же в сознании появилась матушка, внимательно на него глянувшая без слов. Столько беспокойства в ее глазах! Полыхнуло огнем, в грудь вошло и выстрелило в голову болью. Он подкинулся на месте и напряг слух.

Вновь камушек выдает чье-то присутствие. И опять тишина. Вслушайся не вслушивайся, тихо! Чем больше Сергей напрягал слух, тем труднее что-либо уловить и различить. То прошелестит шаг, то вновь полное спокойствие. Зверек ночной прошмыгнет из расщелины в нору, заденет шерсткой за травинку. Опять ничего не слышно. И вдруг явственно — шорох, точно шаг. И следом еще несколько тихих движений. Уже близко. Черт с ним, ругаться не будут. И он повернул диск прибора на цифру, под которой значилась его любимая соточка, включил кнопку боевой цепи.

Грохот прокатился по горам, раскидавшись по всем распадам и отражаясь, оторвался от земли, как орел и ушел в небо, уже окрашенного полоской света из-за далекой вершины. Подхватились бойцы, занимая места по боевому расчету. Оказывается, не подал команду, а произвел сработку боеприпаса, нарушив тишину. Ведь явно кто-то двигался по тропе. Сидели в обороне, ждали рассвета.

Вершину окутали низкие облака и закрыли обзор. Спустя время белое марево начало редеть и отступать, открывая местность. На тропе виден камень, второй. Вчера на этом месте они не лежали. Серега с напряжением вглядывался.

— Да это же духи, — прошептал боец.

На тропе лежали два тела, посеченные осколками. И чем дальше вниз оседало белое молоко, тем больше пораженных врагов появлялось на тропе. Удачное и своевременное срабатывание мины положило вдоль тропы всю банду. Сто пятьдесят метров вражеских тел, сотни спасенных жизней русских солдатиков, которые вернутся домой встречать рассветы и провожать закаты. И радовать матерей невестками, внуками и просто самой жизнью.

Орден Красной Звезды ему вручали в госпитале Ташкента, за две недели до вывода получил ранение в ногу. Неудачно, ricochetом достал осколок мины.

Никогда не забывайте глаза своих матерей. Они сердцем смотрят на вас и берегут от беды. А вы говорите, интуиция!

Валентина Телухова
(Россия, г. Благовещенск)

БАБУШКА ВОЛЧИХА

Малыш плакал вторые сутки.

— А-а-а-а-а! — тоненько и жалобно выводил он.

Молодая мама брала на руки своего восьмимесячного первенца и ходила с ним по большой комнате старинного дома, раскачивая сыночка на руках:

Ой люлели, ой да люли!

Прилетели журавли!

Журавли-то мохноноги!

Они сбились с дороги!

Они сели на воротца,

А воротца — скрип, скрип!

Вы, воротца, да не скрипите!

Моего сыночка не будите!

Мой сыночек спит, спит!

Алешенька не спал.

— Мой хороший, мой маленький! Что у тебя болит? Как мне тебе помочь? И сказать ты мне ничего не можешь, только плачешь тоненько. У меня сердце скоро остановится от жалости к тебе! К врачам тебя носила, но они не помогли, таблетки я тебе давала, но они всего на полчаса дают тебе уснуть. Что же тебя так беспокоит, Алешенька, солнышко мое.

Оля вышла с сыном во двор и стала, как маятник, ходить из стороны в сторону по длинному двору и раскачивать ребенка, завернутого в тонкое покрывало. Малыш примолк, но не засыпал, а смотрел на маму при лунном свете так пристально, что ей становилось от этого взгляда не по себе.

Во двор вышла Олина мама.

— Устала я от твоего упрямства. Мы идем к бабушке Волчихе. Я с ней вечером договорилась. Выплакала у неё согласие принять нас и помочь моему внуку. Она сильно боится всего. Ей запрещают вести прием. Но меня она поняла. Иди переодевайся, а я уже готова, я уже собралась. Выкати нам коляску, я Алешеньку уложу сама. И не возражай мне. Мало ли что ты бабкам не веришь, зато я верю. Мне Аграфена Дмитриевна руку сложила после перелома так, что она мне до сих пор служит. И никакая она не бабка, потому что она — потомственный костоправ.

У них в городе целая клиника, говоря по современному, была. До сих пор этот дом стоит. Отобрали его у Волковых, да какие-то учреждения разместили. А ей комнатку одну оставили.

Целый род извели. А к их крыльцу везли несчастных со всего края нашего. Они такие переломы лечили, что только диву можно было даваться. Вон на мельнице нашей городской как мельника помяло. Больше десяти переломов. А они на щите его сложили, матрасиками с травами обложи-

ли, да шевелиться не давали. Все зафиксировали. И поднялся человек и в ноги им поклонился. Беги скорей, и пойдем. Сейчас ночь глубокая, нас никто не увидит. Город спит.

Оля послушалась. В голосе матери были такие нотки, что послушаться её было нельзя.

Алешенька и в коляске продолжал жаловаться на свою боль тихим бесконечным плачем.

— Поедем по улице Горького. Она пустынная совсем, а по Кооперативной не поедем. Там может машина милицейская проехать. Они по ночам город патрулируют.

— Мама! А если Аграфена Дмитриевна нам не поможет?

— А кто же нам поможет? Только она. У ребенка вывих. Я же тебе говорю, что пока ты была на занятиях, я не досмотрела за внуком. Он же шустрый вон какой. Я его на диван только положила, а сама за штанишками к комоду на минутку отвернулась, а он с дивана и упал прямо на голову. И сразу стал плакать. Подвывих у него.

— А в больнице сказали, что просто ушиб. Компрессы велели ставить согревающие, да димедрол давать, чтобы спал ночью.

— Ты все делаешь, а облегчения мальчику никакого нет. Значит нужно искать другую причину боли.

По темному притихшему городу две женщины — мать и дочь — везли детскую коляску с плачущим малышом так осторожно, что миновали все ямки и бугорки на своем длинном пути.

Было полнолуние. Огромный лик Луны лил свой призрачный голубоватый свет на землю так щедро, как будто она так выражала свое женское сострадание крошечному мальчику, которого мучила боль.

Прямые, как стрелы, улицы и удобные тротуары вдоль череды деревянных домов просматривались насквозь. Огромные тополя шелестели своими листьями, как будто хотели убаюкать бедного малыша. И ветер притих и не посмел дунуть на детскую коляску даже слегка.

Бывший дом костоправов стоял на углу Кооперативной и Театральной.

— Вот, приехали. Коляску в кустах спрячем, а сами потихоньку к окошку подойдем и стукнем в него три раза. Аграфена Дмитриевна нас поджидает.

— Мы, мама, как в шпионов играем. Все так таинственно!

— Будешь тут играть, когда её бедную периодически в органы вызывают и предупреждают об ответственности за непрофессиональную помощь больным. Она и так свое ремесло никому не передала. Дочь у неё единственная рано умерла. Она внука вырастила, а он у неё по тюрьмам пошел. Муж на войне полег. У неё такая судьба горькая — не позавидуешь ей.

Она столько добра людям сделала, так вот и побережем её от новой беды.

Оля взяла сына на руки. Он покорно положил ей голову на плечо и всхлипнул. Такой живой и проказливый мальчик теперь был покорным и усталым.

Незаметная в темном заборе калитка была открыта. На условный стук открылась и дверь в огромный и темный коридор. Справа приоткрылась дверь, в неё скользнула полоска света и тут же исчезла. Хозяйка свет выключила.

Оля занесла ребенка в комнату. Мама зашла за ней следом.

— Никто вас не видел?

— Не бойтесь, Аграфена Дмитриевна. Мы дальней дорогой добирались со стороны улицы Горького.

— Вот и славно. Проходите.

Маленькая, сухонькая, чуть сгорбленная старушка включила настольную лампу.

— Чтобы из окон свет никому в глаза не бросался, — пояснила она. — Заносите ребеночка в закуток.

Комната отапливалась голландской круглой печкой прямо из общего коридора, на ней нельзя было готовить пищу. Хозяйка комнаты отгородила себе ситцевыми занавесками закуток, в котором была полка с посудой, маленький столик с примусом на нем и странная кушетка у стены. Оля поняла, что кушетка сделана из одной огромной, толстой тесины.

Бревно было распилено пополам, и срез его был отполирован до блеска. Круглые фигурные подставки в форме лап дикого зверя удерживали бревно.

— Вот сюда клади. Раздевай его совсем. Буду осматривать.

Оля торопливо сняла с сыночка вязаный костюмчик и тонкий круглый беретик, сняла рубашечку и колготки.

Аграфена Дмитриевна взяла малыша на руки и положила на спинку. Алеша притих.

В полной тишине знахарка стала осматривать малыша. Её руки странно ожили и стали проверять вначале пальчики на ножках у ребенка. Она прикоснулась к каждому суставчику, к каждой косточке. Глаза у неё были полузакрыты, а лицо выражало такую внутреннюю сосредоточенность, что не возникало никакого желания окликнуть пожилую женщину. Было понятно, что она работает. Она ищет изъян в расположении косточек малыша.

Старушка проверила ножки малыша и руки, и грудную клетку, осталась осмотром довольна.

— Тут все в порядке! — негромко сказала она. — Теперь посмотрим спинку.

Мальчик лежал на животике очень ровно и не хныкал. Прикосновение рук старой женщины несло ему успокоение.

Высохшие старческие руки почти невесомо легли на шейку малыша. Пальчики исследовали каждый маленький шейный позвоночник.

— Есть! — вдруг громко сказала знахарка.

Она сделала какое-то неумовимое движение, и раздался какой-то странный звук, похожий на щелчок. Алеша пискнул и притих.

— Падал?

— Падал с дивана прямо на головку.

— Когда?

— Позавчера вечером.

— Намучился. Все в порядке. Я вправила вывих. Следите за малышом лучше.

Алеша мгновенно уснул. Он даже испугал этим свою молодую маму.

— Не вскидывайся! У него боль исчезла мгновенно. Пусть поспит. Не будите зря.

Аграфена Дмитриевна своими волшебными ручками прошла по всему позвоночнику ребенка. Она убедилась, что все косточки у ребенка стоят правильно.

— Забирайте моего пациента. Заверните прямо так в одеяльце, не тревожьте мальчика.

Олина мама достала из своей сумки большой красивый платок.

— Напрасно, Руфинка, ты тратилась. Напрасно. Глянь!

Старушка приподняла крышку сундука, а в нем лежали платки самых разных расцветок.

— Я соседке сказала, что когда уйду, пусть она всем, кто меня проводить придет, по платку подарит. Мне уже пора о вечном думать. А вот за картошечку и огородную продукцию, что ты мне днем принесла, отдельное спасибо! Отдельное! И за мед. Я теперь так чаевничаю хорошо. Пенсия-то у меня крошечная. А пирога твоего мне теперь на всю неделю хватит.

Ступайте, а то уже светать начинает. У меня тут догляд есть. Все люди, как люди, а этот сосед все доносы строчит. Сам лодыжку вывихнул, я ему на место все поставила, а он все равно донос написал. Вот что за человек. Семьдесят лет я уже косточки людям правлю. В пять лет под руководством бабушки своего малыша пальчик на место поставила. Вот на этой самой кушетке. Когда нас уплотняли, а все вокруг на дрова пускали, я выпросила эту кушетку. Теперь сяду на неё вечерочком, да и вспомню своих родственников. Всех по свету судьба раскидала.

Оля вместе с мамой своей низко поклонилась доброй женщине.

— Простите! — пробормотала она, и слезы показались у неё из глаз.

— За что?

— За неверие.

Стараясь ничем не нарушить тишину предрассветных улиц, две женщины катили детскую коляску домой в абсолютной тишине. Малыш спал безмятежно. Его теперь ничего не беспокоило.

Мать и дочь молчали. Оля всю дорогу вспоминала чуткие руки знахарки и невольно сравнивала их с руками доктора. Дама на приеме даже не осмотрела малыша толком. Она только выслушала жалобы мамы, да взглянула издали на припухлость в области шеи и выписала таблетки и компрессы.

«А ведь она шесть лет училась лечить людей. А бабушка Аграфена Дмитриевна училась всю жизнь.

И как мне стыдно теперь, что я так спорила с мамой и доказывала ей преимущества официальной медицины. Они есть. Но почему тогда не идти бы им рядом с искусством костоправов и не дополнять друг друга?»

Приближался рассвет. Рассеивалась мгла ночи, а на смену ей шел солнечный свет, который обозначился уже тоненькой алой полоской на востоке...

ЛАСТОЧКА

Она была похожа на ласточку. Чем? Трудно сказать! Может быть тем, что носила спортивную форму синего цвета? Или тем, что была стремительной в своих движениях, и когда шла мимо, то всегда казалось, что у неё крылышки за спиной, и они трепещут и посвистывают, разрезая воздух? А может быть тем, что она была сероглазой? Все поэты, не сговариваясь, называют ласточек сероглазыми.

«О вернись! Сероглазая певунья, зорька, ласточка моя!» — пел когда-то знаменитый тенор, а строчки другой песни звучали тоже очень хорошо.

До чего же ты хороша, сероглазая!
Как нежна твоя душа, понял сразу я.
Люблю твой взгляд, улыбку, звонкий смех,
В мире ты, клянусь, лучше всех!

Она была «леди». Именно так называют дам с изысканным вкусом. Никогда она не делала вычурных причесок, никогда не носила пеструю одежду, а всегда выглядела элегантно.

— Воспитанная девушка! — говорила о ней старейшая учительница школы, — накопит опыта и будет замечательным педагогом!

С ней было очень приятно общаться. Она не заискивала ни перед кем, не роняла никогда своего достоинства, и в свои двадцать с небольшим лет имела твердые убеждения, свой взгляд на жизнь и отстаивала свою точку зрения немного категорично. Говорила твердо.

— Нет! Вы не правы. Ситуация не безнадежная! Выход есть! Все ещё можно исправить!

В первый же год работы, во время массовых осенних соревнований, она так «болела» за своих подопечных, что со стороны было приятно смотреть.

— Ты можешь и должен пройти дистанцию хорошо! — говорила она каждому участнику перед стартом. А если видела, что у школьника не хватает силенок, она бежала рядом с ним последние метры дистанции, подбадривая бегущего своим голосом.

— Давай-давай! Немного осталось. У тебя силы ещё есть! Ты дойдешь до финиша! Ты сильный!

И ребенок не сходил с дистанции, и она делила с ним радость его победы.

Педагогический стаж у неё был уже почти четыре месяца, когда она преподавала мне урок, который я запомнила навсегда.

Все началось в столовой, куда я отправилась обедать после того, как выдала пять уроков подряд. Я сидела за обеденным столом никакая. Темы были настолько трудными, я настолько напрягалась, чтобы добиться у детей полной ясности в их понимании, что от напряжения на спине выступил соленый пот. Так что я совсем, как в писании, «в поте лица» добывала свой хлеб. Это только со стороны кажется, что учительский труд не требует напряжения сил. Но кто знает этот труд изнутри, тот поймет и мое состояние, и мою усталость. Я была в подавленном состоянии не только от сильной усталости, у меня была грусть в глазах от того, что в классе, где я была классным руководителем, были неприятности. В школе проводились спор-

тивные соревнования по волейболу, в каждом классе формировались команды. Мальчики моего класса отказывались брать в команду Гену, потому что он был немного нерасторопным мальчиком.

— Ты нам всю игру испортишь! — говорили они ему.

А он переживал очень сильно, а мне его было жалко, но я ничем помочь не могла. Я пожаловалась за столом на своих своенравных мальчиков всем присутствовавшим.

— Они говорят, что если возьмут Гену в команду, то проиграют. А по мне, так пусть лучше проиграют, чем так поступят со своим одноклассником. Вот так люди и теряют свои позиции в жизни. Сегодня в команду не возьмут, завтра ещё куда-нибудь. И пошел готовый неудачник в жизнь прямо со школьной скамьи. Они уже приняли решение. Изменить я его не могу, а мальчишка просто впал в депрессию. А я ничем помочь ему не могу!

За рассказом я не заметила, как Наташа подседа к моему столу и прислушалась к разговору.

— Сколько дней осталось до соревнований? Когда выступает ваша команда?

— Пять дней всего осталось, включая сегодняшний.

— Ну, и как вы хотите изменить положение дел?

— Никак! Я думаю, класс прав. Гена действительно неуклюжий, долго-вязый, нелепый какой-то. Да и мяча он боится. Приседает, когда мяч летит на него, и голову руками закрывает. Какой тут волейбол? И смех, и горе! Чем тут можно помочь?

— Можно помочь, еще не поздно! Я попытаюсь исправить ситуацию.

— Полно вам! Станете вы возиться с мальчиком из чужого класса? Вы считаете, что можно все преодолеть упорством и тренировкой? Но, простите, если природа-матушка обделила человека, то тут уж ничем не поможешь!

— Удивляете вы меня! Спорт может многое, он может даже помочь человеку подрасти. Существует такой комплекс упражнений, который помогает увеличить рост на 3-4 сантиметра.

— Где-то я это уже слышала! Один мальчик пользовался советами такими. Может, и подрос, только это мало помогло ему в жизни.

— Можно изменить походку человека, сделать её летящей. Вот в вашем классе Соня, такая милая, стройная девушка, а как тяжело ходит, как грузчик с пудовой ношей. А если бы она занималась гимнастикой, у неё походка была бы легкой. Зря вы не верите в то, что спорт может многое изменить. Я — за спортивную жизнь! Спорт — это здоровье и радость!

Я пробормотала что-то насчет того, что в силу спорта я очень верю, что спорт может многое и так далее, а в душе я соглашалась не с каждым её словом.

Через три дня в школе был день родительских собраний. Я тоже встречалась с родителями своих учеников. Как всегда, на собрание пришли одни мамы. Как всегда, я рассказывала родителям про наши успехи и неудачи, деликатно знакомила родителей с оценками своих учеников, заранее выписав их на отдельные листочки. Разговор был долгим и доброжелательным. Когда все проблемы мы обсудили, я попрощалась со всеми, а мам двоих учеников — закадычных дружков — попросила остаться. Мама насторо-

жились, переглянулись и молча пересели поближе. Я стала им рассказывать горестную историю о том, как их ненаглядные сыночки прогуляли недавно целых три урока. Вначале эта история воспринималась трагически, а потом одна из мам не выдержала, захихикала, сказала: «Во, Колька, дает!», а другая громко рассмеялась, я тоже стала вместе с ними смеяться над проделкой мальчишек. История была трагикомическая. Два друга решили во что бы то ни стало посмотреть очередную серию «Семнадцать мгновений весны» досрочно, в утренние часы. Для этого они и покинули гостеприимную школу и укрылись в доме одного из них, пока матери были на работе. Они придумали оправдание. Они даже в самом деле порезали палец, чтобы сказать, что ходили на перевязку в поликлинику. А не сработало. Когда девочки, отводя глаза, сказали, что мальчишки ушли в поликлинику, я почти бегом помчалась туда, но их там не нашла. Тогда я пошла к ним домой, а они как раз выходили из подъезда и не видели моего приближения. Они договаривались о том, что они скажут мне в школе. У одного из них был перевязан палец. Они потом мне рассказали, как один из них зажмурившись, порезал себе палец. Чтобы было правдоподобно! Когда я предстала перед ними, была немая сцена. Как в «Ревизоре» Гоголя.

— Что? — грозно сказала я. — Про Штирлица смотрели? Ну, и как он, Штирлиц, поживает?

— Хорошо! — растерянно сказали дети.

— Марш на уроки! Палец можно было и не трогать. Можно было обойтись томатной пастой. Что? Не додумались?

Обсудив эту историю, мы решили не устраивать трагедию на ровном месте, а просто снисходительно поговорить с мальчишками. Сказать, что их поступок на уровне второго класса, и что на четырнадцать лет он просто «не тянет». От таких взрослых детей они, мамы, такого не ожидали. На том и порешили.

Наконец, сложный день завершился, и я пошла домой. Когда я спустилась на первый этаж, услышала в спортивном зале знакомый голос. Дверь в него была широко открыта. В зале я увидела своего Гену и молодую учительницу физкультуры.

— Ты не бойся мяча, — говорила она незадачливому спортсмену, — не бойся. Он тебе не причинит боли. Даже если стукнет слегка, ничего страшного не произойдет. Вот брось мяч в меня. Видишь, я от мяча не отворачиваюсь, я к нему устремляюсь, чтобы его отбить. Преодолевай свой страх.

Видно, что тренировка в зале с одним спортсменом шла уже давно. На мальчишке майка была мокрой от пота, но вид у него был радостный.

— У меня уже иногда получается.

Я взглянула на часы. Шел десятый час вечера. Да, только в эти часы зал бывает свободен. Я никак не побеспокоила ни учительницу, ни Гену. Я постояла в неосвещенном коридорчике, ведущем к залу, посмотрела, как молодая учительница кидала мальчику мяч всякий раз по-разному. Где можно было брать столько силы? Она целый день трудилась, но только выражение лица показывало её усталость. Я тихо ушла. Я не верила в результат тренировок.

— Зря она теряет время! — с досадой подумала я, — не жалеет сил своих. Что значит молодость и горячность!

В день соревнований я пришла в спортивный зал «поболеть» за своих. Каково же было мое удивление, когда я увидела в команде моего класса Гену. Он шел впереди всех, и вид у него был торжественный. Я не скажу, что он играл великолепно, но игры он не портил. Хорошо брал мячи и отбивал их. От летящего мяча не прятался, а держал удар.

— Какая молодец! — восхищенно подумала я о молодой учительнице. — Сразила меня наповал. Никогда и ни в ком нельзя разочаровываться, нужно всегда и до конца верить в детские силы! Верить и поддерживать! Будь то хоть физкультура, хоть математика, хоть литература. Не имеет значения. Ты должен, ты можешь! Стремись!

Команда нашего класса победила и получила желанную грамоту. Мои победители сияли, но Гена ослеплял всех. Он и до соревнований умел улыбаться, а здесь он улыбался так, что друг его пошутил:

— Попридержи варезку, а то зубы вывалятся!

— Не вывалятся, они у меня крепкие!

Мальчишеский хохот был слышен даже в школьном коридоре, а дремавшая на швабре уборщица тетя Рима даже вздрогнула от испуга.

На душе у меня было светло и от того, что мои ребятишки достойно выступили в соревнованиях, и от того, что Гена одержал победу над самим собой.

И еще я подумала после этих соревнований, что зря опытная учительница сказала о молодом педагоге, что из неё получится хороший учитель. Не получится, а уже есть! Есть готовый талантливый молодой педагог. Она могла и хотела вести детей к свету, она могла и хотела помочь своим ученикам, и она делала это.

Теперь, когда через много лет я вспоминаю её первые шаги в школе, а потом и последующие, я всегда сравниваю её с ласточкой, потому что «полет» её был ярким и стремительным, и очень жалею о том, что он так рано оборвался.

Звали её Наталья Евгеньевна Марчук.

ШУРШАЛИ ГОЛУБИ НА КРЫШЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Деревня называлась Кудринка. Она стояла на берегу речушки с таким же названием. У реки не было крепких берегов, которые бы направляли её потоки, поэтому она позволяла себе «капризничать»: часто меняла своё русло и причудливо извивалась. Вокруг неё и по правому, и по левому берегу было множество озёр, которые прежде были её старым руслом. Они так и назывались — «Старицы».

Легкомысленная речка по каким-то неведомым причинам чаще всего весной прокладывала себе новый путь, как будто за зиму она забывала прежнюю дорогу. За одну ночь Кудринка смывала целые огороды и радостно под-

биралась иногда прямо к порогам домов. И были случаи, когда дома приходилось переносить на новое место.

Кудринка раздваивалась на рукава, образуя островки, потом сливалась в один поток, журчала на перекатах, играя камешками, застаивалась в глубоких омутах, принимала родники и ручейки и становилась к устью все полноводнее и глубже.

И рыбка в ней водилась, и ребяшня плескалась летом, а вечерами приходили искупнуться взрослые, а в период освоения Амурского края была она водной дорогой.

Речка выгибалась дугой вдоль деревни, и единственная улица повторяла её изгиб. В центре деревни была площадь, на которой стояло главное здание села — бревенчатый несуразный клуб барачного типа с печным отоплением. Чуть в стороне за клубом была ферма крупного рогатого скота на сто голов, рядом с ней — телятник. Здание фермы и здание клуба были так похожи друг на друга, что было непонятно, то ли ферму разместили в бывшем клубе, то ли клуб — в здании бывшей фермы.

В центре села на этой площади стоял скромный памятник, за которым жители деревни бережно ухаживали. Пирамидку сложил печник дед Ефим, поэтому она и походила на печную трубу. Она была помазана глиной и побелена, обсажена кустами, обнесена железной изгородью. На пирамидке была прикреплена табличка, на которой значилось, что летом 1921 года на этом месте были расстреляны революционеры. Далее перечислялись имена троих погибших, а четвертое имя названо не было, просто написано было внизу: «И один неизвестный».

С детских лет знали все деревенские жители эту печальную историю. Пришли неожиданно каратели в деревню, застали партизан, которые укрывались в деревне, врасплох и казнили без всякого суда и следствия. Хотя и не разрешали каратели хоронить погибших, но кудринцы угроз не боялись, захоронили их тайно на кладбище, а могилку с землей сравняли.

Потом, когда началась мирная жизнь, насыпали холм над братской могилой и стали ухаживать за ней, а на месте гибели поставили памятник.

За деревней на север была марь — огромное труднопроходимое болото, через которое не было дороги, но в западной стороне были просторные поля — настоящая радость для хлебороба. С юга деревню подпирали сопки. В некоторых местах река подходила к ним так близко, что едва оставалось место для дороги, которая ниточкой вилась вдоль них. За рекой тоже были поля, но принадлежали они другому хозяйству.

Кудринка была в стороне от больших дорог, но жила одним дыханием со всей страной. Звучало радио. Огромный серый репродуктор висел на столбе возле клуба, и в шесть часов утра, когда доярки уже подоили коров, и молоковоз повез удои в районный центр на молочный завод, а телятницы напоили телят теплым молоком, когда трактора уже отшумели за околицей и начали работу в полях, проснувшееся радио радостным голосом московского диктора произносило: «Доброе утро, товарищи! Начинаем утреннюю гимнастику!»

«Закончили уже!» — шутила Надежда Степановна — бригадир животноводов. А диктор не унимался. Он предлагал делать круговые движения рука-

ми, ставить руки перед грудью и махать ими в разные стороны, приседать и кланяться и завершить все бегом на месте.

Бедные горожане! Это ж надо же, им на месте бегать предлагали! А кудринцам было куда сбегать «на живой ноге», как говорила бабушка Фленушка: хоть на речку, хоть на верхние озера, хоть в лесок!

Вечерами шли телевизионные передачи, и в каждом доме были черно-белые телевизоры. В программе «Время» дикторы рапортовали о том, как прекрасно живет и трудится страна. В деревне и в самом деле неплохо жилось. При клубе была небольшая библиотека, а фильмы демонстрировались в нем каждый день. Жители села — полеводы и животноводы добросовестно трудились на ферме, на телятнике, на зерновом дворе, на обширных пашнях. Дети учились в школе, которая размещалась в пристройке к клубу.

Школа была начальная и малокомплектная, в одной классной комнате под руководством одного учителя занимались ребяташки с первого по третий класс. Учительница в селе не жила, а каждый день приезжала на школьном автобусе, который забирал старшекласников в соседнее село на центральную усадьбу в среднюю школу.

Ранним утром в деревню ежедневно приезжал ещё один автобус — рейсовый и разворачивался возле клуба. Он увозил всех желающих в районный центр, а в четыре часа дня он делал второй рейс, и возвращал кудринцев домой.

Каждую весну в село приезжали переселенцы. Народ был всякий, приживались редкие, нравы в деревне были строгие, пьянство считалось делом зазорным. Всеми делами в селе распоряжался управляющий вместе с бригадиром и заведующей фермой.

Управляющий себя не возвеличивал, бригадир и заведующая фермой тоже были люди скромные. Сама себя возвеличивала и считала себя первым человеком в деревне, самым важным и значительным Мария Михайловна. Начальник узла связи. Именно так она себя называла.

Это в других деревнях человека с почтовой сумкой называли почтальоном или почтаркой, а Мария Михайловна такой вольности не допускала. Отдельного здания у почты в селе не было. Мария Михайловна всех обслуживала на дому. Летом она никого во двор не пускала, а если кому нужно было отправить перевод, посылку, то бланки они заполняли на чистой, гладкой, отмытой и выскобленной деревянной крышке, которой была накрыта бочка с дождевой водой, стоявшая за двором. Деньги и заполненные бланки, посылки передавали через забор, а письма опускались в почтовый ящик, который горделиво висел на столбике возле дома.

Зимой Мария Михайловна посетителей пускала во флигелек во дворе, который отапливался всю зиму, но почему-то назывался летней кухней. За почтой начальник узла связи ездила на центральную усадьбу каждый день на лошади, которую летом запрягала в телегу, а зимой — в сани. По деревне почту она не разносила, она приучила всех жителей за почтой приходить к её двору. Она устраивала выдачу всегда вечером в одни и те же часы, и по такому случаю летом надевала почтовую форму черного цвета с медными пуговицами, которую ей когда-то давным-давно выдали. Форму затем отменили, но Мария Михайловна не нашла в себе силы расстаться с такой красотой, по-

этому носила её бережно и осторожно много-много лет и в клуб одевала по праздникам. Зимой она распахивала полы куртки, чтобы все видели, что она в форме, а значит при исполнении своих обязанностей.

Замечательных людей в деревне жило много, и каждый человек был на виду, и о нем волей или неволей знали всё, потому что родился он здесь и вырос, потому что женился, и сам стал детей растить, потому что кому-то он здесь был брат, кум и сват. А если он человек приезжий, то о его прежней жизни узнавали из нечаянных слов, разговоров, из слухов. А что не знали, то домысливали.

Когда в Кудринку приехали эти маленькие люди и привезли с собой годовалую девочку, все решили, что не может быть, чтобы её отец и мать были настоящими кровными родителями девочки. Ну, не могла такая маленькая женщина стать матерью! И не мог такой маленький, похожий на ребенка мужчина стать отцом!

Издаেকে приезжие были похожи на детей, но у них были лица взрослых людей. Печальные лица. И эта печаль в их глазах вызывала сострадание. Как им жить в этом мире, где все предметы им слишком велики? До выключателя даже трудно дотянуться, не говоря уже обо всем другом.

Они купили себе заброшенный домик, а на время поселились у соседки Марии, и сразу все, кто мог, пошли помогать новоселам устраиваться на новом месте и потихоньку расспрашивать: кто они, откуда, почему не по переселению приехали, а за свои денежки? Надолго ли в эти края?

На все вопросы Алексей Алексеевич и Ольга Алексеевна отвечали неохотно, но твердо говорили, что приехали они сюда навсегда. Были Колосовы все на одной фамилии, в свидетельстве о рождении девочки было написано, что она — Зинаида Алексеевна, значит и правда, этот карлик был её отцом!

И хотя были в деревне в это лето новости и погорячее: суматошная Валентина вышла замуж за Антона, но со свадьбы сбежала, и ни к другому, а просто так, застеснялась бедная и где-то скрывалась. И молодой муж её искал повсюду, а деревня жалела его.

— Бедный парень! Вот и женился уже, а все живет один, без всякой радости! — вздыхали мужики вечерами на скамейке.

Так и вспоминали потом этот год по двум этим событиям.

— Постой-ка, да в каком году это было? Это ж было, когда махонькие к нам в деревню приехали, а от Антона Валентина со свадьбы сбежала.

— Это же какая Валентина? Та, у которой пятеро детей?

— Она самая. За речку к тетке скрывалась. Застеснялась так сильно! А сейчас не стесняется! Пошло дело! Уже пятеро на руках! Да какие детки золотые!

Мужики многозначительно хмыкали и переходили в разговорах на другие темы.

Все было в деревне размеренным и чуть замедленным, и только речка торопилась куда-то из года в год.

Новоселам помогли устроиться на новом месте. Электрик Костя перенес им выключатели и розетки пониже, возле колодца во дворе их дома сделали приступочки, чтобы они могли легко им пользоваться. Вместо ворота поставили колодезный журавль с маленьким противовесом, чтобы им легче было воду доставать. Дом внутри подремонтировали, отмыли. Хотели побелить,

но новые хозяева воспротивились. Они сказали, что от чистого дерева больше света исходит. От прежних хозяев в доме осталась плохонькая мебель, да утварь. Управляющий разрешил взять кровати со склада. Жить было можно!

Колосовы весной посадили огород, заложили сад, развели птицу и стали держать коз и зажили в трудах и заботах. Ребенка нужно было молоком поить, а с коровой хозяевам не справиться! Хотя и козы у них были такими противными, лазили везде и досаждали всем соседям, никто и слова не сказал в осуждение! Живи сам и давай жить другим — таков был главный принцип кудринской жизни.

Алексей Алексеевич стал работать сторожем на ферме, а Ольга Алексеевна вначале оставалась дома, потому что работы по силам ей не нашлось, да и за ребенком уход был нужен. А через некоторое время она стала заведовать клубом и с работой справлялась. Она прекрасно танцевала, а её муж показывал цирковые номера на профессиональном уровне и не только показывал, но и учил всех желающих этому увлекательному делу. Цирковой кружок при клубе славился на весь район!

Уже через год эти странные люди стали в деревне вполне своими. Все вокруг перестали замечать их маленький рост и называли только по имени отчеству.

Управляющий заботился о семье и помогал им с заготовкой сена на зиму, а в деревне все его действия одобряли, и все помогали семье Колосовых также ответственно, как одиноким старикам и пенсионерам.

Управляющий Матвей Иванович не был старожилом в селе, он стал управляющим после Захара Максимовича, который ушел на пенсию. Матвей Иванович приехал сюда по распределению после института молодым человеком, и стал работать механиком на отделении совхоза, но остался здесь надолго и стал самым уважаемым человеком в деревне. Он никогда не повышал голоса, он все делал тихо и осторожно, а распоряжения свои делал в странной форме.

— А хорошо бы нам сегодня начать боронование по всходам, — тихо говорил он на утренней летучке, на которой обсуждался план работы на день.

Мужики сидели на длинных скамейках под навесом возле маленькой прокуренной конторы и выжидали, когда будут сделаны распоряжения. Управляющий ни к кому не обращался конкретно, смотрел куда-то в сторону, но все понимали, что он просит совета. Если с ним соглашались, то так и поступали. Если старые механизаторы говорили, что еще рановато, и соя корнями в землю мало проросла, Матвей Иванович менял свое решение.

Он никогда не бранился, никогда не говорил плохих слов, относился ко всем уважительно. Его любили все деревенские жители и признавали его начальствующее положение, хотя Матвей Иванович начальника из себя не ставил. Любили и жалели его ещё и потому, что у него был сын Петя, и он был ребенком, вечным ребенком.

Маленькая девочка, черноглазая и черноволосая, кудрявая Зина на приволье росла и подрастала такой милой и послушной, такой ласковой и приветливой, что мимо неё никто не мог пройти, не сказав ей доброго слова. И звали её не иначе как Зиночкой.

В деревне все-таки ходил недобрый слух о том, что карлики-родители Зиночку украли или купили за деньги у какой-нибудь плохой матери, цыганки, например, и уехали на край света. Уж больно маленькая Зиночка на цыганочку похожа была! Но она была похожа и на свою маму Олю тоже!

Однако слухи эти ходили-ходили, и дошли до высокого начальства, и однажды возле дома Колосовых остановилась милицейская машина, и из неё вышел строгий участковый милиционер, зашел в дом и потребовал предъявить свидетельство о рождении девочки. Он долго его изучал, даже почему-то посмотрел на свет и пришел к выводу, что свидетельство подлинное, а разговоры по селу — пустые. А после его ухода Зиночкиной маме стало плохо, она обняла свою дочурку и заплакала, а отец обнимал их обоих и говорил, что никому никогда и ни за что он малышку не отдаст и в обиду не даст. И никто никогда её у них не отнимет.

Никто и не отнял. Зиночка очень быстро переросла своих родителей и уже в третьем классе была выше их. С детских лет Зиночка привыкла к тому, что она в семье — самая большая.

— Зиночка, помоги мне! Мне одному не справиться! — звал её отец.

— Зиночка, помоги, мне одной не справиться! — окликала мать.

Зиночка помогала поднять чугун на печку, сдвигала ворошок сена в огороде и везде справлялась, «сдюживала», как на украинский манер говорила приветливая соседка баба Маша. Зина так привыкла к тому, что она в семье самая сильная, что родители постоянно нуждаются в её помощи, что даже в школе никогда не оставалась после уроков, а спешила домой.

— У меня родители там одни, я спешу!

— У всех родители дома, но никто так домой не рвется, как ты, — говорили ей учителя.

— У всех родители большие, а у меня маленькие. Они у меня даже воду из колодца с приступочки достают. Им без меня никак не справиться. А коза Катька не слушается папу и не даёт ему спокойно в хлеву почистить. А меня слушается! Потому что папа у меня маленький, а я — большая!

Спорить с Зиночкой было невозможно, она показывала свою несговорчивость тем, что вставала в позу: подбоченивалась, смотрела исподлобья своими черными жгучими глазами очень сердито, а её смоляные кудри придавали ей какой-то самурайский вид, и последнее слово всегда оставалась за ней.

Зиночка в школе была примерной ученицей, а родители так радовались каждому её успеху, что в школе аттестат девочка получила самой первой, потому что в нем не было не единой троечки. А дальше учиться она наотрез отказалась.

— Я остаюсь в деревне. Я вас не брошу. Как вы без меня? Вы без меня не справитесь! Буду тебе, мама, в клубе помогать, буду за тебя, папа, дежурить, когда тебе нездоровится, а там, может быть, работу себе найду здесь!

Работа нашлась неожиданно. Мария Михайловна с работы уволилась и уехала в город к дочери нянчиться с маленькой внучкой. Рассталась она с деревней, где родилась и выросла и прожила всю свою жизнь, и с любимой работой со слезами на глазах, потому что проработала почтальоном в деревне больше сорока лет. В последний день своей работы она лично сама разнесла почту и поклонилась каждому дому и всем деревенским улочкам. А её ше-

стидесятилетние подружки сидели на скамеечках за воротами и прощались с ней легко, чтобы она не тосковала и прижилась на новом месте.

Дела почтовые Мария Михайловна передала Зиночке и ещё целую неделю учила её почтовым премудростям, давала советы и наставления, потом писала ей письма из города с новыми наставлениями. Все почтовое имущество она тоже передала по акту, а потом тихо спросила Зину, не нужна ли ей и форменная одежда? А когда выяснила, что Зиночка от форменного пиджака отказывается, пожилая женщина облегченно вздохнула и упаковала его в чемодан.

Зиночка почтовые порядки в деревне поменяла. Она отдала в совхоз и лошадей, и сани, и телегу и теперь зимой ездила за почтой на школьном автобусе, а летом — на велосипеде. А вскоре почту стали доставлять почтовые машины. Газеты, журналы и письма Зина разносила сама. Возле каждого дома на заборе красовался почтовый ящик. Некоторые ящики для нерадивых хозяев сделал Алексей Алексеевич сам, и сам же прибил их на нужных местах. Обслуживала свой участок доставки Зиночка мгновенно. Она не останавливалась возле каждого дома, но с каждой хозяйкой вступала в разговор.

— Здравствуйте! Как живете? Писем вам нет! Пишут! Чернила в бочке разводят! Читайте газетки! — проходя мимо двора, громко кричала Зиночка, даже тогда, когда хозяев не было видно.

— Заполошная, ох и заполошная! — говорили о ней с улыбкой. И долго смотрели из окон вслед молодой, стройной, черноволосой и кудрявой темноглазой девушке, которая не шла, а почти бежала по широкой деревенской улице.

А старенькая бабушка Груша, которой было столько годков, что она устала их считать, качала головой.

— Ангел, ну чистый ангел!

И хотя внешне Зиночка на ангела была мало похожа, старушка видела сердцем, а не глазами. Она имела в виду ангельскую доброту молодого почтальона.

Осиротела Зиночка в один год. Фельдшерица сказала, что такие маленькие люди живут не так долго, как все. Подкосила их эпидемия гриппа.

— Теперь в город поезжай, учиться поступай! — говорили все Зиночке.

— Никуда я не поеду от родных могил. У меня ведь никого на свете нет. Я даже не знаю, есть ли у меня родственники? Нам никто не писал, мы никуда не писали. Я расспрашивала у мамы с папой о тех местах, откуда они родом и где я родилась, но они всегда отмалчивались. У меня и подружки все разъехались и мальчик, который мне в школе так нравился, тоже уехал, я совсем одна осталась. Деревня теперь моя семья, а её жители — все мои родственники. Да и работа моя мне по душе! Нравится мне моё почтовое дело!

И опять Зиночка зашагала по селу, и каждый день то в одном краю села, то в другом звучал её чуть погрустневший голос.

— Здравствуйте! Как живете? Читайте газетки, а письма вам пишут! В другой раз непременно принесу!

Двери Зиночкиного дома всегда были открыты для посетителей, и обслуживала она всех не за двором, и не у порога, а приглашала в дом. Она

была со всеми приветливой и доброжелательной, но особенно дружила со своими соседками.

Справа от неё жила баба Паша Полякова, которая тоже осталась одна недавно, а баба Маша Криницкая — другая соседка, уже лет десять жила вдовой. Соседки дружили между собой, но были полными противоположностями друг другу.

Баба Маша была высокой, стройной, крепкой женщиной с громким голосом и размашистой походкой. Зимой и летом она ходила в суконной юбке, и только меняла зимние свитера собственной вязки на летние кофточки. Она с утра до вечера покрикивала на всех, кто попадался ей под руку. На кота, на собаку, на кур в огороде, на домашнюю скотину в пригоне. Вокруг неё везде и всюду были шум и суета.

Дед Ефим побаивался её и называл атаманом. Он по неосторожности занял у неё на выпивку год назад небольшую сумму, и все никак не мог отдать. При встрече Мария Ивановна хватала его за воротник, встряхивала, потом, придерживая рукой, чтобы он не скрылся, на всю деревню объясняла ему, что деньги ей с потолка не падают. А дед Ефим называл покойного мужа Марии Ивановны страстотерпцем, прожившем с такой змеюкой десятки лет.

— И как он только с тобой жил?

— Счастливо!

Мария Ивановна после таких слов умолкала, отпускала деда на все четыре стороны, уходила домой и долго сидела в горнице одна, глядя на красивый портрет дорогого своего Степана. Все тридцать пять лет счастливой семейной жизни он был Марии и мужем и другом. Даже интересы у них были общие. Мария была хорошим рыбаком и знала все тонкости и премудрости этого дела даже лучше, чем некоторые мужчины. Дети и внуки навещали её регулярно, звали к себе, но она на переезд не соглашалась.

— Я так привыкла к тому, что речка за огородом журчит, что и не представляю, что я без неё делать буду. Летом натрудишься в огороде, да сразу в речку. Усталость как рукой снимет! Да и рыбалить я люблю! Все рыбные места на речке знаю! — говорила баба Маша, — а с лодкой резиновой управляюсь лучше всякого мужчины.

Прасковья Терентьевна была ровесницей Марии Ивановны, и на этом их сходство заканчивалось, потому что соседка была невысокого роста, полненькой, маленькой, круглой и подвижной женщиной. К тому же она считалась самой умной среди своих ровесниц и подруг.

Прасковья перечитала все книги в клубной библиотеке и регулярно ездила в библиотеку на центральную усадьбу. Она читала книги в любую свободную минуту, хорошо разбиралась в отечественной литературе, знала и любила зарубежную классику. Говорила она плавно и выразительно. Она была знатной стряпухой. Тесто её «слушалось».

— Я утром встаю, сразу на крылечко выхожу и вижу перед собой огород, речку за ним, за речкой перелесок, а вдали поля! Солнце встает, птицы поют, небо голубое над головой! Мне так этот вид радует душу, что и передать нельзя! — говорила баба Паша.

Противоположности сходятся. Осанистая баба Маша с тяжелой седеющей косой, которую она короной укладывала вокруг головы, с бескомпро-

миссным характером рядом с бабой Пашей, румяной, голубоглазой и тихой женщиной тоже притихала, всегда просила у неё совета, всегда поступала так, как советовала подруга, и никогда не жалела о сделанном. В главных ответах на вопрос: «Что такое хорошо, а что такое плохо» — у соседок было полное единодушие.

— У меня не соседки, а настоящий клад. А баба Паша так красиво говорит, что заслушаешься. Я где-то читала, что каждое место, где живет человек, заслуживает того, чтобы быть воспетым! И везде живут люди, которые способны это сделать!

Соседки заботились о Зиночке наперебой. Они её угощали и стряпанным, и вареным, ходили с ней летом в окрестные леса по грибы и к дальней мари за ягодой голубицей. Они даже стали приискивать для неё жениха, потому что справедливо решили, что девятнадцатилетней Зиночке он очень нужен, хоть далекий, хоть воображаемый, потому что без любви девушка будет сохнуть. Поэтому баба Маша написала внуку письмо в армию, в котором изложила свою деликатную просьбу: найти хорошего паренька среди своих друзей, согласного переписываться с Зиной. Парень должен быть видным, со спокойным характером, уважительным и самостоятельным человеком.

Сам внук на роль жениха не подходил, потому что был, по выражению самой бабы Маши, «большим охотником до женского полу», и успел до армии жениться и ребенка завести, видно, в отца пошел. А так, как с этим псом мужского пола живет больше двадцати лет её любимая доченька, врагу не пожелаешь. Хоть и внучек у неё был на загляденье красавцем, в бабушку пошел. Высокий, стройный, сильный и легкий в движениях, а вот нутро отцовское.

Внук с задачей справился, и Зиночка осенью получила письмо от «незнакомо-го друга». Она ответила. Завязалась оживленная переписка, и дело дошло до того, что Зина стала открывать в письмах свою душу, рассказывая Олегу о своих мечтах и надеждах. А к Новому году она даже послала в далекое Приморье на подводную лодку другу письмо со своим первым заочным поцелуем. Так и написала в конце письма, вместо обычных слов прощания — «целую, Зина».

Зиночка на заботу соседок заботой и отвечала: помогала огороды обрабатывать, солить разносолы, белить дома к праздникам, ходила на рыбалку с бабой Машей, по ягоды — с бабой Пашей. Вместе с ними радовалась их радостям и делила с ними печали. Если нужно было, она вызывала фельдшера, приносила хлеб из магазина, топила печки и приносила воду и дрова, кормила скотину.

— В единстве наша сила! — шутили старушки, а потом добавляли, — и в нашей Зиночке!

Зиночка доставляла почту всем, даже бабушке Варваре, которая жила на отшибе. Так случилось, что муж Варвары вернулся с войны и решил для семьи своей новый просторный дом построить. А место для дома выбрал необычное. Гряда сопок у Кудринки кончалась, но одна из них возвышалась отдельно от других. Как будто бежали, бежали сопки наперегонки друг за другом, бежали цепочкой, а одна вырвалась чуть вперед, да так и остановилась по команде «замри». Вокруг одинокой сопочки были овраги и овражки, сама она лесом поросла, а макушка у неё была ровненькой и гладенькой.

— Место для постройки ты ладное выбрал, а как же ты туда попасть будешь? — спрашивали Ивана.

— А я овраг ликвидирую.

И стал солдат строить маленькие плотины и запруды, стал колышки в землю забивать да ивовыми прутьями их оплетать, а стенки оврага лопатой потихоньку обваливать.

За три года от оврага и следа не осталось, а склон, покрытый дерном зазеленел так ярко, что виден был издалека. Только с колодцем пришлось помучиться. Такого глубокого колодца не было нигде во всей округе. Новый дом возвышался над деревней и радовал всех своим опрятным видом. Вот только солдат недолго прожил на свете. Догнали его старые раны. Оставил он после себя побежденный овраг, новый дом, да четверых сыновей в нем под присмотром своей дорогой Варвары. Поднялись мальчишки да разъехались по свету, а Варвара осталась.

Через десятки лет запруды сгнили, плотины разрушились, вновь появился овраг и с каждым годом он становился все шире и глубже. На Варварино подворье можно было проехать только окружной дорогой, а это почти пять километров. Сама Варвара приходила в деревню раз в неделю с небольшой коляской, набирала продукты, навещала подруг и возвращалась в свой «Варварин хуторок».

Никто к Варваре в гости не ходил, а Зиночка трижды в неделю доставляла ей почту самым странным образом. Проходил как-то в деревне районный слет туристов.

Над оврагом его организаторы натянули два троса, прикрепив их к деревьям с той и другой стороны — полосу препятствий для туристов. Спортсмены уехали, а натянутые над оврагом тросы остались, потому что Зинаида упросила туристов их не снимать, и теперь ловко перебиралась по ним на ту сторону, на «Варварин хуторок».

Она старушке и хлеб свежий стала приносить, и продукты, и поручения выполнять самые разные.

— Оборвешься, Зинаида! — предостерегали её соседки.

— Я легонькая! Не оборвусь! А высоты не боюсь совсем.

А все-таки оборвалась. Да зимой, да в лютый мороз, да как раз на середине пути. Если бы оборвался нижний трос, Зиночка бы повисла на руках и выбралась, но лопнул трос верхний, она не удержалась и рухнула на дно глубокого оврага.

Спасло Зиночку то, что обильный снег, скопившийся на дне оврага, смягчил удар, но Зиночка на секунду все-таки потеряла сознание. Она пришла в себя и стала понемногу пробовать двигать руками и ногами. Переломов не было. Тело было в ссадинах и ушибах, потому что под снегом был валежник, и острые палки сильно поцарапали её даже через теплую одежду. Было очень больно, но руки и ноги слушались. Как хорошо, что свою сумку в путешествие над оврагом Зина никогда не брала, а оставляла под кустиком. Газеты и письмо лежали в кармане и были в целости и в сохранности.

Зиночка осмотрелась. Отвесные стены оврага уходили вверх вертикально. Выступающие корни сосны были очень высоко, и до них нельзя было дотянуться. Ну, хоть волком вой! Зиночка заплакала.

— Мамочка, папочка! Помогите мне! Не дайте пропасть! Олег! Где ты?

И сразу же она поняла, что нужно идти. Спасение было в ней самой! Её никто здесь не услышит и на помощь не придет. Нужно идти по дну оврага и не в ту сторону, где бьёт родничок. Там ледяной наст, а под ним вода, можно так провалиться, что и не выберешься, идти нужно в противоположную сторону. В той стороне овраг в ложбинке становится все мельче и мельче, и рано или поздно Зиночка выберется наверх.

Пошатываясь, проваливаясь в снег по пояс и даже по плечи, она пошла по дну оврага в нужном направлении. Она плыла в снегу, прокладывая себе дорогу с невероятными усилиями. В некоторых местах стены оврага сужались, в некоторых глыбы промерзшей земли угрожающе нависали над ней. Сыпучий и колючий снег набился под куртку, в сапоги, в рукавички. Она промерзла насквозь.

Через полчаса своего путешествия Зиночка увидела, что в одном месте корни деревьев в таком изобилии покрывают стенку оврага, что они могут помочь выбраться. Она попыталась выбраться, но оборвалась и опять скатилась на дно оврага. Села, всплакнула, потом разозлилась на себя, на собственную слабость, и твердо и ясно громко произнесла:

— Сейчас я обязательно выберусь. Я буду цепкой, как кошка, хитрой, как лиса, ловкой, как белка, и буду думать только о хорошем!

Теперь она внимательно осмотрелась, выбрала себе дорогу и стала подниматься. Яркая луна на безоблачном небе освещала ей путь. У неё все получалось. Главное — не спешить! Подтягиваясь на руках, цепляясь за самые крепкие корни, Зиночка выбралась из оврага, но не на сторону деревни, а на сторону хутора. Она поплелась вдоль оврага к домику бабы Вари. Она также тонула в снегу, потому что никакой дороги и даже тропинки не было здесь, и также мерзла и дрожала от холода. Чтобы согреться, она стала вспоминать стихи о теплом лете.

Какое лето! Что за лето!

Ну, это просто колдовство!

И как, спрошу, далось нам это?

Так, ни с того и ни с сего!

Громко читала она любимого Тютчева, но теплее ей не становилось. Её стал бить озноб. Когда показался домик, в окнах которого горел свет, Зиночка повеселела! Спасение было уже совсем близко! Но тут появилась новая преграда — ещё один овраг. К счастью, он оказался неглубоким, и Зиночка просто скатилась вниз, а затем выбралась из него без приключений.

Она была совсем без сил, когда постучала в окно.

— Баба Варя!

— Да кто меня там кличет? Это ты, моя хорошая! Я тебя уже заждаюсь. А что случилось? Почему так поздно? — Говорила баба Варя, распахивая дверь перед долгожданной гостьей.

— Я оборвалась, баба Варя!

— Боже мой! Да ты вся в снегу, куртка порвана. У тебя щека ободрана, кровь замерзла. Все-таки подвела тебя твоя переправа. Говорила я тебе, эти путешествия добром не кончатся! Проходи, проходи. Да ты промерзла вся!

Так недолго и заболеть! Давай-ка вот что сделаем, я сегодня баньку топила, она еще не остыла, ты прямо в баньку и ступай, а веничек всю простуду выгонит. А как же ты выбралась? Я так и знала, что этим твои путешествия ко мне и кончатся! Я всегда возражала, я всегда была против твоих путешествий, так тебя ведь не переупрямишь. Бедная моя! В баньку, в баньку! Потом мне подробности расскажешь!

Банька у бабы Вари была крошечная. Почти всю баньку занимала печка. Она была сложена из кирпичей, и в неё был вмазан большой чугунный котел, который закрывался тяжелой деревянной крышкой, потемневшей от времени. Сбоку в печурку была вделана обыкновенная духовочка, наполненная чистыми крупными речными камнями. Когда печку протапливали, нагревалась сама банька, нагревалась вода в котле, а в духовке нагревались и раскалялись камни. Стоило на них плеснуть водой из кованого ковшика, как тут же тяжелое облако пара поднималось клубками прямо к потолку, к которому были подвешены сосновые веники. Запах соснового леса с избытком наполнял крошечное помещение. За печкой был маленький полоч, на котором даже лечь нельзя было, а париться можно было только сидя.

Эта игрушечная банька, протопленная бабой Варей как нельзя кстати, согрела Зину.

— Ты сама помоешься или тебе прислужить? Сил-то хватит?

— Хватит!

— Ты с паром поаккуратней там! Как воду плеснешь, отстранись немного, а то обожжешься ненароком. Нам только этой беды ещё не доставало!

Зиночка не обожглась. А когда она парилась в бане, она думала о том, что полчаса назад она была на краю гибели, а теперь она почти в раю!

После бани во всем теле появилась легкость, похожая на невесомость. Тело подышало ароматом соснового леса, а теперь пахло само этим удивительным запахом! Голова немного кружилась. Хотелось лечь в мягкую чистую постельку и дремать, дремать, дремать...

Потом Зина, закутанная в новый халат бабы Вари, который ей год назад подарила внучка, но он все лежал в комод, все ждал, когда он пригодится хозяйке, и дождался, пила душистый чай со свежими крендельками и отдыхала. Вдруг окно осветилось светом фар, кто-то застучал громко в дверь.

— Открыто!

Первыми в дом вошли баба Маша и баба Паша, а позади выглядывал Матвей Иванович.

— Живехонька! Ой, живехонька! — запричитали старушки с порога. Они кинулись к Зиночке и стали её обнимать, прижимать к сердцу, заглядывать ей в глаза.

— А мы тут Матвея Ивановича побеспокоили. Смотрим, а свет у тебя не горит. Мало ли что? Затревожились, пошли к тебе. Печка не топлена, коза не доена, и тебя не видать. Стали думать, что с тобой могло случиться? Сумки на месте нет. Потом правильно решили, что ты на Варварин хутор пошла. Взяли фонарь, посветили, а сумка почтовая под деревцем лежит. Значит, туда ты прошла, а назад не вернулась. Смотрим, а трос оборван. Кричали мы тебя, кричали, а потом решили к Варваре съездить. Мы к управляющему!

— Матвей Иванович и слова не сказал, сразу нас повез. Мы решили, если тебя нет у Варвары, будем деревню поднимать на поиски. Весь овраг обойдем, а тебя найдем! А ты тут, на месте. Ну, слава Богу! Слава Богу! Так ты все-таки оборвалась, значит?

— Сколько раз я вам говорил, Варвара Пантелеевна, перебирайтесь на нашу сторону, а вы все на своем настаиваете! Нет, лета дождусь, достану два рельса и проложу мостик к вашему дому. Машина, конечно по нему не пройдет, но ходить будете без опаски. И никаких канатов! Тоже мне, туристы! — разгорячился управляющий.

— А чего лета ждать?

— Столбы сейчас не вкопаешь, а рельсы на растяжку класть нужно. Что же? Устроить такой мостик, чтобы Зина опять упала? Или Варвара Пантелеевна в овраге оказалась? Или кто-то из вас пожелает вместе с мостиком провалиться? Молчите? Не торопите меня, сейчас не время, а летом мостик соорудим. А пока, Варвара Пантелеевна, буду время выкраивать и возить вас в деревню три раза в неделю на государственной машине. Хотя и не положено это, но другого выхода нет. А ты, Зинаида, больше по веревкам не лазь к ней, не обезьяна, взрослая девушка на выданье. Бери пример с Марии Михайловны, не роняй честь профессии. Да у нас в деревне и допустить никто при ней не мог, что сам начальник почты может по веревкам через овраг перебираться!

— Ладно, больше такое не повторится!

Варвара тем временем не бездействовала. Она помогла гостям раздеться, выдвинула круглый стол на середину комнаты и стала быстро накрывать его. В мгновение ока на него была выставлена картошка прямо в небольшом чугушке, чтобы не остыла, соленые грузди, селедочка, домашний творожок, нарезанное сало, моченые груши, мед и варенье, домашние постряпушки-тарочки с молотой черемухой, а из дальнего угла была вынута бутылка водки. Все честь по чести! Вид закусок на столе был такой аппетитный, что даже у диктора центрального телевидения, который что-то уныло бормотал с телеэкрана, от зависти вытянулось лицо.

И пошла гулянка с разговорами, расспросами и душевными беседами.

А часа через два... кто-то рукой в мохнатой когтистой рукавице постучал в окно. Кто бы это мог быть? Все в доме притихли и даже Матвей Иванович примолк.

— Откуда в двенадцать часов ночи гости? Кто это?

— Это не гости, это моя собака Найда домой на ночь просится. Видно мороз крепко прижал. Я в сильные морозы её зимой домой пускаю. Она — настоящий живой градусник. Если мороз зимой до тридцати, она в будке ночует. Стоит только температуре ниже тридцати хоть на один градус опуститься, Найда лапой в окно стучит. Не пугайтесь! Я иногда и сама вздрагиваю, если забудусь! Сейчас дверь ей открою.

Собака юркнула рыжим пушистым комком в дверь и тут же спряталась под кухонным столом. И оттуда, из темноты, черными глазками своими ревниво посматривала на гостей хозяйки.

— Я тут вспомнила, что взяла с собой спирт неразведенный, чтобы в случае чего Зинаиду растереть, но видно, что он для этого не нужен. Не принять ли нам его внутрь за испуг?

Мнения разделились. Баба Паша и Зиночка возражали.

— Хватит нам, хватит всем. Нам еще в обратный путь. Ты, Матвей Иванович, за рулем.

— А ты думаешь, что в такой час нас милиция встретит? Прав нас лишит? Неси, Мария Ивановна, свой спирт. Мы его оприходуем. Нам это по плечу! А ты, Прасковья Терентьевна, не возражай!

— Он — единственный мужчина в нашей компании, будем его слушаться!

Лучше всех «слушалась» Матвея Ивановича Мария Ивановна. Меньше чем через час стало ясно, что управляющего за руль пускать нельзя, хоть и милиция очень далеко. Потому что он уже плакал на плече бабы Вари и говорил о своем Петеньке, о том, почему их с Аней так Бог наказал.

— Бывает горе и больше твоего. Бывает, что дети вырастают плохими, творят зло страшное. А Петя никого не обидел, слова плохого никому не сказал, а то, что он вечный ребенок, так значит тому и быть. Доля его такая, судьба. А ты поплачь, поплачь, не все тебе в себе горе нести. Надо иногда и выплеснуть его из себя.

— Горе вином не зальешь, а радость пропьешь — неправильная пословица! Если по чуть-чуть, ничего страшного!

С этими словами Мария Ивановна стала исследовать содержимое опустевших бутылок.

— Уймись! Хватит тебе уже! Давай лучше споем! Давно не пели мы втроем с Варварой, да и Зиночка нам подпоет! Она тоже девушка голосистая! Запевай!

— Подскажи, какую?

— Что-нибудь душевное очень.

Ах, ты ноченька! Ночка темная!

Ночка темная, да осенняя!

С кем я ноченьку, с кем осеннюю,

С кем я ноченьку коротать буду?

Нет ни матушки, нет ни батюшки,

Есть зазнобушка, да и та с другим!

Песню спели так красиво, так задушевно, что после пения все притихли и взгрустнули. Каждый думал о своем. Зиночка думала о том, что у неё нет ни матушки, ни батюшки. Варвара думала о том, что живет на отшибе от людей, и Зиночкино несчастье обернулось для неё праздником, Матвей Иванович думал о судьбе своего Петеньки. Баба Маша и баба Паша думали одинаково: о том, что вдовья доля горькая на вкус.

Все-таки компания засобиравшись домой. Зиночку закутали в тулуп, который соседки привезли с собой на всякий случай, на ноги обули старенькие хозяйские валенки и она уселась в предварительно прогретую машину с большим пакетом в руках, в который сложили её полусырую одежду. Матвею Ивановичу помогли добраться до машины и усадили рядом с Зиночкой. Он уткнулся в уголок сиденья и мгновенно заснул. За руль села баба Паша.

— А ну-ка, вспомним молодость! Не пугайся, Зинаида, я машину с войны водить умею, и права у меня есть. И такую я когда-то водила. Домчу с ветерком! Ну, Маша, не ожидала я от тебя такого. Подсунулась ты с этим спиртом!

— А вот посчитай! На компанию из пяти человек бутылка водки. По сто грамм на человека! Что это для здоровой женщины? Один глоток! А мы добавили, получилось по два глотка.

— Ты не раскладывай на всех. Ты — совсем не пьешь. Нам троим по глотку хватило. Остальные глотки Матвей Иванович сделал. За нас всех. Не люблю я эти средние цифры! Вот, допустим, съела ты полкило колбасы, а я — ни грамма, а в среднем у нас с тобой по двести пятьдесят граммов на душу населения получилось. Только у тебя в пузе шелк, а у меня — щелк! Или вот про спиртное говорят, что в год мы выпиваем восемнадцать литров на человека! Почему же нас всех вкруговую алкоголиками делают? Я вместе со встречей Нового года и именинами больше 300 грамм не выпиваю, а ведь кто-то за меня мою норму добирает, надрывается бедный! А я — симулирую!

— За кого ты меня принимаешь? Я что, колбасу сама бы съела? Или литры одна выпила? Только никто мне колбасы не несет, и литры не поставляет! Я бы тебя и Зиночку угостила. Поосторожней со своими примерами, так и обидеться можно!

— А ты не обижайся! Теперь такие хлопоты мне: везти нас ночью домой. Домчу с ветерком, молодость вспомню. А про Матвея Ивановича молчок, никому ни звука. Бедный мужик! Приехал молодым человеком, мечтал дальше учебу продолжить, хотел ученым стать. А как родился у них с Аней Петя, так и остались они в нашей деревне. Аня медицинский институт так и не закончила. С пятого курса ушла. Куда с таким ребенком? Теперь вот фельдшером у нас работает. А Петеньку и в школу не взяли, слово такое придумали — «необучаемый»! А учить кто-нибудь пробовал?

Зина в разговорах участие не принимала, она укуталась в тулуп, задремала... и сквозь дрему видела заснеженные поля, полосу леса вдаль, мелькавшие придорожные кусты, освещенные яркой луной, и думала о том, что здесь ей всё знакомо и очень дорого. До сердечной боли!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Путешествие по дну снежного оврага не прошло для Зины совсем даром. Она прихворнула. Утром Аня осмотрела её, сказала, что ничего страшного нет, но больничный лист на три дня предложила. Зина от него отказалась, но лечиться стала точно по предписаниям фельдшера.

Соседки переполошились. Они явились к ней сразу обе, велели с постели не вставать, отлежаться, а сами вдвоем быстро переделали все домашние дела. С дальнего края деревни пришла бабушка Флёнушка — местная знахарка и принесла настои трав, какую-то жгучую мазь в скляночке и большие вязаные носки из козьего пуха. Велела настойку пить, мазь нанести на ступни ног, а сверху надеть теплые носки и спать, спать, спать.

— Сном все пройдет, милая!

Через три дня Зина была здоровехонька! Когда она поправилась совсем, к ней под вечер неожиданно пришел Матвей Иванович.

Он чувствовал себя не совсем уверенно, встал у порога. Зина с трудом угостила его присестом на стул.

— А то и впрямь, сяду. Разговор у меня к тебе серьезный и дело особенное. У нас школу закрыли.

— Как? Почему?

— Учить некому. Вера Васильевна ногу сломала, теперь в гипсе дома лежит. А учить некому. Подменный учитель при районном управлении образования уже занят, учительница где-то в декрет ушла. Нам предлагают детей на центральную усадьбу возить, но матери против этого. Зима, сама видишь, какая лютая стоит. Вот я подумал, подумал и решил, что, кроме тебя, Веру Васильевну подменить некому. У неё я был, она тебе помогать будет, будет консультировать и планы для тебя писать. Ты будешь работать под её руководством. Да ты ведь и сама у неё училась. Она говорит, что ты справишься, у тебя талант есть, а к школьному делу есть у тебя любопытство. Ты ведь в школу заглядывала и помогала Вере Васильевне. Так что ты в курсе. Ты как относишься к учительскому труду?

— Я никогда не думала об этом, и я ведь работаю уже. Мне дело мое нравится. А как я почту брошу?

— Почту не бросишь, будешь совмещать.

— А кто мне разрешит такое совмещение?

— Я уже с почтовым начальством разговаривал, так если твое совмещение делу помехой не будет, оно дает добро.

— Я вижу, что вы, Матвей Иванович, все за меня решили.

— Так что? Дашь согласие?

— Попробую. А когда приступать?

— Завтра, с утра. Я детям скажу, чтобы в школу шли. Как машина почтовая придет, посматривай, да беги домой, а баба Паша за детишками временно присмотрит. И вот еще что, я тебе портфель от Веры Васильевны привез. Там в нем все инструкции. Телефон у тебя есть, так что позвонишь ей, она тебе все объяснит. Не робей!

Матвей Иванович ушел, оставив Зину в полной растерянности.

Вот уж не думала она никогда, что встанет перед классом в роли учителя. Да её и слушаться никто не будет!

Только шаги Матвея Ивановича стихли во дворе, и Полкан перестал гавкать ему вслед, как к Зинаиде пожаловали новые гости. Сгорая от любопытства, баба Маша и баба Паша прямо с порога начали свои расспросы. А когда убедились, что Зина и впрямь детишек учить с завтрашнего дня будет, они стали наперебой давать советы. Особенно старалась баба Паша, которая в педагогике очень много понимала, потому что работала в школе двадцать лет уборщицей. Она топила печки, мыла полы, подавала звонки с урока и на урок и даже пекла калачи для завтраков.

— Ты главное, поостроже с ними. Зайди в класс, как посмотри сурово на них, чтобы сразу притихли и твою силу почувствовали. Дай им знать, что у тебя не забалуешь! Главное — чтобы слушались! — говорила баба Маша.

— Не слушай ты её, не слушай. К детям с лаской нужно, с теплом, с добротой. Я четверых вырастила, а голос никогда на них не повышала и руку не поднимала. И смотри, какие детки! Гордость моя! И в школе я второй после Веры Васильевны человек. И меня дети уважают, любят без всякого

окрика. Ты, главное оденься как-нибудь по-новому. Не в спортивных же брюках ты завтра пойдешь в школу?

— А у меня и юбки никакой нет! Я их не ношу, поэтому не покупаю.

— Юбку мы тебе сейчас сошьем.

Отрез на юбку нашелся в шкафу у Зиночки. Ручную швейную машинку принесли из дома бабы Паши. Отрезом обернули Зиночку и прямо на ней сметали юбку. Зиночке в зубы дали лоскуток и велели его крепко прижать, а то по поверью, память ей можно было пришить.

Юбку сшили буквально за полчаса. Отгладили, примерили, всплеснули руками, довольные результатами. Зина крутилась перед зеркалом и одевала то один свитер, то другой. Лучше всего смотрелся с юбкой маленький черный свитерок, однако, чего-то не хватало, какой-то детали. Баба Маша сходила домой и принесла нитку крупных желтых бус из янтаря. Теперь вид у Зины был вполне учительский. Баба Паша дала последние наставления.

— Ты в класс зайдешь, так первым делом поздоровайся с ребяташками, и имя своё назови.

— Так меня и так все знают!

— Знают, да не знают. Раньше ты Зиночкой для них была, а теперь — Зинаида Алексеевна. Готовься к урокам, а мы пойдем, мешать не будем.

— И помни, что у тебя самое главное есть, для того, чтобы встать перед классом — ум. А вид — он на втором или на третьем месте. Глянешь иногда на человека, а он видом орел, а умом тетеря! А ты у нас и видом, и умом — орлица! — обернувшись с порога добавила баба Маша. — Не робей!

Зина к урокам готовилась до поздней ночи. Она звонила Вере Васильевне, и та отвечала на все её вопросы. А потом Зина долго не могла уснуть, и все думала и думала, как ей войти в класс. Она вспоминала, как появлялись в классе её учителя. Молоденькая эксцентричная учительница биологии, например, заходила в класс, напевая веселую песенку. На детей она внимания не обращала. Потом делала вид, что заметила ребятшек, удивлялась и говорила: «О! Кого я вижу! А вы тут что делаете?»

Класс, надрываясь, хором кричал, что они пришли к ней на урок. «Что, учиться хотите?» — спрашивала учительница. «Да!» — кричали дети. «Сильно?» — спрашивала учительница. «Да!» — опять кричал класс. «Что же, пойдем навстречу вашим пожеланиям». И после этой веселой сценки начинался урок.

Зиночка представила себе, как она входит в класс и говорит: «О! Кого я вижу!» и эта фраза так насмешила её, что она тихонько захихикала. Нет, решено, она просто и серьезно поздоровается с ними. Никаких эксцентричных выходов! А как хочется что-нибудь веселенького!

Зинаида Алексеевна «развеселилась» ровно через неделю. Нет, вначале у неё все получалось очень хорошо. В нелегкое учительское дело она вникла быстро. Утром в школу приходили ученики второго и третьего класса. Всего их было семнадцать человек. Первым всегда стоял урок чтения для всех. Вера Васильевна втайне от начальства проводила объединенный урок. В журналы она писала все как нужно, а уроки вела иначе.

Она справедливо решила, что тексты родной речи второго и третьего классов мало чем отличаются по степени сложности. Ребенок второго класса

вполне может понять тексты третьего, тем более наоборот. Главное — научить детей читать бегло, выразительно, понимать прочитанное и отвечать на вопросы по тексту. Дети читали все тексты, но не в той последовательности, которая была предусмотрена программой.

Уроки чтения были праздничными. На уроках Вера Васильевна широко использовала прием театрализации. Разыгрывались сценки про попрыгунью стрекозу, которая «лето красное пропела», про квартет из осла, козла и косолапого мишки, ставились целые спектакли по русским сказкам и рассказам русских писателей.

Дети уроки чтения очень любили, читали много и с интересом, а когда уезжали в среднюю школу, приятно удивляли учителей старших классов своими навыками учебного труда, своим умением работать с текстом, своей любовью к книге и начитанностью. Они выгодно отличались от выпускников другой малокомплектной школы, в которой учителя менялись ежегодно. Кудринские ребята, получив крепкую базу знаний в младших классах, дальше учились также хорошо, как и в начальных классах, и честь своей школы не роняли.

Вторым уроком всегда был русский язык, и задания делились по классам, но если второклассники слушали и понимали объяснения к заданиям третьего класса, то им это делать не запрещалось, а если третьеклассники вспоминали материал второго класса и отвечали на вопросы учителя, им тоже замечаний никто не делал. Хотя каждый класс работал по своей программе, по своему учебнику.

Третьим уроком была математика, которая длилась тридцать пять минут тоже раздельно для второго и третьего класса, а после пятиминутной перемены, во время которой приходили первоклассники и усаживались за свои парты, десять минут шел устный счет для всех.

Примеры давались разные, на разных карточках: на синих карточках — для третьего класса, на белых — для первого класса, на желтых — для второго. Часто Вера Васильевна на устный счет приносила мячик и играла с детьми: неожиданно бросала мяч то одному, то другому, и говорила примеры, а ребята давали ответы.

Когда примеры для третьего класса решал первоклассник, Вера Васильевна ставила ему пятерку в журнал. Первоклассник Женя Курышев получал пятерки на каждом занятии устным счетом, у него были прекрасные математические способности.

Затем шел общий урок рисования, физкультуры, пения или труда. Школьный день для второклассников и третьеклассников заканчивался, они шли домой, а Вера Васильевна занималась с первоклассниками, которых было всего шесть человек.

Она строго следовала программе и проводила уроки в полном объеме. Говорят, что как-то давным-давно к ней в первый класс пришел всего один ученик, и для него одного она также серьезно готовилась к урокам и также строго проводила их, и также добросовестно учила Костю — единственного ученика в первом классе. Теперь он живет в далеком Мурманске, служит на кораблях и шлет своей первой учительнице поздравления ко всем праздникам.

Вера Васильевна писала для Зинаиды поурочные планы и передавала их с учениками старших классов, вечерами она долго инструктировала Зинаиду Алексеевну.

— Слушай внимательно, что ты будешь делать завтра.

И шел обстоятельный и подробный рассказ о планах на следующий день. Как обозначить тему урока, как оценивать ответы ребят, сколько оценок поставить за урок и за какой труд ставить оценки, как делать замечания Васе, который такой непоседливый, что просто не может высидеть целый урок, как делать минутные перерывы на физкультурные паузы. Зина инструкциям следовала точно, и у неё все получалось прекрасно.

Она и не думала никогда, что учительский труд такой тяжелый. Нужно было не только понятно и толково объяснять детям новое, владеть безупречно речью, строить предложения грамотно, но нужно было чувствовать, как дети воспринимают урок, как усваивают материал.

Нужно было владеть их вниманием, делать паузы или переключать их на новый вид работы, если прежний этап урока утомлял их. Нужно было оценивать их работы и одобрять или не одобрять их поведение на уроках.

Зинаида Алексеевна уставала так сильно, что после семи уроков, проведенных в школе, она приходила домой, ложилась на диван и лежала целый час неподвижно в полной тишине, а потом поднималась и принималась за дела почтовые, которые тоже требовали много сил и времени.

Всю работу по дому делали соседки: они топили печку, кормили Зину вкусеньким, ухаживали за козочками. Баба Маша интересовалась.

— Получается у неё?

— На отлично! Лучше и быть не может! Она — настоящая учительница.

Перехвалили соседки свою подопечную, потому что чрезвычайное происшествие все-таки случилось.

Учился у Зинаиды Алексеевны в третьем классе Саша Лукин. В школе он был новенький, его родители приехали в село всего месяц назад. Когда его учила Вера Васильевна, то вначале она мальчика не беспокоила, давала привыкнуть к новой обстановке и никогда не спрашивала на уроках.

Саша был угрюмым, замкнутым, испуганным ребенком. На вопросы на уроках он не отвечал, в тетрадах писал коряво и с огромным количеством ошибок, оживлялся только во время устного счета и решал все примеры уверенно и всегда давал правильные ответы.

Вера Васильевна пока не оценивала его работы в тетрадах, а только подчеркивала красной ручкой отдельные слова, примеры.

— Неправильно написано? — спрашивал шепотом Саша.

— Нет, наоборот, это лучше всего у тебя получилось. А раз получилось это хорошо, значит, ты мог и все хорошо написать. Пока ты не заслужил хорошую оценку, а плохой я тебя огорчать не хочу. Не спеши! Если ты не справишься со всем заданием, я упрекать не буду. Главное — чтобы все было написано хорошо и правильно.

Саша смотрел удивленными глазами на учительницу, на ребят в классе, а те ему объясняли, что Вера Васильевна никогда двойки не ставит, если видит, что ученик старается! Саша настолько мало знал, что Вера Васильевна не могла решить, с чего начать борьбу с пробелами в знаниях Саши Лукина.

Похоже, что Саша почти не умел читать. На уроках чтения он смотрел на учителя, как затравленный зверек.

Зинаида Алексеевна про Сашу Лукина ничего не знала, его отказы читать текст на уроках восприняла как личное оскорбление и однажды решила на своем настоять.

— Дальше читать будет Саша Лукин, а мы все будем слушать!

— Не буду я читать!

— Почему?

— Не буду, и все! Я не хочу!

— Как это, не хочешь?

— Не хочу, и все тут.

— Читай! Почему молчишь? Ах, ты и разговаривать со мной не хочешь! Тогда давай дневник, я тебе поставлю двойку!

Мальчик хотел спрятать дневник в портфель и не отдавать его учителю, но Зинаида Алексеевна опередила его, взяла дневник и пошла к учительскому столу. Тогда Саша выскочил из-за парты и стал отбирать дневник у учительницы. Он плакал.

— Отдайте дневник, отдайте мне его! Не ставьте мне двойку! Не пишите мне никакие замечания! Обойдусь я без ваших замечаний! А читать все равно не буду!

— Нет уж, двойку поставлю и тогда верну! Пусть родители полюбуются, как их сын в школе учится!

Зинаида Алексеевна решительно шла по проходу между партами к учительскому столу, а Саша все бежал за ней, пытаясь вернуть дневник. Он подпрыгивал и махал руками, он даже хватал учительницу за плечи, но остановить её не мог.

Как случилось, что мальчик разорвал нитку бус Зинаиды Алексеевны, он и сам не понял, но класс замер, когда на чистый, крашеный деревянный пол, как град, посыпались тяжелые янтарные бусы.

— Бух, бух, бух!

Нитка бус рассыпалась на глазах.

— Ах, ты? Как ты смеешь? — закричала учительница, повернулась к испуганному и растерянному мальчику и замахнулась в гнев дневником на него.

— Зинаида Алексеевна, вас к телефону! — услышала она в это время звонкий голос бабы Паши. Пожилая женщина вошла в класс, взяла учительницу за руку и вывела её в коридор и там зашептала пронзительным шёпотом.

— Ты что, с ума сошла? Ты почему на детей кричишь? Успокойся! Дневником замахнулась! Ты с ними не на одной доске, тыверху, они внизу, ты взрослая — они дети. Детство кончилось, это тебе не с мальчишками на улице в войну играть. Размахалась она тут! Он читать не умеет, и унижения боится. Что смеяться будут, боится, вот почему отказывается читать. Даже я это понимаю, хитрость его детскую разгадала, а ты не можешь. Ты его на позор, на потеху выставить хотела?

— Нет, — растерянно произнесла Зина.

— Что ты к нему пристала? Мальчик всего третий год в школе учится, а четвертую школу поменял. Он только-только отогреться стал, на человека

стал похож, а ты тут дневником машешь. Самурайка несчастная! Успокоилась? Иди в класс и ищи выход из положения.

— Какой?

— Придумай что-нибудь. Здесь учитель ты, а не я. А дома я с тобой отдельно побеседую!

Зина вернулась в класс. Дети сидели за партами неподвижно и смотрели на молодую учительницу испуганными глазами. В классе стояла напряженная тишина. Саша стоял возле парты, и в его ладонях были бусины. Все до одной. Он дрожащими руками протягивал их Зинаиде Алексеевне. Она пошла навстречу маленькому мальчику, взяла бусы из протянутых дрожащих рук ребенка и тихо, почти шепотом, спросила его, глядя прямо в широко открытые глаза:

— Ты нечаянно?

Мальчик только кивнул.

— Он нечаянно, нечаянно. Нечаянно!

Детское многоголосье заполнило класс. Все ученики защищали Сашу. Не мог Саша «нарочно» совершить такой поступок. Саша не такой, Саша хороший, а бусы порвались нечаянно.

— Ну, нечаянно, так нечаянно. Продолжим урок! Читать дальше будет Оля Пискунова, а мы все будем следить.

И урок пошел дальше, плавно, спокойно, и только горстка больших желтых янтарных бусин на учительском столе напоминала о его неприятных минутах, да виноватый взгляд Саши Лукина, да еле сдерживаемые слезы молодой учительницы. А любопытное солнце всё заглядывало и заглядывало в класс, и его крохотные лучики играли в бусинах янтаря, то легко отражаясь от гладкой поверхности, то высвечивая их желтоватую глубину. С навеса над школьным крылечком вдруг скатилась первая капелька растаявшего снега и упала вниз, замерзнув на лету. Она была похожа на непрошеную слезу. Февраль был на исходе. В теплых краях уже цвели подснежники, а поля и леса вокруг Кудринки еще были окутаны зимним сном.

Зине очень хотелось плакать, только она при всех не расплачется, ни за что не расплачется! Не такой у неё характер! И она выдержала. А злополучные бусины янтаря баба Паша на перемене нанизала на крепкую нитку и одела на шею молодой учительнице. Как награду за разумный выход из трудной ситуации.

Расплакалась Зина дома. Легла на диван и стала жалеть себя.

— Ах, бедная я, несчастная! Одна-одинёшенька на всем белом свете! Для кого живу, для кого хожу по этой земле. Кто мне рад? Кому я свет в окошке? Ничего не могу как следует сделать! Зачем я согласилась поменять Веру Васильевну? Матвей Иванович уговорил? Пусть бы сам и учил. Уговорить кого-нибудь — это он может. Тихим голоском, он так убедительно говорит, что и возразить нечего! Справишься, справишься! Как же, справились! На ребенка чуть руку не подняла! И почему ей Вера Васильевна ничего про Сашу не сказала? Могла бы сказать, она бы мальчика не тронула. У неё ведь тоже сердце есть! Она просто думала, что ребенок капризничает, решила его заставить читать. Разве она могла подумать, что он в третьем классе читать не умеет? А Прасковья Терентьевна вовремя меня из класса вывела.

К телефону! Она и пошла, совсем забыла, что телефона всего два на всю деревню: на почте и в доме управляющего. А если бы баба Паша не вывела её из класса, она бы что? Она бы стукнула бедного мальчика, а он бы потом помнил это всю жизнь. Говорят и так, у него отчим злющий, может и поколачивает мальчонку. А если бы она написала замечание в дневник, то ударила бы ребенка не сама, а его рукой? Интересно, кто это придумал, все плохое писать в дневник. Даже страничка есть такая в дневнике для замечаний учителя, а для поощрений?

Зинаида Алексеевна, Зинаида Алексеевна! Да какая она Зинаида Алексеевна? Зинка — и больше никто! Все-таки насколько почтовое дело лучше учительского труда. Спрашивать никого не надо, оценки ставить — тоже. А Вера Васильевна предлагает поступить весною заочно в педагогический институт и подменить её в работе, ей ведь через пять лет на пенсию. Ни за что! Агитирует её подружка Лена из районного почтамта поступить в Хабаровский техникум связи, чтобы ещё лучше знать свое почтовое дело. Вот туда Зина и пойдет учиться, весной поедет поступать, а в педагогический — никогда. Прекрасная профессия учителя не для неё! Нет у неё бесконечного терпения.

Чтобы окончательно успокоиться, Зиночка вытерла слезы, встала с дивана, открыла шкаф, достала старенькую дамскую сумочку, в которой хранилось все самое ценное, вынула фотографию Олега и его письма и стала перечитывать их. Вот первое письмо, вежливое, сдержанное, написанное ровным четким мелким почерком буковка к буковке без единой ошибки. Вот второе его письмо, уже не такое официальное, с благодарностью за то, что она отозвалась и вступила с ним в переписку. А дальше рассказы о том, как служба идет, как мама ждет, как девушка прождала всего год и вышла замуж, как хорошо, что ему пишет Зина такие добрые письма и ему теперь есть о ком думать в тишине матросского кубрика. В письмах были рассказы про его родную Сибирь, какие в ней леса, какие реки, какое небо над головой, какой город Омск, куда он вернется доучиваться в институте, со второго курса которого его призвали на службу. В одном из писем Олег Григорьев прислал высушенную водоросль, которая пахла морем, и Зиночка берегла её, положив между страницами книги. Только через полгода переписки они обменялись фотографиями.

Когда Зина получила письмо, на котором было написано «Осторожно, фото», она даже не сразу открыла конверт. Она боялась, что Олег ей не понравится. Напрасно боялась. Смотревший на неё матрос в бескозырочке был симпатичным молодым человеком в расцвете сил и мужской красоты.

Зиночка фотографироваться ездила в районный центр, но ей сделали такую фотографию, что даже она сама себя с трудом узнала.

— Да что же я такая страшная? — спросила она приемщицу в фотоателье.

— Уж, какая есть, — ответила ей молодая женщина.

— Не может быть! — сказала Зиночка и долго рассматривала себя в зеркало и поняла, что ей так не нравится на снимке. Лена нанесла ей на лицо косметику и видно перестаралась девушка. От всех косметических ухищрений губы у Зиночки стали похожи на вареники, а глаза оказались круглыми и выпученными, как у козы накануне окота.

Она послала Олегу любительский снимок, который был выполнен не так качественно, но был очень достоверным: и был виден легкий ореол темных кудрей вокруг лица Зиночки, и туго заплетенная коса лежала на плече, и улыбка была загадочной. В письмах они, не стовариваясь, написали, что именно так они себе и представляли друг друга.

Потом Зина стала собираться в доставку, подбирая по «Ходовику» — специальному журналу, в котором были записаны все адреса и список подписных изданий по каждому из подписчиков, газеты и журналы. Когда она стала раскладывать письма, обнаружила письмо от Олега. Как она его просмотрела при беглом осмотре прибывшей почты? Она пришло как нельзя кстати!

«Здравствуй, дорогая Зина!

Отнесись к тому, что прочтешь в этом письме, спокойно. Это мое письмо к тебе — последнее. Я встретил девушку во время увольнения, мы подружались. Она рядом со мной, а не только далеко в письмах, как ты. Она живет во Владивостоке, мы с ней часто видимся, и я понял, что она мне дорога.

Желаю тебе счастья, Зиночка. Ты ещё встретишь свою судьбу. Спасибо за дружескую переписку.

Олег».

Когда Мария Ивановна поздно вечером вышла во двор, чтобы покормить собаку, она увидела, что ветер принес какие-то обрывки бумаги к ней во двор. Она собрала их, чтобы выбросить, но, разглядев, догадалась, что это части порванной фотографии, и положила все обрывки в карман куртки. Она направилась к дому Зиночки, но не зашла. В доме горел свет во всех комнатах, гремела музыка, Эдита Пьеха пела про замечательного соседа, сама хозяйка под грохот магнитофона, включенного на всю громкость, с распущенными волосами танцевала какой-то замысловатый танец. Что такое?

Встревоженная пожилая женщина, миновав дом Зины, поспешила к подруге Прасковье Терентьевне. Может быть та что-нибудь прояснит? Не прояснила. Вместе они пошли к Зинаиде и застали её заплаканной, но никаких объяснений не добились.

— Все у меня нор-р-р-мально! Нор-р-р-мально все!

Зиночка говорила бодрым голосом, но в глаза соседкам не смотрела, и по всему видно было, что Зиночка в отчаянии.

Не добившись никакого вразумительного ответа, подруги вышли на улицу.

— На работе у неё конфуз вышел, но она из положения с честью вышла, достоинство свое не уронила! Не могла она из-за этого так расстроиться! Здесь что-то другое!

— Я тут обрывки фотографии во дворе у себя нашла. Ветер принес. Может быть, их сложить и рассмотреть, что на ней изображено? Может быть тогда у нас с тобой все прояснится? Здесь, наверное, дела любовные пошли под откос!

Решено было фотографию склеить. Когда женщины склеили обрывки, они увидели фотографию Олега, которую им Зина показывала только однажды. Правда, снимок был неполный. Фрагмент, на котором был нос молодого человека, был утерян. Фотография имела жалкий вид. И бескозырка, и чуб, и лоб, и щеки, и скулы, и глаза Олега уцелели, а вместо носа была огромная

белая дыра. Все равно пожилые подружки качали головами, цокали языками и дружно хвалили морячка.

— Какой симпатичный молодой человек! Надо же! Какой симпатичный! И за что Зина его так?

— По виду нельзя судить о человеке. Сова хоть под небеса летала, а все соколом не стала. Видно он из совиной породы, хоть и красавчик на вид.

— Какой симпатичный, какой симпатичный, — опять заохали пожилые женщины.

Лица у соседок были серьезными, и только большой белый кот бабы Маши, которому с высоты печки можно было рассмотреть фотографию безносого молодого человека, вдруг глянул на фотографию, и неожиданно свалился кубарем на пол и громко замяукал. Наверное, со смеху!

А Зина уснула только под утро. И все думала и думала об одном: ну, почему мир такой непрочный? Трос оборвался, бусы рассыпались, любовь исчезла без всякой надежды на возвращение. Да и была ли она? Дружеская переписка — не более того! Ну и пусть ветер унесет его фотографию на все четыре стороны!

На следующий день в школе бедняжка была рассеянной, говорила невпопад, плохо слушала ответы детей, а даже если и старалась слушать — не понимала иногда, о чем они говорят. Дети чувствовали её настроение и вели себя тихо. На большой перемене, когда все вышли в коридор пить чай с калачами, в класс вдруг вернулся Саша Лукин, подошел к учительскому столу, за которым, уставившись в одну точку, неподвижно сидела Зинаида Алексеевна.

Он осторожно погладил её по руке и сказал тихонько:

— Ну, не расстраивайся, не расстраивайся! Ты хоть и сердитая сегодня, но ты — настоящая красавица!

Детская трогательная ласка была такой чистой, такой сердечной, такой искренней, что Зиночке стало немного легче.

— Знаешь, приходи сегодня в школу к пяти часам. Я буду заниматься только с тобой одним. Никто нам не помешает. Мы будем учиться читать!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

ИСТОРИЯ КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДО 21 ВЕКА

Корею называли страной утренней свежести. Она находится в Восточной Азии, на Корейском полуострове. По политическим причинам страна разделяется на два лагеря — Северную и Южную Корею. Мы не будем входить в исторические диспуты, а рассмотрим только литературу этой страны. Из истории нам известно, что в начале нашей эры было известно о трех государствах на этой территории (Пэкче, Силла, Когуре). В конце 10 века полуостров был под властью Коре. В 1910 году Корея стала колонией Японии. После 1945 года Государство Корея распалось на два лагеря (Северная и Южная части).

До конца 19 века историки утверждают, что корейская литература считалась двуязычной — создавалась как на официальном литературном языке ХАНМУНЕ (корейизированная форма китайского письменного языка ВЭНЬЯНЯ, так и на корейском языке. В основу ранних образцов художественной прозы были положены элементы из древнекорейского фольклора начала нашей эры (предания, песни). В 6-10 веках была развита поэзия из небольших стихотворений ХЯНГА («песни родной стороны»). В 12-14 вв. традиции ХЯНГА были продолжены в КАЕ («песни Коре»). Эта поэзия отличалась длинными стихами (тематика — обрядовая, любовная и восхваление властителей). Историки отмечают развитие поэзии на ХАНМУНЕ (пейзажная и философская лирика). Проза этого направления была отмечена конфуцианским историком Ким Бусика («Исторические записи трех государств», 11 век). В этой работе писатель рассказывает о жизни буддийских подвижников. В 12-13 вв. в государстве было много войн и смут (монгольские нашествия). На первый план выступают даосские представления о мире и человеке и связь их с природой. Это мы видим в трудах поэтов-анахоретов. Они известны в истории как «Семеро мудрых из Страны к востоку от моря». Историки особо отмечают творчество Ли Инно; его произведения стали образцами для литературы буддийско-даосского направления. Мастером пейзажной лирики и родоначальником жанра поэмы историки считают Ли Гюбо. Ученые отмечают, что в Корее в течение нескольких веков были приняты китайские поэтические формы и только на рубеже 14-15 веков появляется новый жанр СИДЖО — трехстрочный стих на корейском языке, ритмический строй которого определялся типом мелодии. Жанр поэм возникает ближе к 15 веку. Художественная проза в 13-14 веках постепенно отделяется от исторической литературы. Новый вид литературного направления ЯСА (неофициальные истории) занимает видное положение (буддийский монах Ирена «Забытые деяния трех государств»). В прозе малых форм (Пхэсоль)

видное место занимает творчество Ли Джехен, где он сумел показать историю, быт и нравы корейского народа. Интересно появление в литературе «псевдобиографий», по типу исторических жизнеописаний, в которых авторы героями назначают животных и растения.

К середине 15 века в Корее было создано буквенно-звуковое письмо. Первым произведением на корейском языке считается «Ода дракону, вознесшемуся в небеса». В произведениях этого периода, несмотря на еще большое влияние конфуцианства, появляется эмоциональная окраска и должное внимание человеческой личности. Это особенно видно в произведениях поэтического жанра — СИДЖО (трехстишие) и КАСА (большие поэмы). Значительное развитие получила новелла, которая выделилась из ПХЭСОЛЬ. В новеллах Ким Сисыпа обращается внимание на простых людей, сатиру на конфуцианскую мораль. Со Годжоном в 1478 году была составлена «Тонмунсон» («Восточный изборонок») — лучшая проза и поэзия до начала 15 века.

Дальнейшее развитие корейской литературы произошло в 16 и 17 веках — влияния освободительных настроений (война с Японией и сопротивление маньчжурским завоевателям) — творчество поэта Пак Инно. Настроения отчаяния и неудовлетворенности породили в поэзии «литературу рек и озер» на корейском языке.

А теперь я хочу подробнее рассмотреть литературу средневековой Кореи до 17 века. Если читатель заметит повторения — пусть меня простит. Корейский народ имеет древнюю родословную, его появление по легендам связывают от связи медведицы с сыном небесного владыки. Большое влияние на культуру народа оказала китайская цивилизация, а также общение с племенами Северо-Восточной Азии. Первые фрагменты исторической прозы (5-10 вв.) ученые нашли в произведениях 11-13 вв., где эти отрывки играли определенную роль (эпоха трех государств). Ким Бусик (1145 год) создал «Исторические записки о трех государствах» по типу китайских династийных повествований, использовав некоторые эпизоды «Панчатантры» — описав необыкновенных людей, которые совершали чудесные подвиги. Буддийский монах Ирен (13 в.) дописал к этому труду свои «Дополнения к истории трех государств», применив элементы легенд, сказок и оригинальные новеллы. Этого писателя можно считать основателем жанра «малых прозаических форм — ПХЭСОЛЬ». Он сумел дать литературную жизнь и правителям, и разным чудакам. Расцвет этого направления был в 15-17 вв. (Со Годжон «Восточный сборник» из 130 томов; Ли Гюбо «Рассказы Пэчуна»; Сон Хен «Гроздь рассказов Енджэ»; Чхон Е «Разные рассказы из Страны, лежащей к востоку от моря»). Эти маленькие рассказы постепенно обогащаются фольклорными мотивами, получают тематическую направленность, психологические всплески. Сюжетная проза в 15 веке имеет свою разновидность — литературная новелла и повесть («СОСОЛЬ»); поэт Ким Си Сып (1435-1493) составил сборник «Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи» (фантастические сюжеты). Другой корейский писатель — Лим Чже (1548-1587) пытается в своих новеллах приуменьшить влияние конфуцианской власти на общественную жизнь. В произведении «История цветов» он вводит аллгорию: ведется историческая хроника бытия цветов и насекомых. Особенно язвительная сатира чувствуется в повести «Мышь под судом», где автор обличает праздность и религиозный дурман

в высших сферах власти. Картины утопического царства в своих новеллах создал Хо Кюн (1569-1618); в повести «Достойный Хон Кильдон» он нарисовал образ борца за народное счастье (историки находили сходство с образом Робин Гуда).

Познакомимся с некоторыми литературными произведениями средневековой Кореи.

Ли Ин Но — отрывок из новеллы «Долина журавлей в горах Чирисан»:

«...Как все это было не похоже на привычный мир! Но Долину Журавлей отыскать нам так и не удалось. И тогда я высек на скале такие стихи:

«Над грядой Турюсана
Облака на закате нависли.
Сотни скал и ущелий
Не уступят Гуйцзи красотою.
К Журавлиной долине,
Взявши посох, ищу я дорогу,
В дальней чаще безлюдье,
Только слышно — кричат обезьяны.
Еле видимы башни
Трех священных вершин в отдаленье,
Затерялись под мхами
Разных надписей древние знаки...»

Пак Ту Се — отрывок из новеллы «Его жена»:

«Во времена правления короля Кванха среди Больших северян был один первый министр. Его сын рано выдержал экзамены и дослужился до должности королевского секретаря ведомства... А вот зять его, сэн Ким, в жизни был большим неудачником. Он вынужден был жить в семье своей жены... Только жена очень любила сэна и была добра к нему...»

Лю Монбин — отрывок из рассказа «Арка с надписью «Верной жене»:

«Некий столичный муса имел усадьбу в Мильсоне и часто разъезжал между Сонджу и Санджу. По пути он всегда останавливался на ночлег в доме одного сонби — ученого-конфуцианца, с которым был очень дружен. Но вот случилось так, что в течение четырех-пяти лет муса не смог ни разу съездить в Мильсон из-за неотложных дел. Когда же ему удалось наконец туда отправиться, он поспешил к своему старому другу. Но оказалось, что тот уже три года как умер...»

Ким Сисын — отрывок из «Новых рассказов, услышанных на горе Золотой черепахи»:

«...Город Пхеньян лежит на земле, издревле именуемой Чосон. Еще когда чжоуский правитель У-ван одержал победу над государством Шан, он посетил там мудрого Киджа, и тот поведал царю «Великий план в девяти разделах». У-ван отдал мудрецу во владение эту местность, но числить Киджа своим подданным не стал... Юноша проснулся в страхе и тут же велел домашним умыть его, переодеть, возжечь курения, подмести двор и разложить циновки. Потом он лег, подпер рукой щеку и незаметно отошел...»

Расскажем немного о поэзии. Ким Бусик (историограф) отнес появление первых поэтических произведений к 28 году н.э. Он пишет в «Исторических

записях о трех государствах» (1145): «началом песен и музыки на корейской земле стал Юри-ван...» Дошедшие до нашего времени отрывки поэтических произведений имеют религиозный характер. Произведения записывались и на древнем китайском и по-корейски (ХЯНЧХАЛЯ), которые назывались «ХЯНГА» — песни родной стороны. Хянга содержит от четырех до десяти строк. Десятистрочная хянга состоит из трех строф — двух четырехстрочных и последней двухстрочной (хянга Кюне).

Хянга Кюне

Постоянно следую учению Будды

«Завет нашего Будды, желанья его,
Добытые им на пути тягот и скорбей,
В перерождениях прежних данные им,
Преданно исполнять буду я всегда.
Пусть обернется прахом тело мое, —
Пусть мне и жизнь суждено за это отдать, —
Твердо стою и вовек с пути не сверну,
Все Будды поступали именно так.
Разум, увидевший вечного Будды путь!
Разве захочешь свернуть ты на путь иной?»

Деятельность государей династии Коре (10-14 вв.) имела цель приблизить область культуры к китайским образцам. Отечественную поэзию на ханмуне теперь предоставляют авторы, учившиеся не в Китае, а у себя на родине — Чон Джисан, Ли Инно и др.

Ли Инно

Долина журавлей в горах Чирисан

«Над грядой Турюсана облака на закате повисли.
Сотни скал и ущелий не уступят Гуйцзи красоте.
К Журавлиной долине, взявши посох, иду я дорогу.
В дальней чаще безлюдно, только слышно — кричат обезьяны...»

В 15-17 вв. в корейской культуре происходят большие изменения по причине смены государственных аппаратов. Появление в поэзии нового жанра «СИДЖО» (нач. 15 в.), который напоминает «десятистрочие» жанра «Хянга». Историки отмечают и отличие этих стилей: в «Хянга» личность могла воздействовать на космос и привести его в гармоническое состояние, в «Сиджо» происходит преследование личных целей, во всем виден «индивидуалистический подход» к жизни. Этот индивидуальный подход в 15-17 вв. дал развитие пейзажного «Сиджо» и «Каса» (влияние даосизма (Китай)).

Юн Сондо

Из цикла «Новые песни в горах»:

Сосна

«Если жарко — цветы зацветут,
Если холодно — лист опадает.
Отчего же, сосна, для тебя
Не страшны ни метели, ни иней?
Знаю: крепкие корни твои
В царство мертвых проникли глубоко...»

В корейской культуре 17-18 вв. в «Сиджо» произошло изменение — появились «Длинные Сиджи» (разновидность поэтических форм, по объему больших, чем «Сиджо»). В поэзии и прозе появляется новый герой — человек низкого происхождения (причина — в государстве стали поощрять практические науки). Издаются обширные сборники поэзии на родном языке (антология «Чхонгу енон» — «Неувядаемые слова Страны зеленых холмов»). После этой антологии в 18-19 вв. выходят более десяти таких публикаций. К концу 18 века появляется и разновидность средневековой «Каса» — «Кихен Каса» (путевые заметки), которая занималась изучением мира. Также появляются и «Женские Каса», они вели начало от народной поэзии. Сделаем некоторые выводы: поэзия на «Ханмуне» в 15-19 вв. занимала ведущее положение в корейской словесности, ее тематика — критика с конфуцианских позиций, пейзажная поэзия, интимная лирика. Но историки отмечают, поэзия на «Ханмуне» и поэзия на корейском языке всегда дополняли друг друга.

Пак Чегв

Катаюсь на лодке в морском Кымгансане

«Довольно ли сил сей брег созерцать у человеческих очей?
Ветер и дождь за тысячи лет содеяли столько чудес!
Даже и в летописях — об айнах речей вразумительных нет.
Чьи слова на тайну пути Сюй Ши пролить бы сумели свет?..»

Каса неизвестных авторов

Белая чайка

«Белая чайка, останься!
Я не из тех, кто ловит птиц.
Государь удалил меня,
И в след за тобой иду я.
Что ж, в путь! На белом коне
С поводьями золотыми —
Туда, где меня заждались
Пять ив в уборе весеннем...»

Обратимся к прозе 18-19 вв., тогда особенно популярен был жанр повести на корейском языке «Сосоль»: героическая («Имджинская хроника»), лирическая («Повесть о Чхунхян»), «дворцовые дневники» (писали дворцовые дамы), анонимные многотомные романы («Удивительное соединение двух браслетов»).

Большой популярностью в середине 19 века пользовался поэт-сатирик Ким Сакката (1801-1863); его знали как поэта-бродягу, шутника, который пренебрегал мирскими благами и ценил только свою свободу. О себе он писал:

«На лодку легкую похожую,
Надел я шляпу из соломы
И с нею, как с подругой верной
Брожу по свету сорок лет...»

Ким Саккат писал о том, что видел, слышал, думал, чувствовал; в стихах высмеивал жадных богачей, жалел голодных и бедных.

Конец 19 в. — начало 20 в. в корейской литературе происходят большие изменения — «Ханмун» перестает быть господствующим языком, появляется новая проза «Син Сосоль» (романы Ли Инджика, Ли Хэджо). Начало современной прозе положил Ли Гвансу (1917 г. — его ранние рассказы). В это время в Корее происходят разные политические движения, что отражается и на литературе: писатели разделились на писателей-символистов и писателей-романтиков. Под влиянием революционных идей появилась пролетарская литература. Историки утверждают, что ее предшественницей являлась «школа нового направления» представлена — Чхве Сохэ (новеллы с социальной направленностью), Ким Соволя (реалистическая лирика), Чо Менхи, Сон Ен и др. В 1925-1935 гг. большое развитие в этом направлении литературы получил роман о корейской деревне (Ли Гиен). К началу 40-х годов, под влиянием политических событий — японо-китайская война, часть писателей обратились к историческому роману (Хон Менхи), другие (Ли Сан) находились под влиянием западных символических течений.

Разделение Кореи на два лагеря (с 1948 — КНДР) и Южная Корея, дало развитию двух разных литератур.

Северная Корея (КНДР) — социалистическая литература имела главенствующее положение. Основная тема литературных произведений — демократические преобразования в стране (Чо Гичхон, поэма «Гора Пэктусан» об антияпонском движении). С середины 50-х годов в этой части Кореи большое место занимали военные публикации (война 1950-1953 гг.). Во второй половине 20 века ведущими темами были — борьба против японских колонизаторов («Море крови», 1973; «Судьба охранника», 1977), темы мирного созидательного труда, борьба за объединение родины, антиимпериалистическая тема. Все эти произведения писались под строгим контролем Союза Писателей Кореи (основан в 1953 году). Ведущими писателями этого периода являлись — Ли Гиен, Чхон Себона, Чхве Менъика и др.

Чхон Се Бон (1915) — корейский писатель из рабочей семьи (отец — батрак); начал печататься с 1946 года (рассказ «Перевал»). В своих произведениях изображал перемены жизни корейского народа (повесть «Люди борющейся деревни», трилогия «Новая весна в селении Соккауль», 1962). Его исторические романы («История бедствий», 1964; «Новый берег в тумане, 1966; «Течет великая река», 1964) пользуются большой популярностью в Северной Корее.

Чхве Сохэ (1901-1932) — корейский прозаик; родом из бедной крестьянской семьи; образование — начальная школа. На заработки уехал в Китай, где работал чернорабочим. В 1923 году вернулся на родину. Первые его рассказы («Родина», «Тоска по родине») имели успех у критики. Автобиографический рассказ «Исповедь беглеца» написан в эпистолярной форме, в нем писатель стремился убедить корейских читателей, как тяжела жизнь вдали от родины и своего народа. Его произведения отличаются глубоким психологизмом, простотой и лаконичностью языка. Творчество писателя — это яркая страница литературы школы нового направления — «Синкхенхяпха».

Писатели Южной Кореи в 1945-1948 годах выражали в своих произведениях надежду на скорое воссоединение родины. Но после войны (1950-1953 гг.) их взгляды изменились в сторону американо-европейских лите-

ратурных течений, влияние экзистенциализма, концепции «Новой критики», теории антиромана.

«Антироман» («Новый роман») — вырабатывал приемы безгеройного повествования (Натали Саррот, М. Бютор и др.). Перестройка структуры прозы велась ими в различных направлениях — А. Роб-Грийе (подчеркнуто бесстрастное описание предметов внешнего мира); Н. Сарро (общезначимая внутренне диалогичная стихия бессознательного). Отказ от обрисовки целостных характеров и сюжетного содержания отрицательно действовали на само произведение. Это направление было развито во второй половине 20 века.

Писатели Южной Кореи часто использовали темы войны, абсурда, одиночества, эротики. После определенных политических событий (восстание 1960 г.) в литературе появилась новая тема — «литература участия» (критика политики верхов) — проза Ким Сонхана, поэзия Ким Джиха.

Отрывок из рассказа Хен Чжингона «Удачный день»:

«...После этого она заставляла учениц читать письмо вслух прямо при ней. Дрожащим голосом девушки декламировали сладкие, как мед, строчки, отчего гнев госпожи Б только рос, как и ее твердое желание докопаться до истины и узнать отправителя. И все робкие заверения молодых учениц, что все это — проделки совершенно неизвестных им особ, о которых они ничего и слыхом не слыхали, и оправдания, что их вины тут нет совсем, разбивались о стену неверия и праведного гнева. На головы девушек обрушивались настоящие потоки угроз и увещеваний: скажи лучше по-хорошему, а то ведь так и до исключения из школы недалеко, да разве будет кто-то писать письма, если он даже адресата лично не знает, не дай бог случилось что-то непристойное, раз пишет, значит, где-то встречались, рассказывай, где, когда и как это произошло... Если девушка делала робкое предположение, что, возможно, это кто-то, с кем она познакомилась во время концерта, прошедшего недавно в школе, или, может быть, на ярмарке в деревне кто был, то госпожа Б тут же с дотошностью полицейского вгрызалась в мельчайшие подробности этих возможных сценариев: кто это был? Как он на тебя посмотрел? Что сказал? С каким выражением лица? После такого допроса девушки выходили из кабинета и чувствовали себя, словно у них только что отняли лет десять жизни, не меньше...»

Отрывок из романа Ган Хана «Вегетарианка»:

«...Включил свет и вошел в ванную. В последние дни температура на улице держалась около десяти ниже нуля. Несколько часов назад, принимая душ, я забрызгал резиновые шлепанцы, и они до сих пор оставались холодными и влажными. От черной дырки вентилятора над унитазом, от пола и белого кафеля на стенах исходило ощущение печали и одиночества, навешное холодной зимой.

Войдя в спальню, я не услышал никаких звуков с той стороны, где, свернувшись калачиком, лежала жена. Мне даже показалось, что в комнате, кроме меня, никого нет. Конечно же, я заблуждался. Прислушался и едва слышал тихое дыхание. Однако спящий человек дышит иначе. Стоило только протянуть руку, и я нащупал бы теплое тело. Но почему-то я не смог дотронуться до нее. И говорить с ней совсем не хотелось...»

Чон Ю Чжон (1966) — южнокорейская писательница, которая активно включала жанровые темы в повествование при создании истории. Ее произведения почти всегда отражают реальные события. Ее известные книги: «Выстрели мне в сердце» — о молодых людях, которые стремятся сбежать из психиатрической больницы в поисках свободы; «Чилненуи бам» — история жизни мужчины, который вынужден стать убийцей и его сына; «28» — фантастическая драма, описывающая конец света — мир отравлен эпидемией, убивающей людей через воду; «Хороший сын» — книга показывает внутренний мир убийцы-психопата.

Ха Сон Нан (1967) — южнокорейская писательница, ее творчество критики назвали «микроскопическим изображением». Она много писала в средней школе, ее работы были отмечены наградами. Училась в Сеульском университете на факультете искусств. Ее рассказы имеют оригинальную особенность — автор вырисовывает образы героев, используя все богатство корейского литературного языка. Психологическая обработка слова, заставляет ее раскрывать образ через соединение внутреннего и внешнего мира: в рассказе «Цветы плесени» показан человек, который ищет какой-то смысл жизни в мусоре. Писательница все свое творчество направила на трагические случайности жизни (убийство, аварии, пожары, несчастные случаи, ненормальность людей). Этим она подчеркивает — мир хрупок, счастье не постоянно. Ее значительные произведения: романы «Радость от еды», «Гостиница Сапшоро Инн» (2000), «Герой Моего Фильма» (2001), серия рассказов.

Бора Чунг (1976) — южнокорейская писательница; ее сборник рассказов «Проклятый кролик» был особо отмечен мировой критикой — Букеровская премия 2022 год. Образование — Йельский университет, филолог. Писательнице принадлежат три романа и три сборника рассказов. В своих трудах она использует элементы фантастики и магического реализма.

Йом Сын Сук (1982) — южнокорейская писательница. В своих произведениях автор заостряет внимание читателей на тяжелых моментах из их жизни. Она пишет много критических статей, в которых показывает неустроенную жизнь молодого поколения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975 г.
2. Восточная новелла. М., 1977 г.
3. Классическая поэзия Кореи. М., 1985 г.
4. Журнал «Иностранная литература». М., 1987 г.
5. Краткая литературная энциклопедия. М., 1975 г.
6. История всемирной литературы. М., 1994 г.
7. Словарь литературоведческих терминов. М., 1974 г.